

Академия наук СССР

Институт языка, литературы и истории
им. Г. Ибрагимова

346505

Проверено
2001 г.

Р. Г. Мухамедова

ТАТАРЫ-МИШАРИ

*Историко-этнографическое
исследование*

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000034425

Издательство «Наука»

Москва 1972

Мишари — этническая группа татар Среднего Поволжья. Районы расселения мишарей — районы большой этнической пестроты. Здесь бок о бок в течение длительного времени живут русские, чувашки, татары, мордва. Автор на основе материалов многолетних полевых этнографических исследований анализирует материальную и духовную культуру мишарей второй половины XIX — начала XX в. (хозяйство, поселения, жилища, семейные отношения, религиозные верования, одежда и т. д.), освещает процессы этнокультурного взаимовлияния. Хронологические рамки работы гораздо шире исследуемого периода.

Ответственный редактор

Г. М. ХИСАМУТДИНОВ

Рамзия Гиниятовна Мухамедова

Татары-мишары

Историко-этнографическое исследование

Утверждено к печати

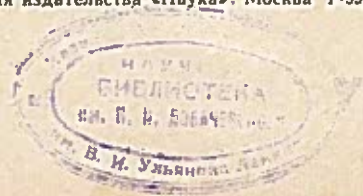
*Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова
Академии наук СССР*

Редактор **Д. М. Каган**. Редактор издательства **Н. П. Бобрик**
Художественный редактор **В. Н. Тикунов**. Художник **Л. С. Эрман**.
Технический редактор **Л. И. Курякина**

Сдано в набор 11/1 1972 г. Подписано к печати 16/IV 1972 г.
Формат 60 × 84^{1/4}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 14,41. Уч.-изд. л. 14,5.
Тираж 5 200. Т-09702, Тип. зак. 132 Цена 93 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62 Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

1-6-2
130—72

Предисловие

Мишари, изучению которых посвящено настоящее исследование, представляют этнографическую группу татар Среднего Поволжья и Приуралья. Они говорят на особом говоре, относимом лингвистами к западной диалектной группе татарского языка. Расселены они в основном по правому берегу Волги на территории Мордовской, Чувашской, Татарской АССР, Горьковской, Рязанской, Пензенской и Ульяновской областей. Поселения мишарей имеются также в Башкирской АССР, Оренбургской и Куйбышевской областях. Часть татар-мишарей осела в разных городах нашей страны.

Данное исследование в территориальном отношении ограничено правобережными районами Среднего Поволжья, т. е. охватывает мишарей, живущих в пределах Горьковской, Рязанской, Пензенской, Ульяновской областей, Мордовской, Чувашской и в некоторых районах Татарской АССР (Буинском и Дрожжановском).

Автор стремится дать характеристику материальной, духовной культуры мишарей, их семейного быта, выяснить по мере возможности происхождение элементов культуры и показать их развитие во второй половине XIX — начале XX в. (до 1917 г.). Для работы, имеющей характер историко-этнографического исследования, эти хронологические рамки наиболее целесообразны, так как бытовой уклад этого периода, с одной стороны, сохранившиеся в той или иной степени древние компоненты, восходящие к ранним историческим эпохам, и, с другой стороны, включал элементы, возникшие в более позднее время. И, что еще важно, этот период довольно хорошо прослеживается на полевом материале, которым мы располагаем.

В ряде случаев для выяснения происхождения или изучения элементов быта делаются экскурсии в более ранние периоды. В конце основных глав или разделов дается краткая характери-

стика хозяйства, материальной культуры и семейного быта в настоящее время. Детальное изучение современной культуры и быта татар-мишарей должно составить тему специального исследования.

Поставленные в данной работе вопросы представляют часть проблемы о формировании и развитии культуры и быта всего татарского народа. Поэтому в центр внимания исследования ставится задача уяснения культурных и этнических связей мишарей с казанскими татарами. Кроме того, автор пытается определить место мишарей и их культуры среди других народов Среднего Поволжья.

Районы расселения татар-мишарей представляют значительный интерес, поскольку в них наблюдается пестрота населения и своеобразие исторических условий его формирования. Так, например, русские, мордва, чуваш и татары-мишари в течение длительного времени живут здесь рядом друг с другом, нередко чересполосно. Установление экономических и культурных связей способствовало сближению этих народов и общности исторических судеб. Поэтому естественно, что в настоящем исследовании значительное место уделено раскрытию процессов культурного взаимовлияния. Освещение истории мишарской этнографической группы татар Поволжья поможет полнее выявить истоки исторически сложившейся дружбы татарского, русского, а также других народов края.

Не претендуя на полноту изложения всех вопросов, связанных с исследованием материальной и духовной культуры, семейного быта татар-мишарей, мы тем не менее выражаем надежду, что этот труд явится некоторым вкладом в дело изучения культуры и быта татарского народа.

В процессе работы над данной книгой автору оказали неоценимую помощь историки, археологи, языковеды, сотрудники музеев и архивов, советские и партийные работники районов, руководители колхозов. Ценные сведения получены от многочисленных информаторов. Всем им выражаю глубокую признательность.

Введение

Обзор литературы и источников

О татарах Среднего Поволжья и Приуралья существует значительная литература. Однако в большинстве работ, особенно в опубликованных до середины XIX в., как отмечает Н. И. Воробьев, «данные распространяются на всех татар в целом»¹. Поэтому пользоваться этими источниками для исследования мишарей можно лишь в том случае, если читатель хорошо знает территориальное распространение отдельных этнографических групп и знаком с особенностями их быта. Так, И. И. Лепехин дал описание костюма татар, живущих по р. Черемшан². В частности, он очень хорошо обрисовал головной убор *кашпау*, характерный элемент материальной культуры мишарей в прошлом³.

В 1783 г. землемер Симбирского уезда Милькович описал быт и верования татар Симбирской губернии⁴. Как известно, татары, населяющие эту территорию, относятся в основном к мишарской этнографической группе. То же самое наблюдается в литературе более позднего времени. Так, в работе В. М. Черемшанского⁵ дается значительный материал по быту татар Приуралья, но без указания на их принадлежность к определенной этнографической группе.

Со второй половины XIX в. заметно повысился интерес к изучению народного быта. Ряд исследователей начали интересоваться мишарями как особой этнографической группой татар. На повестку дня ставится и вопрос об их происхождении. Наибольший интерес в этом отношении представляет трехтомная монография В. В. Вельяминова-Зернова⁶, которая содержит богатый исторический материал.

Значительно возрос интерес исследователей к вопросу о происхождении мишарей в связи с созывом IV Археологического съезда, состоявшегося в Казани в 1877 г.

Образование при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии, в задачу которого входило исследование местного края, ознаменовало новый этап в изучении татар Поволжья. С этого времени начинают появляться отдельные статьи, касающиеся культуры и быта мишарей. Так, в 1883 г. выходит работа В. А. Казаринова⁷, в которой довольно подробно описываются особенности «мишарского языка». Работа интересна в том отношении, что в ней проводится сопоставление мишарских и крещено-татарских слов.

К этому же периоду относятся статьи Е. А. Малова⁸ и В. К. Магницкого⁹. Правда, оба автора преследовали чисто миссионерские цели. Так, Е. А. Малов утверждал, что мишари как по физическим данным, так и по языку и одежде близки к русским, и сожалел, что они не христиане. В. К. Магницкий, подбирая отдельные факты, стремился доказать, что мишари — «отатарившиеся чувашаи». Все же статьи В. К. Магницкого интересны тем, что в них прослеживается сходство в культуре мишарей и чувашей.

В 1903 г. появилась значительная не только по объему, но и по ценности приведенного в ней материала работа татарского исследователя Г. Ахмарова¹⁰. Наряду с разбором особенностей мишарского диалекта, в работе содержится значительный этнографический материал (предания и исторические данные о мишарях, особенности их имен и фамилий, описание их наружности, занятий и костюмов).

Интерес к происхождению мишарей, их быту начинает проявляться и в журналистских кругах татарской интеллигенции этого времени. Так, некоторое познавательное значение имеют статьи З. Баширова¹¹, а также М. Акчуриной¹², опубликованные в журнале «Шуро».

Особенности мишарского диалекта привлекли внимание финского ученого Хейкки Паасонена, изучавшего тюркские заимствования в финно-угорских языках¹³. Определенный интерес проявлял он также к устному народному творчеству мишарей¹⁴.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкие перспективы развития национальной культуры, дала возможность проводить этнографические работы во всех краях нашей страны. Большие исследовательские работы начали проводиться и по изучению быта народов Центрально-промышленной области, Поволжья, в том числе и среди татарского народа. Однако основное внимание исследователей было направлено на изучение быта казанских татар. Что касается другой этнографической группы поволжских татар — мишарей, то они все еще оставались слабо изученными. Из работ, вышедших в послереволюцион-

ное время и относящихся к нашей теме, следует отметить сборник «Культура и быт народов Центрально-промышленной области». В этом сборнике две статьи — С. П. Толстова¹⁵ и Б. А. Куфтина¹⁶ посвящены материальной культуре мишарей сергачской группы (описывается планировка двора, убранство жилищ, устройство очага, приводятся некоторые данные по женской одежде и головным уборам). Особенностью этих статей является тесное переплетение конкретного описания элементов культуры с их научной интерпретацией.

В эти же годы органы здравоохранения проводили работу по санитарному обследованию сельских усадеб и жилищ центральных губерний. На основе этих обследований был издан сборник, в котором содержится значительный этнографический материал. Так, в статьях С. В. Глотова¹⁷ и А. Ф. Рудольфи¹⁸ подчеркивается, что у татар Нижегородской губернии (т. е. у мишарей. — Р. М.) преобладал открытый, «с санитарной точки зрения более желательный» тип двора; приводятся данные по внутреннему убранству жилищ и т. д.

В послевоенный период отмечается новый этап в изучении татар-мишарей. Особый интерес к их происхождению начинают проявлять антропологи. Из серии антропологических работ следует отметить монографию Т. А. Трофимовой¹⁹, освещающую вопрос этногенеза татар Поволжья. В этой работе автор приводит значительный материал и по антропологическим типам мишарей. Данные по антропологии татар-мишарей имеются также в статьях К. Ю. Марк²⁰, Б. А. Васильева и Т. А. Алексеевой²¹.

Серьезный вклад в дело изучения истории формирования культуры и быта татар-мишарей был внесен также археологами. В частности, М. Р. Полесских изучены городища и селища булгарского типа на территории Пензенской области²².

В 1950-х годах началось планомерное изучение культуры и быта татар-мишарей этнографическими, диалектологическими и фольклорными экспедициями Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. Собранные материалы частично опубликованы²³, а также легли в основу некоторых кандидатских диссертаций²⁴.

Значительным вкладом в исследование быта и культуры татарского народа явилась монография «Татары Среднего Поволжья и Приуралья»²⁵, в которой приводятся также материалы по расселению татар-мишарей, некоторые данные по их материальной культуре и семейно-родственным отношениям. Однако эта работа, посвященная исследованию культуры и быта всех групп татар, естественно, не охватила в полной мере и, тем более, с полной глубиной все стороны этнографии мишарей.

Некоторые данные о татарах-мишарях можно почерпнуть из литературы, имеющей краеведческий характер. Сюда прежде всего следует отнести работы А. Хвощева²⁶, А. А. Гераклитова²⁷, А. Любимова²⁸ и И. Д. Воронина²⁹, содержащие материалы о расселении татар-мишарей. С. Ф. Ташкин³⁰ на основании документов Екатеринбургской комиссии описывает положение нерусских народов России, в том числе и мишарей, в XVIII в. Из дореволюционной литературы к этой серии относятся работы: А. Н. Зерцалова³¹, где представлены документы о переселении курмышских мишарей на Карсун; В. Э. Красовского³², в которой приводятся данные о переселении служилых алатырских музр и татар в Симбирск; П. Мартынова³³ о служилых татарах Симбирского уезда; В. и Г. Холмогоровых³⁴ о колонизации Саратовского края и др.

Сведения исторического характера о мишарях можно почерпнуть из данных архивных документов, главным образом из «Темниковских актов»³⁵, которые очень хорошо освещают быт служилых татар, их семейные, экономические, социальные отношения периода XVII в., и из «Арзамасских поместных актов»³⁶, охватывающих время с 1578 по 1618 г. (о поместных служилых татарах). Документы, характеризующие экономическое положение татарского крестьянства (в том числе и мишарей) в 60—70-х годах XIX в. приводятся в сборнике «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX века»³⁷.

Значительный материал содержится в «Актах хозяйства боярина Морозова»³⁸ (об алатырских служилых татарах), а также в актах монастырей³⁹, в делах духовной консистории (преимущественно о миссионерской деятельности среди мишарей). Некоторые данные по материальной и духовной культуре татар-мишарей имеются в фондах различных архивов. Так, в Центральном госархиве Ульяновской области хранится копия рукописи Т. Г. Масленицкого «Топографическое описание Симбирского наместничества»⁴⁰, в которой имеются значительные сведения об одежде, верованиях, обрядах татар-мишарей Симбирского наместничества. В архиве МАЭ имеется рукопись Ф. Н. Гайнутдинова «Материалы по этнографии касимовских татар, темниковских и нижегородских мишарей»⁴¹. В ней приводится описание материальной культуры (жилище, одежда) указанных групп татар, а также зарисовки наиболее распространенных тамг. Значительный материал, особенно данные по землевладению татар-мишарей, хранится в фондах центральных государственных архивов Мордовской АССР, Пензенской и Саратовской областей. Здесь имеются владенные записи и планы земельных участков татар-

ских обществ начиная с XVII в.⁴² В фондах землеустроительной комиссии сохранились планы некоторых деревень⁴³. Наглядное представление о расположении деревень (с указанием количества дворов) на местности, а также об их приблизительной форме можно получить из топографической карты Пензенской губернии (изд. 1862 г.).

Кроме указанных источников, данные для характеристики быта и культуры мишарей можно найти в рукописных фондах разных научных учреждений. Прежде всего имеются в виду фонды Мордовского научно-исследовательского института и краеведческих музеев Саранска, Пензы, Саратова, а также Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. В последнем сконцентрирован значительный полевой материал, собранный ежегодными плановыми экспедициями (этнографическими, диалектологическими, фольклорными), начиная с 1950 г.

Ценный материал, особенно по одежде и изобразительному искусству, дают коллекции областных и республиканских краеведческих музеев Среднего Поволжья (Горьковского, Пензенского, Саратовского и Саранского), а также собрание Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград) и Московского областного краеведческого музея.

Этим и исчерпываются литература и источники, содержащие сведения о жизни и быте мишарей. К сожалению, они очень скудны. Поэтому при написании данной работы в основном были использованы полевые материалы автора, собранные во время экспедиций и научных командировок в районы проживания татар-мишарей.

К вопросу об этногенезе татар-мишарей

О происхождении мишарей имеется немало противоречивых гипотез. Так, наиболее распространенной в конце XIX в. была гипотеза В. В. Вельяминова-Зернова⁴⁴ о мордовско-финском происхождении мишарей. По его мнению, в бассейне Оки жило родственное мордве, тоже финского происхождения, племя «мещера» (*мочар, можар*), отатарившейся частью которого и являются татары-мишари.

«Слово мочарин (и можар), — писал он, — сохранилось до сих пор в татарском имени «мишяр», которым называет себя часть татарского по языку населения (мещеряки) губерний: Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской,

составляющая, как думать можно, отатарившиеся остатки прежней мещеры (мочаров и можаров)»⁴⁵. Как уже указала Т. А. Трофимова, позднее и другие авторы присоединились к гипотезе В. В. Вельяминова-Зернова. Так, В. В. Радлов поддерживал «можарское» происхождение мишарей, считая, что термины *мишар* и *можар* родственны: «Так как переход гласного звука коренного слова «я» («а») в «и» совершился только в последних столетиях, то прежде это племенное название выговаривалось «мяшар», что довольно близко к слову «мажар»⁴⁶.

А. Ф. Можаровский подкреплял гипотезу В. В. Вельяминова-Зернова топонимическими данными. Он находил, что топонимические названия с именем мажар в пределах бывшей Казанской губернии бытуют на правом горном берегу Волги, а именно в Тетюшском уезде⁴⁷.

В 20-х годах текущего столетия С. П. Толстов выдвигает маджаро-венгерскую гипотезу происхождения мишарей. Она довольно близка к гипотезе В. В. Вельяминова-Зернова в том отношении, что С. П. Толстов также считает мишарей отатарившейся частью древней мещеры или мажар. Но в отличие от В. В. Вельяминова-Зернова он полагает, что мажары — не финская, а угорская народность, ответвлением которой являются и мажары Венгрии⁴⁸.

Мажаро-венгерскую гипотезу происхождения мишарей поддерживал Б. А. Куфтин⁴⁹. Он допускал мысль, что термины *мишар* и *мажар* могут исходить от *маджар*. Но в отличие от В. В. Вельяминова-Зернова и С. П. Толстова он не признавал древнего племени *мещера*, следовательно, и концепцию об их обрусении или отатаривании. Присоединяясь к гипотезе С. П. Толстого, Т. А. Трофимова пишет, что «Мишари, по-видимому, отражают в своем антропологическом облике группу, восходящую по времени существования мажарского племенного союза, всеми связями тяготевавшего к областям Северного Кавказа»⁵⁰.

Определенный интерес заслуживает буртасская гипотеза, которую выдвинул на VIII Археологическом съезде Ф. Ф. Чекалин⁵¹. Он связывает «мещеру», упоминаемую в русских летописях XVI в., с буртасами IX—X вв., о которых писали восточные авторы. Эту гипотезу поддерживает наш современник Б. А. Васильев⁵². Он также утверждает, что этноним *буртас* вплоть до XVI в. употреблялся как параллель этнонима *мещера*. В противовес Куфтину, Б. А. Васильев доказывает, что топографические названия *мещера* произошли от названия народности, переселившейся сюда под давлением половцев, вторгшихся в южно-русские степи.

Все приведенные взгляды о происхождении мишарей главным образом сводятся к тому, что основой, на которой сложились татары-мишари, являлось какое-то древнее племя. Одни считали его мещерой, якобы издревле проживавшей в бассейне верхней Оки, другие — угро-маджарами (мажар), третьи называют его буртасами, которые представляются рано отюреченными уграми, называвшимися в позднейших летописях «мещерой».

Оценивая эти взгляды с точки зрения научной обоснованности, следует заметить, что они, хотя и носили в некоторой мере умозрительный характер, безусловно, содержали верную, на наш взгляд, мысль о генетической связи мажар и мишарей, а также объясняли происхождение этнонима *мишар*. Однако ответ на вопрос о происхождении этнонима не решает проблемы происхождения самого народа, хотя и ускоряет его решение. Недостатком этих выводов, на наш взгляд, является то, что этногенез мишарей сводится лишь к одному генетическому источнику (финскому, угорскому или угро-тюркскому) и почти не учитывается роль других этнических компонентов, особенно раннетюркских.

Сторонники как финского, так и угорского происхождения мишарей совершенно не учитывали данные языки. Между тем в языке мишарей Г. Ахмаров находит много тюркских архаизмов, слова, характерные для мишарского диалекта, он связывает со словами восточно-тюркских наречий⁵³. В результате Г. Ахмаров выдвигает гипотезу о тюркском происхождении мишарей. К сожалению, он в своей гипотезе совершенно не учел роли до-золотоордынского тюркского компонента в формировании этнической основы мишарей; Г. Ахмаров не видел различия между касимовскими татарами и татарами-мишарями, считал тех и других ногайскими татарами, которые якобы переселились на правобережные районы Средней Волги в период Золотой Орды⁵⁴. Его гипотеза также страдает односторонностью. Отмечая этот недостаток в работе Г. Ахмарова, Т. А. Трофимова пишет, что он, увлекшись своей гипотезой, «сам того не замечая, соскальзывает на путь просто неверных утверждений»⁵⁵.

Как видно из изложенного, существующие мнения о происхождении мишарей не внесли ясности в эту проблему. Они страдают значительными недостатками и не могут, в силу своей слабой аргументированности и односторонности, считаться доказанными.

В последние годы учеными накоплен некоторый материал по языку, антропологии, этнографии мишарей, а также получен новый археологический материал, что позволяет вновь поставить

вопрос об их этногенезе. Эти исследования показывают, что мишарей как по языку, антропологическому типу, так и по материальной и духовной культуре ближе всего стоят к казанским татарам.

Язык мишарей по всем особенностям структуры относится к тюркской группе и отличается от казанско-татарского лишь некоторыми особенностями, позволяющими признать его диалектом татарского языка.

Татарский диалектолог Л. Т. Махмутова пишет, что казанско-татарский (средний) и мишарский (западный) диалекты татарского языка «не могут быть противопоставлены друг другу, как это утверждалось до сих пор всеми, включая сюда и диалектологов. Особенности, характерные для мишарского диалекта, как правило, в той или иной степени присущи и для говоров среднего диалекта»⁵⁶. У мишарей обнаружены те же антропологические типы, что и у казанских татар, только «в различной степени концентрации»⁵⁷. Как увидим ниже, этнографические материалы, приведенные в данной работе, также говорят о близости и даже общности культуры и быта этих двух групп татар Среднего Поволжья с наличием определенных особенностей, позволяющих рассматривать их как две этнографические группы. Все это дает право предполагать, что этническая основа мишарей и казанских татар складывалась на базе очень близких или даже одних и тех же племен, но возможно в несколько разных комбинациях, входивших в их состав.

Одним из племен в этнической основе как казанских татар, так и мишарей, очевидно, были болгарские племена. Об этом свидетельствуют средневековые памятники болгарского типа, расположенные на территории проживания казанских татар и татар-мишарей. Как известно, основная масса болгарских племен в домонгольское время жила на левом берегу Волги, в Западном Закамье современной Татарской АССР, где находился центр средневекового государства Волжской Булгарии. Но, как показывают археологические исследования последних лет, часть из них в XII — начале XIII в. обосновалась и на правом ее берегу, в частности в верховьях Суры и на Свияге. Обнаруженные в 1950—1964 гг. на территории современной Пензенской области М. Р. Полесских городища и селища «с красной круговой керамикой» содержат предметы, характерные для болгарских городищ и селищ⁵⁸. Некоторые исследователи считают, что часть лесостепных районов правобережья Волги уже в домонгольское время входила в состав Волжской Булгарии. «Вся эта система памятников, нанесенная на карту, непосредственно смыкается с

домонгольским болгарским массивом в районе Жигулей и образует вместе с ними южную границу Волжской Булгарии», — пишет А. Х. Халиков⁵⁹.

Монгольское нашествие весьма пагубно отразилось на развитии болгарских городищ, расположенных в верховьях р. Суры. «Есть все основания считать, — пишет М. Р. Полесских, — что гибель многих городищ (с красной круговой керамикой. — Р. М.) была связана с нашествием монголо-татар, главные силы которых в 1236—1237 гг. прошли через пензенские земли. После этого большинство укрепленных поселений заглохло. Население, обложенное завоевателями ясаком, стало обживать открытые места с пахотными и луговыми угодьями»⁶⁰. В этот период, очевидно, значительная часть населения указанных городищ переселялась в северо-западном направлении. Так, в конце XIII — начале XIV в. в верховьях рр. Мокши и Выши (на смежной с Мордовской АССР территории современной Пензенской области) население «с красной круговой керамикой» образует множество селищ. Несколько позже в окружении этого тюркоязычного, а также мордовского населения в этом районе основывается золотоордынский улусный центр Наровчат-Мохша. Документы отмечают переселение в эти районы, с низовьев Волги, и золотоордынских феодалов. Однако, как показывают исследования Т. А. Трофимовой, монгольский компонент южносибирского облика, являющийся следствием оседания на территории Средней Волги золотоордынских дружин, а позднее — инфильтрацией в эту область ногайских орд, в числе татар Среднего Поволжья составляет лишь 14,5, а мишарей — 11,1%⁶¹.

Ознакомление с археологическим материалом наровчатских селищ дало возможность археологам также заключить, что культура их населения не отличается от культуры домонгольских городищ. «Находки с селищ почти не отличимы от находок городищ (прежде всего керамика), но они значительно беднее», — считает М. Р. Полесских⁶². «Наровчатская керамика, — утверждает А. Х. Халиков, — обладает такими архаичными болгарскими чертами, как сосуды-триподы, кувшины и кринки с зооморфными ручками и т. п., что несомненно ее развитие на основе болгарской домонгольской керамики»⁶³.

В окончательном сложении этнической основы татар Среднего Поволжья, кроме болгарских племен, очевидно, большую роль сыграли и другие родственные им племена, в частности кипчаки. «Данные диалектов позволяют утверждать, — пишет Н. Б. Бурганова, — что в формировании татарского языка важную роль сыграли диалекты древнекипчакских племен. Говоры не только ми-

шарского, но и среднего диалекта в большинстве своих особенностей обнаруживают сходство в первую очередь с современными кыпчакскими (башкирским, ногайским, каракалпакским, караимским, балкарским и др.) языками»⁶⁴.

Кроме болгар и кипчаков, в формировании мишарей, возможно, определенную роль сыграли и буртасы, которые, как известно, обитали в лесостепных районах Среднего Поволжья в эпоху Киевской Руси и вплоть до монголо-татарского нашествия. По утверждению Н. А. Фирсова, в X в. в этом районе существовал г. Буртас, «заклучавший в себе до 10 тыс. жителей, которые на лето откочевывали в поля и села»⁶⁵. «В мордовском городе Буртасе, — писал Н. А. Фирсов, — часть жителей еще в X веке исповедовала мусульманскую веру; для них были построены две мечети — соборная и простая»⁶⁶. К сожалению, до настоящего времени буртасская проблема не получила еще своего окончательного решения. Одни считают, что исторические сведения о буртасах, известных по арабским источникам, следует относить к мордве-мокше⁶⁷, другие же в них видят предков современных чувашей⁶⁸, третьи считают, что буртасы были многоязычными, составлялись не из одного, а из нескольких этнических компонентов и приняли участие как в этногенезе мордвы, так и тюркоязычных народов Среднего Поволжья (татар и чувашей)⁶⁹. В последние годы как будто все шире распространяются высказывания о тюркской или угро-тюркской принадлежности буртас и о генетической связи их с татарами-мишарями⁷⁰. Мы считаем, что в этих высказываниях заложена плодотворная мысль. Посредствующим звеном между буртасами и мишарями являются так называемые посопные татары, жившие в конце XVII в. в Алатырском уезде. В актовых документах этого времени термин «посопные татары» равнозначен термину «буртас»: «буртасы — посопные татары»⁷¹.

Русские исторические источники XVI — начала XVII в. зафиксировали буртас, буртасские ухожен, буртасские вотчины в Кадомском, а также по всему Алатырскому уезду. По мнению И. Н. Смирнова, «выделение буртасских вотчин из других инородческих земель указывает, что в XVII в. буртасы представляли собой заметный элемент в тогдашнем Алатырском уезде»⁷². Кстати, на этой территории сосредоточено основное ядро «ц-окающей» группы татар-мишарей⁷³. Что касается территории старинного Кадомского уезда, то здесь сохранилось крупное село «ц-окающих» мишарей — Азеево, которое в настоящее время значится в Ермешинском районе Рязанской области.

Как увидим ниже, «ц-окающие» мишари живут также в быв. Буинском уезде Симбирской губернии (Дрожжановский и Шай-

мурзинский кусты). Некоторые следы культуры этой группы заметны также в языке и быту керенских мишарей, которые образовались на месте и, отчасти очевидно, на основе древних селищ «с красной круговой керамикой». Заметим, что на территории проживания всех «ц-окающих» групп мишарей (сергачской, буинской, керенской) имеются населенные пункты под названием «Мочалы». Мы полагаем, что топоним «мочалы» этимологически восходит к этническому термину «мочар» (от «мочар-лы»).

Итак, исторические термины буртас, мочар как будто бы ведут нас к «ц-окающей» (прежде всего сергачской) группе мишарей, материальная и духовная культура которых, как увидим ниже, до конца XIX — начала XX в. сохранила, в отличие от других групп, некоторые особенности, дающие возможность предполагать участие в этногенезе мишарей отюреченных угров — мочар. Однако этот этнос, положивший начало их названию⁷⁴, не сыграл решающей роли в формировании этнической основы татар-мишарей в целом. Анализ этнографического материала дает возможность нам утверждать, что их этническую основу составляли прежде всего тюркоязычные племена (очевидно, кипчаки и болгары). Собственно, наличием мощного тюркского пласта следует объяснить сближение или даже совпадение их культуры с культурой казанских татар. Но вместе с этим нельзя отрицать мочарский (угорский) компонент в культуре мишарей. Следы этого компонента, как уже отмечалось, улавливаются в материальной и духовной культуре сергачских мишарей. Наличие в этнической основе мишарей этого, хотя и не столь мощного по сравнению с тюркским, компонента и отличает их культуру от культуры казанских татар.

Выше мы говорили относительно формирования этнической основы татар-мишарей. Однако окончательное сложение мишарской этнографической группы татар Среднего Поволжья было тесно связано со всем ходом их социально-экономического развития, протекавшего в условиях тесного соседства с мордовским и русским народами. Комплекс элементов культуры и быта, сформировавшихся под воздействием этих контактов, наложил своеобразный отпечаток на культуру и быт татар-мишарей, отличая их от культуры казанских татар, у которых не столь явно определяется, по сравнению с мишарями, русское и почти отсутствует мордовское влияние. Дальнейшее всестороннее накопление материала и творческая мысль ученых внесут, очевидно, еще большую ясность в вопросы этногенеза и формирования культуры татар-мишарей.

Расселение и численность

Как мы уже отмечали, правобережные районы Средней Волги, где происходило формирование татар-мишарей, издавна были ареной взаимодействия финно-угорских, тюркских и славянских племен. В процессе социально-экономического развития края происходили неоднократные перемещения этих племен.

Археологические и исторические источники свидетельствуют, что тюркоязычное население в дозолотоордынское время жило в южных районах правобережья Средней Волги. В период Золотой Орды они под давлением поздних кочевников переселились в более северные земли вплоть до районов Кадома и Темникова. В документах XIV—XV вв. они называются «мещеряками», а в более поздних — XVI—XVII вв. — значатся под собирательным именем «татары» («темниковский татарин», «кадомский татарин» и т. д.).

Серьезные изменения претерпели границы расселения народов на территории Среднего Поволжья и других районов после присоединения к Московскому государству. Эти изменения происходили как в результате проникновения в мордовские земли русского колонизационного потока, так и из-за участия самого местного населения (мордвы, татар-мишарей) в колонизации земель, расположенных к востоку от Московского государства.

Ниже, опираясь на архивные материалы и имеющуюся историческую литературу, попытаемся дать описание расселения служилых татар-мишарей⁷⁵ в период создания русским государством защитных линий (см. карту).

В 1578 г. правительство основало засечную линию, которая шла вдоль р. Алатырь через Темников до Кадомской засеки. Тогда же была организована сторожевая служба по линии Алатырь — Арзамас — Темников. В связи с переводом сюда служилых татар правительство стало раздавать им по линии укреплений и вблизи нее поместья и переводило их туда на постоянное жительство. Так, в Арзамасском актовом материале конца XVI — начала XVII в. упомянут ряд поместий, принадлежавших служилым татарам, «которые переведены из Кадома». В Арзамасском уезде им была отдана пустошь «на сакме Атерки на Большом Келе», ранее принадлежавшая тугелевскому мордвину Акчуре Карамышеву⁷⁶.

По данным «Арзамасских поместных актов», первую партию переселенцев (в составе 20 человек) в Арзамасский уезд возглавил Алтыш Алишев. Новоселам в 1586 г. была отведена земля в количестве 300 четей в поле, по 15 четей на человека⁷⁷.

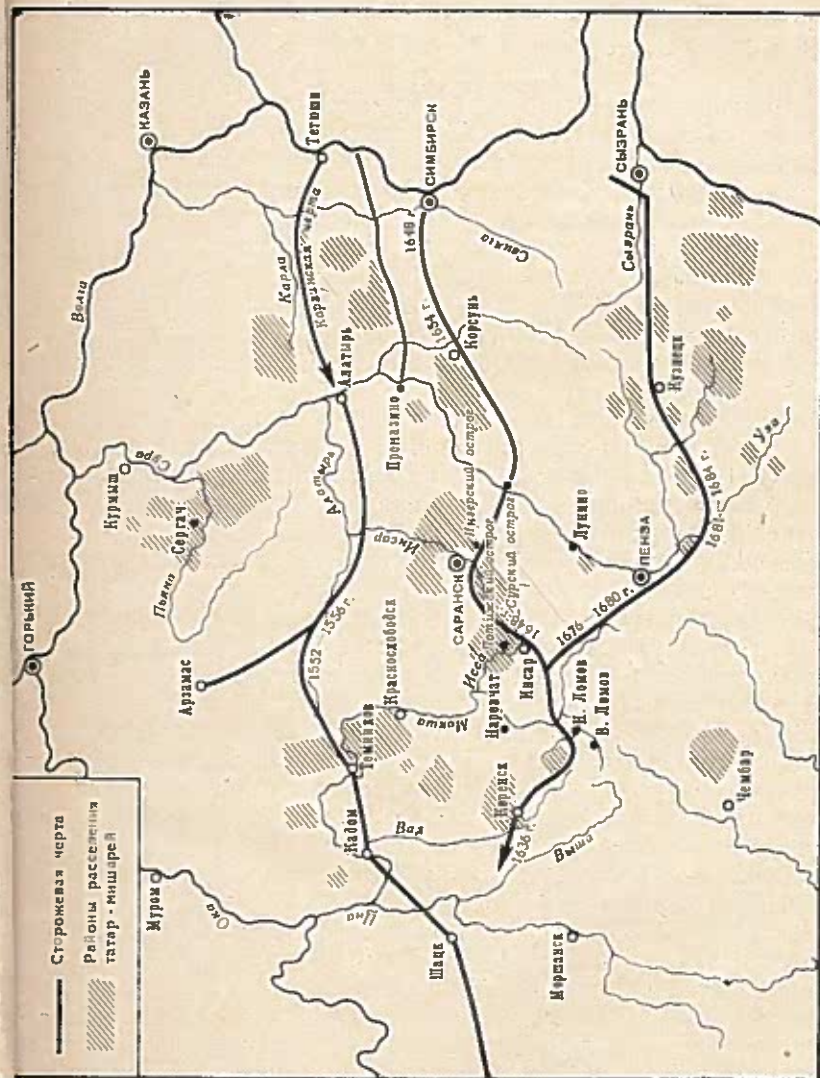

Схема пограничных сторожевых линий в Среднем Поволжье в XVI—XVII вв. (по Хохрякову В. Х.)

В 1593 г. 20 человек служилых татар, переведенных из Кадома, во главе с Семакаем Кутлеяровым, получили в Арзамасском уезде «на реке на Келе на ключе»⁷⁸ поместья.

В 1603 г. здесь, при д. Усть-Пилилея, были отмежованы 21 человеку служилых татар земли 600 четей в поле. Кроме того при этой же деревне было выделено еще 60 четей в поле, в оброк четырем татарам-новикам по 15 четей земли. «Татары-помещики и новики-оброкники договорились, что будут жить вместе на одних усадах, в одной околице... для животинного выпуска, и околицной и польной городьбы, и для толоки, а землю пахать, служилую и оброкную во всех полях через десятину с ними равню по жеребью»⁷⁹.

В документах 1618 г. эта деревня именуется Пилекшево. В этой деревне еще в 1660 г. жили татары («пилекшимски татары») и помещик Арслан мурза Ишиев, сын Мустафин, имел свой двор⁸².

В настоящее время на территории бывшего Арзамасского уезда татаро-мишарских населенных пунктов почти нет. Очевидно, в XVII в. в связи с усилением христианизации татары-мусульмане, бросив свои поместья, стали переселяться на восток, в частности в Алатырский уезд.

По сообщению В. В. Вельяминова-Зернова, алатырские служилые татары упоминаются в разрядных книгах 1617 г.⁸³ И царской грамоты от 1618 г., данной на имя алатырских мурз Багша Розгильдеева и Ямаша Мангушева, видно, что служилые татары переведены в Алатырский уезд из Арзамасского уезда.

Из челобитных алатырских служилых татар, поданных боярину Б. И. Морозову в 1660 г. о беспощинном пользовании его вотчинными лесами близ с. Богородского (Арзамасского уезда) видно, что в это время уже существовал ряд татаро-мишарских селений в бывшем Алатырском уезде, как Каргополь, Шубин, Семеновка, Актуково, Кадомка, Уразовка, Красноярово, Ключище, Триазер, Ендовище⁸⁵, которые позже вошли в Сергачский уезд Нижегородской губернии.

В начале XVII в. служилые татары получили поместья в Курмышском уезде Симбирской губернии. В документах этого времени значится д. Татарское Моклаково⁸⁶.

В середине XVII в., в период строительства Карсунской засечки, в исторических документах упоминаются карсунские служилые татары. Так, в 1648 г. часть татар-мишарей Курмышского уезда по особому указу была переведена в новый город Карсунь — на Карсунскую засеку. Согласно этому указу, курмышский воевода С. И. Чеглоков должен был поселить на засеке во

присланных к службе татар-новиков (всего 435 человек), выдав каждому для «новые селидьбы» по шесть руб. денежного жалования, а земли «велено им дать по 15 и по 20 четей в поле, а в дву потому ж, смотря по людям, кому сколько мочно пахать». Поместья и оброкные земли в Курмышском уезде «отнимать у них не велено, велено им теми землями владеть по-прежнему»⁸⁷.

В середине XVII в. в документах упоминаются симбирские служилые татары. Так, в 1649 г. отмерены земли новозаписным служилым татарам в д. Маклаушы «Якутке Атабаеву с товарищи...»⁸⁸, в д. Каракоте «Васке Богданову с товарищи»⁸⁹.

По предположению П. Мартынова, татаро-мишарские селения Больше-Цильной волости Симбирской губернии (Б. Цильна, Ст. Шаймурзино) образовались во второй половине XVII столетия. Он пишет, что «в 1674 г. служилые татары д. Чукал Симбирского уезда Ишмайка Василев с товарищи в числе 20 чел. подали в Симбирскую приказную избу, воеводе Алексею Петровичу Головину челобитную, в которой просят отвести им государеву порозжую землю на р. Чилне возле Алгашевской грани. В том же 1674 г. была отведена порозжая земля, по 20 четвертей на человека, всего 400 четвертей в поле, в дву потомуж. На этой земле они поселились и основали новую деревню, которая получила название «Новая Ишмаева», а позднее «Ярамай Чынныси» или «Большая Цильна»⁹⁰.

Вышеприведенное показывает, что одна из волн переселений служилых татар-мишарей шла с запада на восток: Кадом — Арзамас — Алатырь — Курмыш — Симбирск. Одновременно с этим происходили переселения татар-мишарей в южном направлении. Как известно, в 30-х годах XVII века встал вопрос о выдвигании постоянной засечной линии дальше на юг, так как населенные пункты, которые к этому времени появились на южной стороне от Темниковско-Алатырской засечной черты, подвергались опустошительным набегам кочевников. Эта линия, проходя через всю Пензенскую и Симбирскую губернии, должна была оградить от набегов кочевников население северной половины Симбирской, северной окраины Пензенской и южной части Нижегородской губерний.

Первая часть этой линии называлась Керенской чертой. Она примыкала к засечной черте Тамбовской губернии и подходила к Керенску. От Керенска к Верхнему Ломову и от Верхнего Ломова к Нижнему Ломову (по р. Ломов) до р. Мокши шла Ломовская черта; от р. Мокши к р. Инсарке до впадения последней в р. Иссу она называлась Инсарской чертой. От Потижского острога до Шешкеева — Потижская черта. От Шишкеева линия про-

тянулась на Саранск — Саранская черта. От Саранска (вернее, от Инзерского острога) засека была подведена к Атемару — Атемарская черта — и далее уходила в Симбирскую губернию, где смыкалась с линией укреплений Симбирской губернии.

Все вышеуказанные линии — Керенская, Ломовская, Инсарская, Потижская, Саранская и Атемарская — заселены были по распоряжению правительства «мещеряками», т. е. жителями Темниковского, Кадомского и Шацкого уездов. Заселение началось в 1636 г. и продолжалось до окончания постройки линии⁹¹, т. е. до 1648 г. Переселялись главным образом татары-мишари из Темникова. Так, в 1636 г. служилыми людьми из Темникова был заселен Керенск (ныне Вадинск). С основанием города Керенска татарские князья Кугушевы, Алышевы, Кушаевы и Тенишевы получили поместья «за Керенским и Шацким валами на диком поле»⁹².

Очевидно, таким же образом были заселены Верхний Ломов, Нижний Ломов, Инсар. Так, в одном документе того времени мы читаем, что владелец деревни Потьмы Енакай Енгиреев «тем помещьем деда и отцов владеет по старине»⁹³. В Инсарском уезде Пензенской губернии в 1897 г. числилось 13 086 татар-мишарей.

По данным И. Д. Воронина, примерно в то же самое время темниковский мурза Ураз получил поместье «за рекою Инзарою... по обе стороны речки Шинподачи (Шебдас) по речке Инзара да на речке на Сюгарче (Сузгари)...»⁹⁴. Одно из сел мурзы Ураза, называвшееся Уразаевка, впоследствии сильно разрослось и было переименовано в Рузаевку (ныне город).

Атемарская и Саранская черты, по предположению А. Хвощева, были отчасти заселены выходцами из Нижегородской губернии.

Кроме того, среди переселенцев на Атемарскую черту были также и темниковцы. Так, в 1640 г. темниковский воевода Сергей Левашев дает «отдельную выпись», согласно которой из Темниковского уезда отделяются и переходят в ведение к Атемару земли и луговые угодья, что в 20–25 км северо-западнее Атемара, т. е. в современном Лямбирском районе Мордовской АССР. На этих землях поселились 40 человек служилых татар, зачисленных в казачью службу на Атемарскую сторожевую черту. Были отведены земли: 16 человекам «под Оксяринским лесом, по обе стороны речки Талославской, на Чермысове починке» (теперь село Чермышево Лямбирского района Мордовской АССР), 10 человекам «под лесом Юрия Помрого, на речке Няббинской» (современное село Щербаково Лямбирского района), 10 человекам «под Оксяринским лесом, под Кужнелайгою на вершине кочке

Пензы» (теперь село Лямбиль), 4 человекам «под юртище Тюменбула Помрого на пензенской вершине» (теперь с. Пензятка Лямбирского района)⁹⁵.

По предположению И. Д. Воронина, из татарской деревни Сухова (ныне в Темниковском районе Мордовской АССР) во время строительства Атемарской сторожевой черты часть татар выселилась и обосновала на новой земле деревню Татарскую Свербейку (ныне в Лямбирском районе Мордовской АССР).

В 1642 г. служилые татары, зачисленные тогда на службу в Щечкеевский острог, основали д. Пензятку современного Лямбирского района: «Опричь Щечкеевского острожку полковым же казакам отхожие татарские слободы, слобода татарская на левой вершине речки Пензы на правой стороне, что писались в службу в Щечкеевский острожек в полковые казаки, селятся Ново-Танашка Ишеев с товарищи пятьдесят человек, и тое татарской слободы полковым казакам отмерено дикого поля добрые земли 1060 четвертей в поле, а в двух потомуж, сена 2120 копен, пятидесятину 40 четвертей, сена 80 копен, четырем человекам десятинкам по 30 четвертей, сена по 60 копен, рядовым казакам по 20 четвертей, сена по 40 копен, потому что близко Щечкеевского острожку против государева указа дикого поля не стало»⁹⁶.

К юго-востоку от укрепленных черт, проходивших через Керенск, Атемар и далее в Симбирскую губернию, располагалась так называемая «Степная» (или «Крымская») сторона. Здесь чередовались полосы леса и степи: леса Городищенского уезда, полоса степи Мокшанского уезда, леса по Мокше, лесостепь по Атмису и «дикое поле» Керенского уезда. Эту особенность ландшафта использовали степняки-кочевники: по полосам степи они достигали линии засек и нападали на поселения. Чтобы предупредить эти нападения, правительство рассылало в степь станицы, т. е. отряды. Эти станицы избирали определенные линии разъездов и там строили острожки или временное жилье. На одной из таких линий разъездов на удобном для наблюдения месте был заложен острог Пенза (позднее город), превращенный затем в надежную крепость. Для того чтобы не оставлять этот острог одиноком на краю степи, было решено связать его линией военных поселений, раздать служилым людям землю по долине р. Суры. Эти военные поселения были основаны к северу от Пензы, по Ногайской дороге, чтобы они могли препятствовать продвижению кочевников по Сурской долине. По данным А. Хвощева, татаро-мишарская деревня Синорово была основана 52 домохозяевами (при них родственников 133 чел.) — переведенцами из Ломовского уезда. Они были поверстаны в конные казаки⁹⁷. К военным

поселениям были отнесены также существовавшие в то время татаро-мишарские населенные пункты. Например, 17 домохозяев (при них 39 чел. родственников) татарской деревни Шелданс (Шелтаис)⁹⁸ были поверстаны в конные казаки с наделом земли из «дикого поля» по 12 четей в поле и в двух потомуж, сенных покосов — по 100 копен человеку⁹⁹.

Спустя 10 лет после образования линий военных поселений правительство решило провести засечную черту от Пензы через Мокшан к старой Ипсарской черте. Однако этого было мало. Населенные пункты Городищенского уезда еще не были достаточно защищены. Поэтому необходимо было построить новую черту, которая проходила бы за пределами Пензенского края. Она была создана от Сызрани на запад, сначала по Симбирской, а потом по Саратовской губернии к Пензе.

Как всегда, для постройки новой черты переселялись служилые люди (русские, мордва и татары-мишари) из становящихся тыловыми черт (линии). На новых местах они получали землю «то в виде прибавки к старым поместьям на родине в Темниковском, Саранском, Симбирском и других уездах, то в виде новых окладов»¹⁰⁰.

Начало раздачи земель на поместном праве в Саратовской губернии относится к 80-м годам XVII в. Наиболее ранними являются поселения, расположенные в бассейне р. Узы: Пенделка, Исекеево, Усть-Уза и некоторые другие татаро-мишарские селения Кузнецкого уезда.

В начале XVIII в. служилые татары получают поместья по р. Терешка¹⁰¹. Так, в 1704 г. были выделены земли служилым татарам д. Зимницы: Уразгильдею Арзамасцеву, Байгольде Баймееву с товарищи¹⁰².

Раздача земель на поместном праве в Саратовском крае происходила вплоть до середины XVIII в. Так, по утверждению А. Гераклитова, с 1718 по 1746 год в Кузнецком и Петровском уездах возникло — 7, в Хвалынском — 11 новых татарских деревень¹⁰³.

Таким образом, второй путь расселения служилых татар-мишарей шел из районов Темникова на юг в пределы Пензенской и Саратовской губерний.

Процесс расселения служилых татар внес много нового в материальную и духовную культуру мишарей, сыграл большую роль в последующем формировании их языковых, культурных и бытовых особенностей. Переселяясь из одного места в другое, они оказывались в новых условиях жизни, соприкасались с другим населением (русскими, мордвой, чувашами), вступали с ними в

общение, обогащая в процессе взаимовлияния свой язык, культуру и быт.

Однако образование татаро-мишарских населенных пунктов нельзя связывать лишь со временем появления в этих местах служилых татар. Особенно это относится к поселениям северных групп (сергачских, карсунских). Как известно, после присоединения правобережных районов Среднего Поволжья к Московскому государству усиливалась вольная колонизация. Местное население, в том числе и татары-мишари, переселялись в восточные районы. Так, Н. И. Воробьев указывает, что в это время происходили значительные переселения в порядке вольной колонизации «в южную часть междуречья Суры и Волги, к югу от поселения основной массы чувашей»¹⁰⁴. Надо полагать, что значительные вольные переселения татар-мишарей происходили и в южные районы (вплоть до Саратовского края). Так называемое «дикое поле», образовавшееся в период золотоордынского владычества, в начале XVII в. (а возможно, и раньше) уже не было «диким». Об этом говорит факт наличия населенных пунктов в этих районах во время строительства защитных линий. Так, по данным А. Хвощева, по Саранской черте были «поверстаны» на службу татары-мишари ранее существовавших в этом районе селений: Аксеново, Тавла, Рейторская, которые «оказались к северу от проведенного вала»¹⁰⁵; в Керенском уезде были зачислены на службу к острожкам татары-мишари следующих, ранее существовавших здесь вблизи проведенного вала, селений: Лаки, Лундан, Чиуш (Чауш).

Таким образом, при заселении правобережных районов Среднего Поволжья татары-мишари находились в числе первых переселенцев. Они были расселены примерно в тех же районах, в которых живут в настоящее время. Приблизительная численность их составляет более 300 000 чел.¹⁰⁶, но процент татар-мишарей в общем количестве населения этих районов небольшой: так, в сельском населении Горьковской области он составляет 4,5%, в Пензенской — 6, в Ульяновской — 10,7, в Мордовской АССР — 5,5%¹⁰⁷. Характерно, что на этих землях они, в преобладающем большинстве, расселены довольно компактными группами. Например, из проживающих в сельской местности Горьковской области татар-мишарей почти половина сосредоточена в Краснооктябрьском районе, составляя 99% всех его жителей. Другая компактная группа сосредоточена в Сергачском и Пильнском районах. В прошлом первая группа татаро-мишарских населенных пунктов Горьковской области входила в Курмышский уезд Симбирской губернии, другая — в Сергачский уезд Нижегородской гу

бернин. В этнографической литературе эта группа мишарей называется *сергачской*.

Большой процент татар-мишарей Ульяновской области приходится на Старо-Кулаткинский район. По дореволюционному административному делению этот район входил в Хвалынский уезд Саратовской губернии. Поэтому их называют *хвалынскими* мишарями. К этой же группе относят также татар-мишарей, живущих в Никольском и Павловском районах Ульяновской области.

В правобережных районах Ульяновской области определяется еще *карсунская* группа, которая включает татар-мишарей Инзенского и Карсунского районов.

Компактное расселение татар-мишарей на территории Пензенской области приходится на Неверкинский и Кузнецкий районы, которые в прошлом входили в Кузнецкий уезд Саратовской губернии. Это *кузнецкая* группа мишарей.

Другим центром значительного заселения мишарей в Пензенской области является Каменский район (бывший Чембарский уезд Пензенской губернии). Эту группу, состоящую из шести татаро-мишарских селений, в народе называют *«алты авыл халкы»*, буквально: *«люди шести деревень»*. По преданиям местного населения, земли, принадлежавшие «алты авыл халкы», были пожалованы служилому татарину Арслану Палкаеву, который переселил сюда из д. Мочалы Керенского уезда несколько семей. На новом месте они образовали одноименный населенный пункт Мочалы. Эту группу, включая татар-мишарей Керенского уезда¹⁰⁸, впредь будем называть *керенской*.

На территории Мордовской АССР наиболее компактным районом расселения татар-мишарей является Лямбирский (*лямбирская* группа мишарей). К этой группе примыкают также татары-мишари Ромоданского района.

Другая группа татар-мишарей на территории Мордовии — это *темниковская*. В территориальном и культурно-бытовом отношении в темниковскую группу входят татаро-мишарские населенные пункты Темниковского, Ельниковского, Краснослободского и Атюрьевского районов.

Татаро-мишарские населенные пункты Инсарского и Рузаевского районов на территории Мордовии составляют *инсарскую* группу мишарей¹⁰⁹.

В Чувашской АССР татарами-мишарями наиболее компактно заселена территория Батыревского и Комсомольского районов. Вместе с татаро-мишарскими населенными пунктами Дрожжановского и Буинского районов Татарии они образуют наиболее

крупную — *буинскую* группу (в прошлом они значились в Буинском уезде Симбирской губернии).

Итак, в результате неоднократных переселений на территории правобережных районов Среднего Поволжья образовалось несколько групп мишарей (сергачская, карсунская, лямбирская, инсарская, темниковская, керенская, кузнецкая и буинская), отличающихся некоторыми особенностями в культуре и быту. Наиболее самобытными в культурно-бытовом отношении являются мишари сергачской и темниковской групп, которые отличаются друг от друга рядом особенностей быта (см. карты) и языка (первые, по языковым особенностям, являются «ч-окающими», а вторые — «ч-окающими»). Другие группы, очевидно, образовались в результате смешения представителей этих двух основных групп¹¹⁰. Кстати, в языке северных групп, например буинской, преобладают элементы сергачской («ч-оканье»), а южных (кузнецкой, кулаткинской и др.) — элементы темниковской группы («ч-оканье»). Довольно самобытную группу представляют лямбирские мишари. По языку они являются «ч-окающими», но по элементам быта нередко сближаются с сергачской группой. У них вплоть до конца XIX в. бытовали такие женские головные уборы, как *кашпау*, *тайка*, которых мы не встречаем в комплексе женской одежды других групп (за исключением карсунских) мишарей.

В формировании быта локальных групп мишарей большую роль сыграли региональные факторы: соседство с тем или другим народом, интенсивность экономического и культурного развития региона и т. д. Однако прослеживающиеся особенности в культуре и быту основных групп мишарей (сергачской и темниковской) вряд ли можно объяснить лишь местными факторами. Они в значительной степени объясняются, очевидно, различиями традиций тех древних племенных группировок, которые, как уже отмечалось выше, приняли участие в сложении этнической основы татар-мишарей.

¹ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 41.

² «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг.», ч. 1. СПб., 1771, стр. 160—161.

³ Появление мишарей в районе р. Черемшан относится ко второй половине XVII в., т. е. к периоду строительства Закамской сторожевой линии.

⁴ Милькович. Быт и верования татар Симбирской губернии в 1783 г. «Симбирские губернские ведомости», 1851, № 44, 45.

⁵ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859.

- 16 В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I. СПб., 1863; ч. II. СПб., 1864; ч. III. СПб., 1866.
- 17 В. А. Казаринов. О мишарях в Чистопольском уезде Казанской губернии. «Известия общества археологии, истории и этнографии» (далее — ИОАИЭ) Казань, т. IV, 1883.
- 18 Е. А. Малов. Сведения о мишарях. Этнографический очерк. ИОАИЭ, т. IV, 1883.
- 19 В. К. Магницкий. К вопросу о тамбовских и казанских татарах. ИОАИЭ, т. XII, вып. 5, 1895; он же. Несколько данных о мишарях и селениях их в Казанской и Симбирской губ. ИОАИЭ, т. XIII, вып. 4, 1896; он же. Новые данные о мишарях. ИОАИЭ, т. XIII, вып. 6, 1896; он же. Список селений мишарей в Бунинском уезде Симбирской губ. ИОАИЭ, т. XVII, вып. 2—3, 1901; он же. Нечто о чувашах, татарах и мишарях (мещера, мещеряки, «можары»). «Действия Нижегородской губ. архивной комиссии», сб. III. Н. Новгород, 1898.
- 20 Г. Ахмаров. О языке и народности мишарей. ИОАИЭ, т. XIX, вып. 2, 1903, стр. 91—160.
- 21 ظریف البشیری. میشارلر. شور اورنبورغ. بیت ۱۰۱۹۱، بیت ۵-۶، بیت ۱۰۱۹۱-۱۰۱۹۱، بیت ۶۷-۷۷، بیت ۶۰-۸۰، بیت ۷۶۱-۷۶۱، بیت ۳۷۱-۳۷۱، بیت ۴۷۱-۴۷۱، بیت ۸۰۲-۸۰۲، بیت ۱۳۲-۱۳۲، بیت ۴۱۲-۴۱۲، بیت ۵۱۲-۵۱۲
- 22 محوب جمال آقچورینا. قزیشلاتو ۱۸۰ نچی عسرنک اخرندا ولغان واقغه. شورا اورنبورغ، ۱۱۹۱، بیت ۷۳۶-۷۳۶، بیت ۴۱۹۱-۴۱۹۱، بیت ۳۳۷-۳۳۷، بیت ۴۲۷-۴۲۷، بیت ۶۱۷-۶۱۷
- 23 H. Paasonen. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. «Journal de la Société Finno-ougrienne», 15. Helsinki, 1897; Die Sogennaten Karataj-mordwinen oder Karatajen. «Journal de la Société Finno-ougrienne», 21. Helsinki, 1902.
- 24 Tatarische Lieder, gesammelt und übersetzt von H. Paasonen. «Journal de la Société Finno-ougrienne», XIX. Helsingissa, 1901; «Mischär-tatarische Volksdichtung, gesammelt von H. Paasonen. Übersetzt und herausgegeben von Eino Karanka». Helsinki, 1953.
- 25 С. П. Толстов. Итоги и перспективы этнографического изучения национальных групп Нижегородской губернии. «Культура и быт народов Центрально-промышленной области». М., 1929, стр. 149—161.
- 26 Б. А. Куфтин. Татары касимовские и татары-мишари Центрально-промышленной области. «Культура и быт народов Центрально-промышленной области», стр. 135—149.
- 27 С. В. Глотов. Изба и быт. «Сельское жилище». М., 1928, стр. 91—131.
- 28 А. Ф. Рудольфи. Крестьянская изба в центральной губернии. «Сельское жилище», стр. 69—91.
- 29 Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных по антропологии. М., 1949.
- 30 К. Ю. Марк. Этническая антропология мордвы. «Вопросы этнической истории мордовского народа». М., 1960, стр. 118—119.
- 31 Б. А. Васильев, Т. А. Алексеева. К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар-мишарей. КСИЭ, т. XXXI. М., 1959.
- 32 М. Р. Полесских. Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 2, 1959, XIV вв. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 2, 1959, стр. 95—113; он же. Исследования памятников типа Золотаревского городища. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1970.
- 33 Р. Г. Мухамедова. Одежда одной из групп темниковских татар. «Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук», 2. Казань, 1959; она же. Некоторые итоги изучения жилища и поселения татарского колхозного крестьянства Мордовии. «Вопросы истории Татарии». Казань, 1962; она же. Некоторые результаты этнографического изучения мишарей. «Вопросы истории литературы народов Среднего Поволжья». Казань, 1965; она же. Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 242—281; Л. Т. Махмутова. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 125—163; Н. Б. Борханова. Татар теленең Мордва АССР территориясендә таралган сөйләшләре турында. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 93—125; Р. Р. Шамгунова. Чистай сөйләшенең морфология синтаксис үзенчәлекләре. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 163—202; она же. О лексических особенностях чистопольского говора татарского языка. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 236—242; «Татар халык жырлары» (төзүче И. Н. Надиров). Казан, 1965; «Татар халыкның жырлы-биюле уеннары» (төзүче Х. Гатина). Казан, 1968; «Бәетләр» (төзүче Х. Х. Ярмухаметов). Казан, 1960; «Абага чәчөгә (татар халыкның сатирик әкиятләре)» (төзүче Э. Касыймов). Казан, 1962; Х. Ярми. Татар халкының поэтик ижаты. Казан, 1967; «Татар теленең диалектологик сүзлегә» (ред. Л. М. Махмутова). Казан, 1969.
- 34 Р. Р. Мингулова. Особенности чистопольского говора татарского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1963; Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари (Мордовская АССР). Историко-этнографическое исследование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1966.
- 35 «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967.
- 36 А. Хаюцев. Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922.
- 37 А. А. Гераклитов. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников (X—XVIII вв.). М.—Л., 1931; он же. История Саратовского края в XVI—XVII вв. Саратов, 1923.
- 38 А. Любимов. Краткий исторический очерк мордовского народа. «Мордовское население в Пензенской губ., его прошлое и современное состояние». Пенза, 1927.
- 39 И. Д. Воронин. Из истории старой Рузаевки. «Ученые записки МНИИЯЛИ», 1949, № 11, стр. 161; он же. Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования. «Ученые записки МНИИЯЛИ», 1951, № 13, стр. 185.
- 40 С. Ф. Ташкин. История Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии. Казань, 1922.
- 41 А. Н. Зерцалов. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Издание Симбирской губернской ученой архивной комиссии, под ред. В. Э. Красовского. Симбирск, 1900.
- 42 В. Э. Красовский. Алатырская старина. Путевые заметки по археологии и истории Алатырского края. Симбирск, 1899.
- 43 П. Мартынов. Селения Симбирского уезда. «Известия Симбирской ученой архивной комиссии». Симбирск, 1903.
- 44 В. и Г. Холмогоровы. Материалы для истории колонизации Саратовского северо-восточного края до второй половины 18 в. «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. III, вып. 2. Саратов, 1871.

- 35 «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. 1, ч. II. Саранск, 1951.
- 36 «Арзамасские поместные акты (1578—1618)». М., 1915 (далее — АПА).
- 37 «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX века». М.—Л., 1936.
- 38 «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II. М.—Л., 1945.
- 39 «Акты нижегородского печерского Вознесенского монастыря (предисловие А. Титова)». М., 1898.
- 40 Центральный государственный архив Ульяновской области, ф. 269, оп. 1, д. 12.
- 41 Архив МАЭ, ф. К-1, оп. 1, д. 27.
- 42 Центральный государственный архив Мордовской АССР, ф. 18, 62; Центральный государственный архив Ульяновской области, ф. 269, оп. 1, д. 12.
- 43 Центральный государственный архив Саратовской области, ф. 421, оп. 1, д. 3545, 3296, 2662, 315 и 1165.
- 44 Центральный государственный архив Пензенской области, ф. 53.
- 45 В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., ч. I.
- 46 Там же, стр. 30—31.
- 47 «Труды IV Археологического съезда России», т. I. Казань, 1884, стр. 17.
- 48 Там же, стр. 18—20.
- 49 С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 158.
- 50 Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 139.
- 51 Т. А. Трофимова. Указ. соч., стр. 240.
- 52 Ф. Ф. Чекалин. Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам «Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 г.». М., 1897, стр. 114—115.
- 53 Б. А. Васильев. Проблема буртасов и мордвы. «Вопросы этнической истории мордовского народа». М., 1960, стр. 180—209.
- 54 Г. Ахмаров. Указ. соч., стр. 117.
- 55 Гипотезу Г. Ахмарова защищает М. Г. Сафаргалеев. Но одновременно он допускает участие в начальном этногенезе мишарей и буртас (см. его статью «Заметка о буртасах». «Ученые записки МНИИЯЛИ», № 13. Саранск, 1951).
- 56 Т. А. Трофимова. Указ. соч., стр. 123.
- 57 Л. Т. Махмутова. Современный татарский литературный язык и диалекты «Вопросы татарского языка и литературы». Казань, 1969, стр. 26.
- 58 «Пронскождение казанских татар». Сборник докладов. Казань, 1948, стр. 152.
- 59 М. Р. Полесских. Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв., стр. 95—113; он же. Тайны земляной крепости. «Пензенская правда», 18.XI 1960.
- 60 А. Х. Халиков. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965, стр. 161.
- 61 М. Р. Полесских. Исследование памятников типа Золотаревского городища, стр. 213.
- 62 Т. А. Трофимова. Указ. соч., стр. 232 (табл. 108), 233.
- 63 М. Р. Полесских. Исследование памятников типа Золотаревского городища, стр. 214.
- 64 А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 162.
- 65 Н. Б. Бурганова. Диалекты татарского языка и памятники древней письменности. «Вопросы татарского языка и литературы». Казань, 1969, стр. 37.
- 66 И. А. Фирсов. Обзор внутренней жизни инородцев пред временем вступления их в состав Московского государства. «Ученые записки Казанского

университета (по отделению историко-филологических и политико-юридических наук)», вып. 1—2. Казань, 1866, стр. 72.

- 67 Там же, стр. 73.
- 68 П. С. Савельев. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847; А. П. Смирнов. Очерк древней истории мордвы. «Труды Государственного Исторического музея», XI, 1940, стр. 141; В. В. Гольмстен. Буртасы. КСИИМК, вып. 13. М.—Л., 1946, и др.
- 69 В. А. Сбоев. Исследования об ипогородках Казанской губ. Казань, 1856; И. Н. Смирнов. Мордва. Казань, 1895; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 161.
- 70 Б. А. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962, стр. 240.
- 71 Ф. Ф. Чекалин. Указ. соч.; Ф. Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. «Журнал Министерства народного просвещения», новая серия, XIV, 1908, март. СПб., стр. 19; С. М. Середонин. Историческая география. СПб., 1916, стр. 212; М. Г. Сафаргалеев. Заметка о буртасах. «Ученые записки МНИИЯЛИ», вып. 13. Саранск, 1951; Б. А. Васильев. Указ. соч.; М. Р. Полесских. Исследование памятников Золотаревского городища.
- 72 «Симбирский сборник», т. II. Симбирск, 1870, стр. 73—90; И. Н. Смирнов. Указ. соч., стр. 53—57; Б. А. Васильев. Указ. соч., стр. 185—192.
- 73 И. Н. Смирнов. Указ. соч., стр. 57.
- 74 Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова. К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 14.
- 75 Как самоназвание «мишар» не получило распространения.
- 76 По мере распространения русской власти в Мещерском крае значительная часть татар-мишарей определилась на службу Московскому государству. В исторических документах они значатся как служилые татары. Кроме служилых татар, среди мишарей (вплоть до XVII в.) выделялась и другая социальная категория — посопные татары. В отличие от служилых, выполивающих в пользу государства определенные формы трудовой повинности, посопные татары платили подать хлебом. По юридическому положению они, очевидно, соответствовали «тяглым русским людям» (И. Н. Смирнов. Мордва. Казань, 1895, стр. 88).
- 77 «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. 1, ч. I, Саранск, 1940, стр. 166—167.
- 78 С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты, № 35, стр. 36.
- 79 Там же, № 121, стр. 143.
- 80 Там же, № 169, стр. 222—227.
- 81 Там же, № 408, стр. 577—578.
- 82 «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, № 531, стр. 183.
- 83 Там же.
- 84 В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., ч. III, стр. 26—29.
- 85 А. А. Герасимов. Материалы по истории мордвы..., № 45.
- 86 «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, № 420, стр. 113—114.
- 87 «Акты нижегородского печерского Вознесенского монастыря», стр. 98—99.
- 88 А. Н. Зерцалов. Материалы по истории Симбирского края..., стр. 22—25.
- 89 «Книга строельная города Симбирска», ч. II. Симбирск, 1897, стр. 76.
- 90 Там же, стр. 73.
- 91 П. Мартынов. Селения Симбирского уезда. Материалы для истории симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде. Издание Симбирской ученой архивной комиссии. Симбирск, 1903, стр. 191.
- 92 А. Хвоцев. Указ. соч., стр. 48.

Хозяйство

Краткий исторический очерк
развития крестьянских хозяйств

- ⁹² «Труды Пензенской ученой архивной комиссии», кн. I. Пенза, 1903, стр. 29.
- ⁹³ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, ч. II, стр. 336.
- ⁹⁴ И. Д. Воронин. Из истории старой Рузаевки, стр. 161.
- ⁹⁵ И. Воронин. Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования, стр. 186.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ А. Хвоцев. Указ. соч., стр. 67.
- ⁹⁸ В статье Н. Любимова «Татары Керенского уезда» («Пензенские епархиальные ведомости», 1892, № 15) параллельно с названием села Шелдаис дается и другое — Лямбур.
- ⁹⁹ А. Хвоцев. Указ. соч., стр. 66.
- ¹⁰⁰ С. А. Харизоменова. Материалы по четвертному землевладению Саратовской губернии. «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. II, вып. 2. Саратов, 1890, стр. 409.
- ¹⁰¹ В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч., стр. 87.
- ¹⁰² А. А. Герасимов. История Саратовского края в XVI—XVII вв., стр. 300.
- ¹⁰³ Там же, стр. 324.
- ¹⁰⁴ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 47.
- ¹⁰⁵ А. Хвоцев. Указ. соч., стр. 49.
- ¹⁰⁶ Если численность мишарей правобережных районов можно определить более или менее правильно (здесь, в сельских местностях, представителей других этнографических групп татар очень мало), то в Куйбышевской, Оренбургской областях, Башкирской АССР, закамских районах Татарии, где они живут чересполосно с казанскими татарами, установить их численность трудно. Поэтому общая численность мишарей конкретно не установлена. Встречающаяся в литературе цифра, приближающаяся к миллиону (Дж. Валидов. О диалектах казанско-татарского языка. «Вестник Научного общества татароведения», № 6. Казань, 1927, стр. 52) или 900 тыс. («Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 56), тоже весьма приблизительная.
- ¹⁰⁷ По данным на 1970 г.
- ¹⁰⁸ Населенные пункты Керенского уезда в настоящее время входят в Вадинский, Беднодемьянский районы Пензенской области и Zubovo-Полянский район Мордовской АССР.
- ¹⁰⁹ Диалектолог Н. Б. Бурганова в статье «О говорах татарского языка, распространенных на территории Мордовской АССР» (стр. 93) обнаруживает здесь четыре говора мишарского диалекта: темниковский, лямбирский, рузаевский и сургодский. Анализ этнографического материала показывает, что границы этнографических явлений в основном совпадают с языковыми границами. Село Сургодь, говор населения которого Н. Б. Бурганова выделяет в самостоятельный (сургодский) на территории Мордовской АССР, мы (по особенностям быта) объединяем с татаро-мишарскими населенными пунктами быв. Керенского и Чембарского уездов (Татарский Лундан, Кочетовка, Горенка, Кутеевка, Шелданс и др.).
- ¹¹⁰ Это подтверждается и исследованиями языковедов. Так, в языке мишарей Пензенской области Л. Т. Махмутова находит следы «трех мишарских говоров, распространенных в Мордовской АССР, Горьковской и Ульяновской областях» («Материалы по татарской диалектологии», стр. 125).

Территория расселения татар-мишарей (на стыке лесной и степной зон) имела благоприятные природные условия (относительно ровный рельеф, умеренно континентальный климат, плодородные почвы, изобилие рек, разнообразный растительный и животный мир) для развития различных отраслей хозяйства, особенно земледелия. Как показывают археологические данные, земледелие достигло в этом крае известного развития еще во второй половине I тыс. н. э. К началу II тыс. н. э. удельный вес земледелия в хозяйстве тюркоязычного населения, обитавшего на этой территории, заметно возрос. Это показывают археологические раскопки городищ и селищ «с красной круговой керамикой». Среди всевозможных предметов, оставленных тюркскими племенами, населявшими эти городища и селища, обнаружены продуктовые ямы со значительным количеством обугленного зерна — полбы, пшеницы, овса, проса, ржи, ячменя, гороха, чечевицы¹. Наличие такого широкого ассортимента возделываемых культур возможно лишь при развитом земледелии, для создания которого требовалось длительное время. Поэтому, надо думать, что пашенное земледелие, основанное на выращивании этих зерновых культур, имело место здесь уже в конце I — начале II тыс. н. э.

Об этом говорят и находки разнообразных почвообрабатывающих орудий. Особенно большой интерес представляют плужные лемехи, очень близкие к лемехам древнебулгарского сабана². На городищах «с красной круговой керамикой» (Золотаревском, Сундровском, Юловском) обнаружены серпы, по своей характерной особенности (с прямоугольным изгибом) не отличавшиеся от серпов, найденных в русских и болгарских поселениях. Частыми находками являются и усовершенствованные орудия для размола — жернова³.

При наличии такой высокой для того времени земледельческой техники и широкого ассортимента выращиваемых культур возможно, происходило и формирование элементов паровой системы земледелия. Однако проследить этот процесс невозможно из-за отсутствия данных. Писцовые книги позволяют воссоздать картину системы земледелия, лишь начиная с конца XVI — начала XVII века. В них учет земли (перелого, пашни т. д.) ведется в трех полях.

Возникновение трехпольной системы земледелия на указанных территориях исследователи относят к X веку⁴. Как на особенностях развития земледелия в крае, следует указать на длительность сохранения, одновременно с трехпольной, переложной системой, что объясняется наличием больших земельных массивов.

Трудно что-либо утверждать относительно общественных отношений населения края в этот сравнительно ранний период. Можно лишь полагать, что при наличии такого высокого уровня сельскохозяйственного производства, особенно земледелия, происходило разложение родовых общин — патриархальных семейных основанных на коллективном труде, и формирование индивидуальных хозяйств. Этот процесс активнее проходил в южных районах, где пашенное земледелие получило развитие сравнительно рано. Поэтому здесь общественной единицей представляла соседская община, состоящая из индивидуальных хозяйств, в результате чего получила развитие общинная форма земледелия. Что касается северных районов, где имело место подсечное земледелие, требующее коллективного труда, то здесь распад родовых общин происходил медленнее. В этих районах еще вплоть до XVII в. крестьяне продолжали сообща расчищать новые поля, к тому же из-под леса и основывать новые поселки. При этом соблюдался принцип захватнического права (кто первый обработал землю для пашни из-под леса, независимо от количества, тот и становился ее собственником). Эти пашни переходили от отцов к сыновьям, которые в свою очередь распоряжались ими как собственностью. Впоследствии эта форма землевладения получила название подворно-наследственной.

Из изложенного видно, что предки мишарей были хорошими земледельцами. Развитие земледелия у них в ранний период достигло значительной степени происходило под влиянием более развитой культуры болгарских и славянских племен, а затем русского народа. После окончательного включения края в состав русского многонационального государства практически были созданы условия для более интенсивного развития хозяйственной деятельности. Например, ускорился процесс перехода к сплошной трех-

польной системе земледелия, прогрессивное значение которой состояло не только в увеличении посевов, но и в возможности удобрения полей и применении чередования культур, способствующего повышению урожайности. Однако эти более или менее благоприятно сложившиеся исторические условия, способствовавшие росту земледелия в татаро-мишарских крестьянских хозяйствах, парализовались в дальнейшем колониальной политикой царизма. Хотя мишари и не находились в личной зависимости от помещиков, но они испытывали весь гнет феодально-крепостнического государства.

Резко ухудшилось экономическое состояние крестьянских хозяйств мишарей в царствование Петра I. В это время потеряли былую привилегию и служилые мишари. В отношении податей они были уравнины с ясачными крестьянами, переведенными позже в разряд государственных крестьян. К тому же их привлекали к отбыванию всевозможных трудовых повинностей в пользу государства. Особенно отрицательно сказалось на экономическом состоянии их хозяйства прикрепление большинства бывших селений из служилых людей к заготовке корабельного леса⁵. Так, в 1804 г. за Казанской адмиралтейской конторой по Саранскому уезду значилось 3386 ревизских душ лашманов, приписанных из мордовских и татарских селений⁶.

В 1835 г. лашманы Казанского адмиралтейства были подчинены и удельному ведомству⁷. Такое двойное подчинение вызвало большие недовольства среди приписных крестьян. В 1836 г. произошли крестьянские волнения в деревнях Малая Цильна, Татарская Бездна Дрожжановского куста. В это время происходили волнения лашманов в Карсунском и Симбирском уездах, которых вместе с буинскими насчитывалось до 40 тыс. душ⁸. Лашманская повинность кончилась лишь в 1859 г., когда «корабельные леса были переданы из Морского ведомства в Министерство государственных имуществ, и лашманы переведены в общий разряд государственных крестьян»⁹.

Крестьяне «приписных селений» должны были снабжать лашманов на период работ продуктами, а также снаряжением (инструментами, лошадьми с телегами или санями). Все это сильно подрывало их хозяйство. Нередко они доходили до полного разорения. Кстати, в 60-х годах XVIII века Казанская адмиралтейская контора вынуждена была отметить, что «от многолетне-повсягодной работы и от прочих положенных на них тягостей» татары пришли «в крайнюю нищету и скудость...»¹⁰

О тяжелом положении приписных крестьян свидетельствует также наказ служилых татар и мурз Алатырской провинции

депутату Мангушеву, выбранному в Екатерининскую законодательную комиссию в 1767 г. В этом наказе, как и в других, значительное место занимает вопрос о налогах и натуральных повинностях. Они отмечают тяжесть подушного оклада в размере 1 руб. 70 коп. с души. Просят освободить их от подушного оклада, от поставки рекрутов, драгунских и подъемных лошадей или же отпустить их от Адмиралтейства и уравнивать в отношении повинностей с ясачными крестьянами, по сравнению с которыми они несут «излишние тягости вдвое или втрое»¹¹.

В наказе также отмечается факт малоземелья мишарей, уменьшение наделов, так как их земли переходят в руки русских помещиков.

Положение мишарского трудового крестьянства ухудшилось еще произволом помещиков, монастырей и чиновников, которые под всякими предлогами урезали или просто захватывали крестьянские общинные земли. Захват крестьянских земель принял особенно большие размеры в период генерального межевания (конец XVIII — начало XIX в.). Так, из 1305 дес. 2197 кв. саж. земли, находившейся в пользовании крестьян деревни Суркино Саранского уезда, при межевании было отрезано в пользу соседних помещиков до 1073 десятин, т. е. 81% всей земельной площади. После такого «межевания» на каждую ревизскую душу осталось всего лишь по осеминнику, вследствие чего, как писали крестьяне д. Суркино, «они... пришли в крайнее разорение, нищету и убожество»¹².

Тяжелое экономическое и социальное положение в XVIII в. побудило мишарей искать выход в переселении. К сожалению, статистический материал по данному вопросу представлен в целом. Поэтому невозможно привести количественную характеристику в отношении татар-мишарей. Однако собранные нами материалы показывают, что в этот период значительное число мишарей переселялось в Приуралье, в том числе и в Башкирию. Так, в 1730 г. казанский губернатор А. П. Вольнский указывает, что башкирский народ «непрестанно умножается и растет, так что через 20 прошедших лет не было прямых башкирцев больше 35 000, или по крайней мере 40 000, а ныне с беглецами стало больше 100 000, а именно казанские, симбирские, темниковские и прочих тамошних уездов ясашные татары большая половины башкиры перешли...»¹³ Такие переселения продолжались и в последующий период.

Жестокая эксплуатация, непосильные налоги и разорение крестьян вследствие захвата помещиками лучших земель, лугов и других угодий порождали решительный массовый протест насе-

ления. Эти протесты неоднократно перерастали в массовые восстания.

Вместе со снижением земельной обеспеченности к середине XIX в. в среде мишарей росло имущественное расслоение. С самого начала более интенсивно оно проявилось среди темниковской группы, где имела место подворно-наследственная форма владения пашнями. Эта форма землевладения имела много общего с частной земельной собственностью. Поэтому под влиянием промисловения в деревню товарно-денежных отношений подворно-наследственные земли не только переходили по наследству, но и продавались, покупались и закладывались¹⁴. Это способствовало выделению на одном полюсе экономически сильных — зажиточных хозяйств, а на другом — малоземельных и безземельных крестьян. Обогащение немногих и разорение большинства — таковы признаки первоначального накопления капитала.

Итак, перед реформой татары-мишари, принадлежавшие к категории государственных крестьян, оказались в тяжелом положении. Они выплачивали обременительные подати и выполняли всевозможные повинности. Однако, несмотря на это, татаро-мишарские крестьяне исследуемой территории втягивались в товарно-денежные отношения, среди них происходило имущественное расслоение, которое перерастало в классовую дифференциацию. Все это определенным образом сказалось на развитии хозяйства татар-мишарей в рассматриваемое время.

Крестьянское хозяйство во второй половине XIX — начале XX в.

После реформы 1861 г. Россия, как известно, вступила в период своего капиталистического развития. Буржуазные отношения активно проникали как в город, так и в деревню, захватывая все новые и новые территории. В орбиту капиталистических отношений включились и крестьянские хозяйства исследуемого района. Развитие буржуазных отношений проявлялось во всех отраслях народного хозяйства, буквально во всех сферах крестьянской жизни.

Во второй половине XIX — начале XX в. земледелие продолжало играть ведущую роль в крестьянских хозяйствах татар-мишарей. Отмена крепостного права и реформа 60-х годов не принесли с собой для крестьянства освобождения от экономической кабалы. Лучшие земли и угодья у крестьян были отрезаны в

пользу помещиков. По данным статистики 1877 г., на территории Саранского, Наровчатского, Инсарского, Краснослободского, Темниковского, Ардатовского, Спасского уездов во владении крестьян находилось лишь 53,5% всего земельного фонда. Остальные 46,5% принадлежали помещикам, казне, церкви, монастырям и пр.¹⁵

Надельная земля распределена была неравномерно. Так, по тем же данным, на территории выше перечисленных уездов земля у государственных крестьян распределена была следующим образом¹⁶: в Саранском уезде на один двор приходилось 14,4 дес. земли, в Инсарском — 15,6, в Краснослободском — 15,4, в Темниковском — 11,3, в Наровчатском — 12,2, в Ардатовском — 10,0, в Спасском — 13,9 дес. Следует учесть и то, что в эти наделы входили неудобные и находившиеся далеко от основного земельного массива поселения участки, которыми крестьяне практически не могли пользоваться.

Количество земли на душу с каждым годом сокращалось в результате естественного прироста населения. Так, с 1863 по 1878 г. только по Саранскому, Инсарскому и Краснослободскому уездам Пензенской губернии население увеличилось на 84,9 тыс. (более чем на 20%), а площадь пахотных земель у крестьян оставалась прежней¹⁷. То же самое наблюдается в Симбирской губернии. Так, за 1877—1905 гг. размер надела на один двор у бывших государственных крестьян Буинского уезда уменьшился на 4,6, Курмышского — на 4,2, Алатырского — на 2,9 дес. Особенно страдали от малоземелья крестьяне с подворно-наследственной формой землевладения, т. е. темниковская группа мишарей. С течением времени, в связи с увеличением наследников и разделов между ними, наследственные участки так измельчали, что владельцы этих земель оказались самыми несостоятельными крестьянами в крае. Так, статистические данные по Тамбовской губернии за 1882 г. показывают, что в 33 обществах Темниковского уезда с подворно-наследственным землевладением, насчитывающих 1299 хозяйств, более половины домохозяев (65,4%) стояли на грани обезземеливания и разорения, имея по 2,8 десятины и менее земли на один двор. Лишь 49 хозяйств (3,9%) имели по 15 и более десятин земли и могли вести самостоятельно хозяйство¹⁹. Преобладающее большинство хозяйств прокормиться целый год за счет дохода от своей земли не могло. Так, например, у татар-мишарей д. Княжево (Теньгушевской волости Темниковского уезда), семья из 7 едоков может прокормиться круглый год своим хлебом только при трех душевых наделах. Семья из 6 чел. при двух наделах получит, за вычетом семян, при среднем

урожае ржи 110 мер, только по 18 мер на едока²⁰, что явно недостаточно для пропитания и покрытия всевозможных расходов, прежде всего налогов. Такое же положение наблюдалось и среди других групп мишарей. Ниже приводим отрывок из донесения помощника начальника Саратовского губернского жандармского управления Н. П. Пекарского, поданного в январе 1870 г. в III отделение императорской канцелярии. «Татары Хвалынского уезда, — пишет он, — вследствие недостатка в хлебе находятся в самом бедственном положении. Из собранных мною по этому предмету сведений оказывается, что только незначительная часть крестьян употребляет в пищу чистый хлеб и то не все собственный, а покупной; большая же часть ест хлеб, испеченный из семян растения, известного здесь под названием просянка, с примесью муки ржаной и просяной: как первую, так и последнюю покупают... Бедственное положение крестьян еще увеличивается от того, что с конца прошлого года энергически взыскиваются с них недоимки по окладным сборам, которые через бездействие административных лиц достигли громадной цифры; так, по Атлашинской волости, состоящей из 42 002 душ, числится недоимки 38 тыс. рублей; подобная же цифра существует и в других татарских волостях»²¹.

Для обеспечения прожиточного минимума и уплаты налогов и податей крестьяне вынуждены были арендовать землю у помещиков. Нередко они арендовали землю всей общиной. Это было выгодно помещику, ибо выполнение взятых обязательств обеспечивалось круговой порукой.

Аренда земли производилась на различных условиях, но больше всего была распространена испольная аренда, когда за пользование землей крестьянин отдавал половину полученного с этой земли урожая. При этом вся работа выполнялась крестьянами их же тягловой силой, а нередко и семена для посева они использовали свои.

Большинство крестьян ввиду высокой арендной платы не могли арендовать земли на длительные сроки. Краткосрочная аренда не давала дохода (она давала возможность крестьянам лишь еле-еле свести концы с концами) и поэтому являлась «голодной арендой». Так, в Саранском, Краснослободском и Инсарском уездах Пензенской губернии в 80-х годах XIX века прибегало к аренде лишь 24% бедноты²². Это малоземельные крестьяне, которые вынуждены арендовать землю с тем, чтобы не умереть с голоду. Основным же арендатором являлась деревенская буржуазия.

О дополнительной купле земли трудовое крестьянство не могло и думать, так как цена на нее из года в год бешено росла. Так,

продажная цена одной десятины земли по Пензенской губернии возросла с 23 р. 55 к. в 1872 г. до 103 руб. в 1902 г.²³

Основными культурами, возделываемыми в крестьянских хозяйствах мишарей, продолжали оставаться зерновые. На озимом поле возделывались рожь, режа — озимая пшеница, на яровом — овес, гречиха, просо; из бобовых — горох, а из технических — конопля.

Низкий экономический уровень крестьянских хозяйств, отсутствие удобрений, частые засухи и неурожаи привели к тому, что в конце XIX в. резко снизился посев гречихи. Так, в 1896 г. по сравнению с 1888 г. посевы гречихи в Пензенской губ. сократились на 71,6, в Саратовской — на 86,2%²⁴. Ее вытесняли такие засухоустойчивые серые хлеба, как рожь, овес и просо, которые не требовали особо тщательного ухода и удобрения. К статистическому удельному весу посева проса возрос по Пензенской губернии с 5,5% в 1881 г. до 9,1% в 1911 г.²⁵

Во второй половине XIX в. в крестьянских хозяйствах татар мишарей заметное место начинает занимать картофель. Так, в той же Пензенской губернии удельный вес площади под корнеплодами, из которых основное место принадлежит картофелю, возрос с 1,7% в 1881 г. до 5,1% в 1911 г. Если в 1881 г. площадь под картофелем составляла 26,6 тыс. десятин, то в 1889 г. — 46,6 тыс., в 1909 г. — 90,7 тыс., а в 1913 г. — свыше 103 тыс. десятин²⁶.

Основным источником дохода крестьянских хозяйств были зерновые культуры и прежде всего рожь. Обрекая себя на бедное существование, крестьяне с осени для уплаты налогов продавали свой хлеб. Весной же они вынуждены были покупать его по более дорогой цене. Только в один из самых урожайных годов — 1883 г. — крестьянство Пензенской губернии купило хлеба на 1,5 млн. рублей²⁷.

Беспорядочная эксплуатация земли привела к уменьшению урожайности сельскохозяйственных культур.

Средний размер урожая зерновых культур с десятины за 1883—1900 гг. по некоторым уездам был следующим: в Инсарском — 41,1 пуда с десятины, в Краснослободском — 38,0, в Наровчатском — 42,0, в Саранском — 43,3, в Спасском — 38,4, в Темниковском — 34,4, в Буинском — 36,5, в Алатырском — 38,8, в Курмышском — 46,0²⁸. Особенно низкие урожаи зерновых культур собирали в Темниковском уезде.

Низкая урожайность культур объясняется крайне низким состоянием сельскохозяйственной техники и примитивными методами обработки почвы. В результате долгого господства феодалов

ма в крае, а затем феодальных пережитков, жестокого национального гнета и бедности основной массы крестьянства техника земледелия и методы его ведения вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции не претерпевали здесь серьезных изменений.

В. И. Ленин отмечал, что отработочная система хозяйства и патриархальное крестьянское хозяйство основаны на отсталой технике. Он пишет: «Во внутреннем строе этого хозяйственного режима нет никаких импульсов к преобразованию техники; напротив, замкнутость и изолированность хозяйства, нищета и приниженность зависимого крестьянства исключают возможность введения усовершенствований»²⁹.

Главным пахотным орудием в мишарских хозяйствах в рассматриваемое время продолжала оставаться деревянная двухлемешная соха (*сука*), широко распространенная в средней полосе России с древнейших времен.

Другим пахотным орудием, распространенным у мишарей в прошлом, был *сабан*. Он состоял из деревянного передка с двумя колесами, резца, лемеха, дышла, ручки и палицы³⁰. Несколько шире применялся сабан у мишарей южных районов, где расширение площадей под посев культурных растений шло за счет освоения целинных степных пространств с черноземной почвой, в частности в Пензенской и Саратовской губерниях. Однако во второй половине XIX в. сабан в хозяйстве мишарей уже не применялся. Он был вытеснен железным двухлемешным плугом заводского или кустарного изготовления. Говоря о плугах, следует отметить, что большинству крестьянских хозяйств они были недоступны, и почти единственным пахотным орудием в хозяйстве мишарей оставалась соха. Столь широкому распространению и длительному сохранению практического значения этого примитивного пахотного орудия, по мнению Д. Зеленина, способствовали: крайняя простота устройства, дешевизна (все деревянные части сохи крестьяне могли делать сами), легкость (ее могла свободно тащить самая слабая крестьянская лошадь) и ее универсальность (соха применялась для пахоты, окучевания и т. д.)³¹.

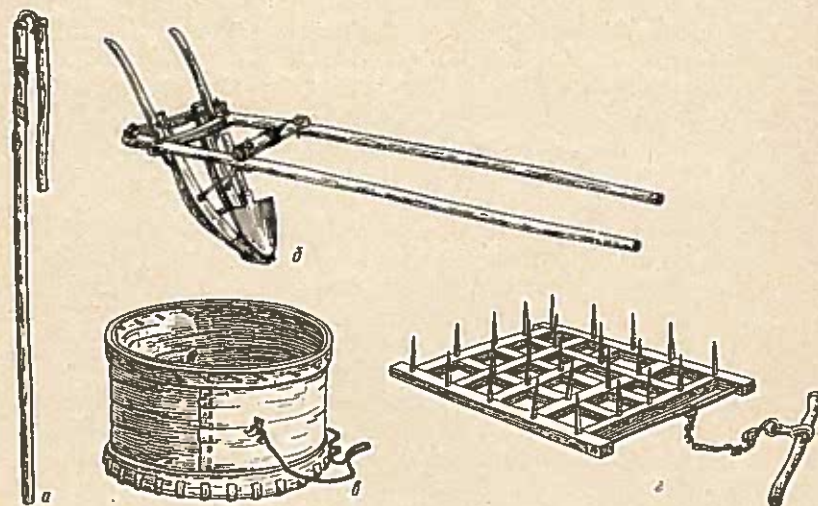
Широкое распространение сохи свидетельствует также о том, что ее нельзя связывать лишь с какой-либо одной этнической группой. Вероятно, в древности подобные пахотные орудия возникали самостоятельно у различных племен, при одинаковых условиях земледелия. Однако в окончательном усовершенствовании этого весьма распространенного пахотного орудия основная роль принадлежит русскому народу, о чем свидетельствует применение русской терминологии для обозначения сохи и отдельных частей

е у большинства народов Поволжья, в том числе и у мишарей. Для последующей обработки полей после вспашки, для рыхления почвы и заделки семян во время посева применялись бороны (себерке), представляющие брусчатую раму-решетку, в которую через определенные промежутки вставлены заостренные дубовые колышки или железные зубья.

Как у татар-мишарей, так и у других народов Среднего Поволжья, встречались 2 типа рамочных (или брусчатых) бороны: «казанский» и «симбирский»³². «Эти разновидности бороны, — пишет Е. П. Бусыгин, — встречались на всей территории Среднего Поволжья, и, по нашим наблюдениям, тот или другой вид не имел резко очерченного района распространения. Они характерны для всех народов края»³³. Одновременно с брусчатыми до конца XIX в. на исследуемой территории применялись плетеные бороны с деревянными зубьями.

Железные бороны, дающие возможность более глубоко заделывать семена и облегчающие борьбу с сорняками, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в Среднем Поволжье имели незначительное распространение.

В соответствии с климатическими условиями края крестьяне

Сельскохозяйственные орудия и инвентарь (конец XIX — нач. XX в.)

а — цепь, б — соха, в — лукошко, г — бороны

соблюдали сроки обработки почвы, посева и уборки. Они были для всех народов края общими. Обработку пашни и сев яровых хлебов производили вскоре после схода снега, числа 20 апреля по ст. стилю. В первую очередь сеяли овес (23 апреля — 3 мая), затем горох (30 апреля — 6 мая), просо (4 мая — 11 мая), картофель (8 мая — 18 мая), лен (14 мая — 21 мая) и в последнюю очередь — коноплю (12 мая — 17 мая) и гречу (10 июня — 17 июня).

Посев озимых хлебов производили примерно между 15 августа и началом сентября. Сев считался самым ответственным трудовым процессом у крестьян. Поэтому он поручался самому опытному члену семьи. Посев производили вручную — из лукошка (тубал). Сеятель, повесив лукошко через плечо, проходил по вспаханному полю, равномерно разбрасывая семена.

Уборку зерновых культур производили в течение июля — сентября: озимую рожь убирали 11—30 июля, овес — 9—24 августа, просо — 25 августа — конец сентября, гречиху — с 1 сентября, горох — с 20 августа, лен — во второй половине августа, коноплю — 15 сентября. Картофель начинали копать 20 сентября. Хлеб убирали вручную — рожь жали зазубренным серпом (урак), а для уборки таких яровых культур, как овес, гречиха и горох, часто пользовались косой-литовкой (чалгы). Уборка конопли и льна производилась путем выдергивания стеблей руками.

Сжатый хлеб вязали в снопы (көлтә) и складывали на поле для просушивания в следующие формы: йөзек, пятак, бравук (дуңгыз).

Йөзек (буквально — кольцо) представлял собой четыре снопа, положенных на землю в виде квадрата так, чтобы колосья одного приходились на комель другого. Пятак, как показывает само название, состоял из пяти снопов: четыре ставили на землю колосьями вверх, а пятым их накрывали (колосьями вниз). В бравук (дуңгыз) снопы складывались так, чтобы на комель первого снопа под прямым углом ложились колосья второго снопа, на комель второго — колосья третьего и т. д. У русских эта форма называлась «укладка зигзагами»³⁴. В конце рабочего дня хлеб перекладывали в другие формы, называемые мишарями солдат или бабка, хрестич и чумалә.

Солдат, или бабка, представлял собой следующее: на землю ставили в слегка наклонном положении колосьями вверх и вместе девять снопов, а десятым накрывали, повернув его комлем вверх. Такая форма укладки снопов позволяла защитить хлеба от дождя и гниения. Особенно широкое распространение она имела в селениях лямбирской группы. Форма хрестич (от русского крестцы) состояла из 13 снопов, укладываемых крестообразно в три

яруса, была характерна для темниковской группы; в *чумал* укладывали 100—120 снопов (один воз) по кругу, колосьями внутрь, придав конусообразную форму.

Как видим, способы укладки снопов на поле у мишарей не отличались от способов, распространенных у других народов Среднего Поволжья. С одной стороны, здесь имеют место формы характерные для русских (*крестич, бабки, бравуг*), а с другой — для тюркоязычного населения Среднего Поволжья (*йезе чумал*).

После окончания уборки снопы перевозили с поля на гумно, где их обмолачивали. Необмоленную часть хлеба, обычно у эжиготочных крестьян, укладывали в крупный стог (*кибан* или *бгыл*), состоящий из 4—5 тыс. снопов, для хранения на зиму. Стоги делали на ровной, вычищенной от дерна площадке, предварительно соорудив на ней помост высотой в полметра. В середине помоста устанавливали высокую жердь (*эшеш*), которая служила остовом (*кибан*)³⁵.

Постановка *кибан* на деревянном помосте характерна для тюркоязычных народов Среднего Поволжья, и прежде всего казанских татар³⁶. Наличие этого способа у мишарей подтверждает существование у них древней культурной общности с этими народами, прежде всего с казанскими татарами. По утверждению Е. П. Бусыгина, способ хранения хлеба в стогах с помостом XIX в. был распространен и у русского населения Среднего Поволжья, которое заимствовало его у татар³⁷. «Русские восприняли не только сам способ хранения, — пишет Е. П. Бусыгин, — но его название «кабан»³⁸.

Перед обмоломом заскирдованный хлеб сушили. По сведениям информаторов, у мишарей применялись два типа хлебосушительных шиш и срубный овин.

Наиболее простым и распространенным типом являлся шиш (*эшеш эвене*)³⁹. Сооружение этого типа сушилен производилось следующим образом: рыли продолговатую яму глубиной около 3 м; над ямой сооружали из жердей конус высотой и диаметром у основания также около 3 м. На поверхности конуса, по кругу на расстоянии 60—70 см друг от друга, укрепляли пять рядов «кругляшей», на которые укладывали снопы. При этом их размещали так, чтобы снопы верхнего яруса комлями покрывали колосья нижнего яруса. Для прочности снопы обвязывали в ревку (*аркан*). Затем наиболее опытный в семье человек спускался в яму (вход в яму делали сбоку) и раскладывал там костер из дров. Он следил также за тем, чтобы пламя было не слишком высоким (во избежание пожара).

Подобный метод сушения зерна возник на территории Среднего Поволжья и Приуралья, где с древнейших времен происходило переплетение культур финно-угорских и древнетюркских племен. Здесь в результате постепенного развития земледелия при своеобразных климатических условиях средней влажности и выработался этот примитивный способ сушения зерна. Участие тюркоязычных народов в выработке этого типа сушилен отражается в его названии (*эшеш эвене*). Как известно, термин *эшеш* в языке тюркских народов, в том числе и у мишарей, обозначает жердь, *эшеш эвене* означает хлебосушильню, сооруженную из жердей. Кстати, по данным Л. П. Потапова, сушка хлеба на жердях имела место и у алтайских тюрков⁴⁰.

Что касается срубных овинов, то они, вероятно, в материальной культуре мишарей представляют русское заимствование. Этим объясняется внедрение в лексику мишарей термина *эвен* (овин).

Срубный овин, как и шиш, представлял двухкамерное сооружение⁴¹. Для постройки овина рыли яму в форме квадрата (3 × 3 м) и глубиной до 2 м. В нижней (ямной) камере складывали примитивную печь, подобную печам, устраиваемым в банях. Над ямой на уровне земли устраивали потолок из жердей, одновременно являвшийся и полом верхней камеры. Следует отметить, что этот потолок-пол с двух сторон не примыкал вплотную к стенам. Для прохода теплого воздуха из нижней камеры в верхнюю — к снопам оставались пазухи. Примерная высота стен верхнего сруба составляла около 2 м. Крыша была костровая. В передней стене сруба имелось небольшое окошечко, через которое подавали снопы. На высоте 50—60 см от пола из тонких жердей устраивали подобие полатей («колосники») для установки снопов. Снопы на этих «колосниках» устанавливали в следующем порядке: сначала ставили ряд снопов колосьями вверх, на них вторым ярусом — снопы колосьями вниз; затем таким же образом заполняли второй ряд, третий и т. д. в зависимости от степени влажности зерна.

Такие овины вмещали до 600 снопов. Высушенность зерна определяли при помощи заостренного шеста. Если воткнутый в снопы шест оказывался влажным, то сушку следовало продолжать. При сыром зерне нередко сушку производили в два приема. Срубные овины имелись лишь у эжиготочной части населения.

По мнению исследователей⁴², исходной формой этого двухкамерного срубного овина на территории Средней Волги является шиш.

Применение для сушки хлеба шишей во второй половине XIX — начале XX в. явилось результатом экономического ослабления крестьянских хозяйств. Кстати, в это время на территории Среднего Поволжья и среди русского крестьянства отмечается интенсивный процесс замены срубного овина шишом⁴³.

Обмолачивание хлеба производили на току (*тук өсте*), расположенном на открытом воздухе, на гумне (*ындыр*). Наибольшее распространение имела молотба цепами — *чип*. Для обмолота яровых хлебов иногда применяли конную молотбу. Этот способ молотбы широкое распространение имел у всех народов Поволжья.

После обмолота зерно провеивали и просеивали. Провеивали зерно на ветру, слегка подбрасывая его широкой деревянной лопатой. При этом мякина и другие легкие примеси уносились ветром в сторону, а чистое зерно падало на землю. Для просеивания зерна употребляли большое решето (*илэк*), подвешенное у клетки.

Размол зерна на муку производили на ветряных и водяных мельницах, а обдирку круп — на крупорушках. Частично зерно на муку и крупу мололи на ручных жерновах или толкли в деревянных долбленых ступах (*киле*), широко распространенных у всех народов края.

Замена примитивной сельскохозяйственной техники более совершенными орудиями в хозяйствах основной массы татар-мишарей была крайне незначительна. Так, к 1917 г. на 2029 крестьянских хозяйств Усть-Рахмановской волости Краснослободского уезда насчитывалось железных плугов 17, многолемешных плугов — 54, сеялок — 3, жнеек — 7, молотилок — 5, веялок — 20, косилок — 5, железных борон вовсе не было, телег на железном ходу — 22⁴⁴. При этом следует отметить, что такие усовершенствованные орудия, как веялки, молотилки, жнейки и др., приобретали лишь кулацкие хозяйства. Однако и в этих хозяйствах количество их было незначительно. Кулаки, главным источником обогащения которых была торговля, не очень-то старались улучшить технику обработки земли. Дешевая рабочая сила, имевшаяся в разорившейся деревне, давала возможность получать высокие доходы от хозяйства путем жестокой эксплуатации трудового крестьянства. Средним же и бедным хозяйствам новые орудия обработки земли были не по средствам, и здесь по-прежнему применяли соху и деревянную борону.

Другие отрасли сельского хозяйства, связанные непосредственно с земледелием, — огородничество и садоводство — были развиты слабо. Это нельзя объяснить лишь национальной спецификой хозяйства татар-мишарей. У других народов Среднего Поволжья, в том числе у мордвы, эти отрасли хозяйства во второй половине XIX — начале XX в. были развиты также очень слабо. Их развитию препятствовало малоземелье. Особенно малы были приусадебные участки. В Темниковском уезде, например, на огород и конопляник приходилось менее $\frac{1}{4}$ десятины земли⁴⁵. Поэтому далеко не все хозяйства отводили на своей усадьбе участок для посадки овощей. Если и выделяли таковые, то лишь в таких размерах, чтобы обеспечить потребность своей семьи; сажали лук, репу, морковь, тыкву.

Что касается садоводства, то оно также было слабо развито и не имело существенного значения в экономике крестьянского хозяйства. Чаще сады встречались в Краснослободском уезде Пензенской губернии. В основном выращивались яблоки местных сортов, вишня, малина и смородина.

Наряду с земледелием в хозяйстве татар-мишарей большое место занимало животноводство; однако, как и у всех народов края, оно не имело самостоятельного значения и представляло отрасль сельского хозяйства, обслуживающую земледельческие хозяйства силой и удобрением.

Лошадь в хозяйстве мишарей представляла и рабочую силу, и транспортное средство. Надо полагать, что мишари с лошадьми были связаны с очень давних времен. На это указывает наличие в древних верованиях мишарей отголоска культа коня, в фольклоре мифического образа «акбузат» (белый конь) и т. д. Тот факт, что у мордвы и у татар-мишарей лошадь и жеребец обозначаются одними и теми же словами соответственно «алаша» и «айгыр», говорит за то, что эти слова тюркского происхождения мордва позаимствовала у своих соседей-мишарей. На это указывал и известный мордовский этнограф М. Е. Евсевьев⁴⁶.

Почти в каждом крестьянском хозяйстве имелась корова. Попутно заметим, что в пище татар-мишарей молочные продукты занимали значительное место.

Большое значение в хозяйстве татар-мишарей имели также овцы (*куй*). Те крестьянские хозяйства, которые не имели возможности содержать корову, держали коз.

Молочное скотоводство и овцеводство являются древними отраслями хозяйства тюркоязычных народов этого края. В тюркских поселениях начала II тыс. н. э. одновременно с большим количеством зерна обнаруживается множество гончарной посуды (указывающее на наличие молочного хозяйства) и многочисленные пряслица (свидетельствующие о развитии прядения и ткачества) ⁴⁷.

На наш взгляд, нельзя согласиться с Г. Ахмаровым, утверждавшим, что мишари не обнаруживают склонности к птицеводству ⁴⁸. Птицеводство в крестьянских хозяйствах мишарей являлось значительным подспорьем. В рассматриваемое время больше разводили кур и гусей, не требующих много корма и особенно ухода. Даже самые бедные крестьяне имели до десятка кур, а зажиточные держали по 30 и больше штук. Гусей было особенно много в тех селениях, которые расположены у проточной воды. Так, в деревнях Сургодь (Сыркыды) и Большие Поляны (Иса) Торбеевского района Мордовской АССР гусей выпускали весной на речку, где они до осени были предоставлены самим себе; хозяева лишь изредка проверяли сохранность выводка. Так же поступали и в других деревнях. Это показывает, что мишари применяли древний способ содержания гусей, характерный для населения Среднего Поволжья. Древность птицеводства у мишарей доказывается и тем фактом, что яйца у них как и у казанских татар, имеют культовое значение. Кроме того, курица и гусь в древних верованиях мишарей представляются жертвенными птицами (см. гл. IV).

Продукты животноводства использовались в основном для нужд собственного хозяйства и лишь в небольших количествах шли на продажу. Например, практиковалась продажа яиц выручка от которой предназначалась для покупки чая сахара. Нередко яйца при этом выполняли роль меновой единицы. Иногда для уплаты налогов прибегали к продаже приплода крупного рогатого скота.

Живя с древнейших времен в лесостепной полосе, тюркские народы Среднего Поволжья, в том числе и татары-мишари, уже давно выработали навыки пчеловодства. Они до сих пор сохраняли предания, согласно которым их предки любили заниматься бортничеством. У них сохранились разного рода приметы, связанные с этой отраслью хозяйства. Например, нельзя продавать улей с пчелами — уйдет удача на пчел и т. д. ⁴⁹ Древность этой

отрасли хозяйства у мишарей подтверждается и тем, что мед широко применялся в их быту: из меда готовили напиток *бал*; мед был единственным лакомством и одним из важных лекарственных средств («бал житмеш терле хастага шифа») — «мед исцеляет от 70 болезней» — говорят мишари. Кроме того, в обрядах, например во время свадьбы, меду придавалось своеобразное ритуальное значение. Наконец, можно добавить, что мед, наравне с другими продуктами (мука, мясо), входил в кадым, даваемый женихом родителям невесты. Все это доказывает, по нашему мнению, традиционность пчеловодства у мишарей.

Однако развитие этой отрасли хозяйства тормозилось экономической слабостью крестьянских хозяйств края. Вследствие уничтожения лесов и колонизаторской политики русского царизма бортничество края рано пришло в упадок. Заменившее его колодное, а позже рамочное пчеловодство уже не имело такого широкого распространения. Пчеловодство с крупными пасеками встречалось редко. Обычно пасеки в 10—15 ульев находились в усадьбах. Лишь немногие содержали пасеки в лесу на лугах или в полях. Здесь же устраивали небольшое помещение для зимнего содержания пчел. Такими помещениями являлись полуземлянки (*виход*) со срубными стенами и потолком из наката, засыпанного сверху и с боков землей.

Таким образом, незначительный удельный вес пчеловодства в хозяйстве мишарей во второй половине XIX — начале XX в. не является доказательством отсутствия у них традиции в этой отрасли (как это в свое время утверждал Г. Ахмаров). Она объясняется экономической слабостью крестьянских хозяйств. Собственно это относится не только к пчеловодству, но и к животноводству, которое также находилось на низком уровне. Крестьянство, все более обезземельвающееся и закабаленное, не в состоянии было приобрести и содержать породистый высокопродуктивный скот.

Вместе с тем следует отметить, что основным препятствием в деле улучшения животноводства являлся недостаток кормов. Большую часть года, примерно 7—8 месяцев, скот содержали в стойлах. На этот период необходимо было запастись большим количеством корма. Заготовка кормов ограничивалась только сенокосением и уборкой яровой соломы и мякины. Сено удовлетворяло лишь незначительную часть потребности в кормах. Поэтому основными кормами являлись солома и мякина; в лучшем случае из соломы и мякины, с добавлением небольшого количества отрубей, готовили месиво. В большинстве крестьянских хозяйств не хватало и соломы. В результате этого скот ед-

ва-едва доживал до пастбищного сезона. Еще не успевал стаять снег, как скотину уже выпускали на пастьбу на обнаженные луга и выгоны в полях или выгонах. Для пастьбы стада пользовались паровыми, яровыми и жнивными полями⁵⁰. Это приводило к несвоевременной обработке полей: пары вспахивались настолько поздно, что не оставалось времени до посева передвить их, а взмет жнивных полей производился не с осени, а весной перед посевом яровых хлебов⁵¹. Обеспеченность крестьянских хозяйств лугами и пастбищами была незначительна. Так, в Саранском уезде она составляла всего лишь 5,3% от всей наделной земли⁵².

Крестьяне (лямбирские татары-мишари) прибегали к аренде пастбищных угодий у соседних помещиков. Лишь за временное использование помещичьего парового поля для пастьбы крестьяне всем обществом выполняли ему разные работы по уборке урожая, обработке пашни, вывозке навоза и т. д. Иногда они работали у помещика за часть укоса. При этом владелец получал $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{3}$ урожая трав. За остальную часть крестьянин должен был убрать сено со всего участка и перевезти доло владельца на его усадьбу.

В результате недостатка корма поголовье рабочего и продуктивного скота с каждым годом уменьшалось.

Возрастала численность безлошадных и бескоровных крестьян, что привело к разорению основной массы хозяйств и обогащению небольшой кучки зажиточных крестьян. Так, в селениях Стрелецкой волости Темниковского уезда (Тювеево, Караево, Вирясы, Митряли, Енгуразово, Верхняя Ишейка) 15% хозяйств сконцентрировали в своих руках 52% рабочего скота, тогда как 33% хозяйств были безлошадными⁵³. Безлошадные крестьяне попадали в зависимость к многоземельным и многолошадным односельчанам — кулакам.

Кулацкие хозяйства из года в год крепили, их владельцы превращались в мощный эксплуататорский класс в деревне. Развитию кулацких хозяйств способствовало царское правительство, которое решило создать себе в их лице прочную опору в деревне. Этим было вызвано проведение столыпинской аграрной реформы.

Столыпинская реформа значительно ухудшила положение крестьянства, привела к еще большему обнищанию большинства хозяйств.

Картину обнищания татаро-мишарской деревни в период буржуазной реформы можно видеть на примере Кривозерьевской волости (селения Аксеново, Белозерье, Иняты, Кривозерье

Рейтары, Суркино, Татарская Тавла) Саранского уезда. Так, 94,5% хозяйств этой волости представляли бедняцко-средняцкую группу с наделом от 1 до 15 десятин земли на двор. Причем, 63,5% имели менее 6 десятин. Лишь 5,5% крестьянских хозяйств имели надел в 15 и более десятин⁵⁴.

Еще ниже была обеспеченность крестьянства этой волости рабочим скотом; безлошадные и однолошадные хозяйства составляли 89% (в том числе 42% — безлошадные). Лишь 2% хозяйств волости имели 3 и более лошадей⁵⁵.

Тяжелое экономическое положение вынуждало крестьян уходить на заработки и отхожие промыслы. Часть из них нанималась на земледельческие работы, другие — чернорабочими у различных предпринимателей своего уезда или же уезжали в другие губернии.

Известный татарский поэт Х. Такташ на примере деда Шахми так характеризует положение татаро-мишарского крестьянства дореволюционной Мордовии:

Дед Шахми
Ни разу в жизни
В этой черной избушке
«Хозяином» сытым не ночевал.
Вечный батрак,
Вечно «по людям»
Он кочевал⁵⁶.

Число уходящих временно на заработки из деревень увеличивалось с каждым десятилетием. Так, если в 1877 г. по Темниковскому уезду насчитывалось 6806 человек отходников, то в 1902 г. их стало 14 081 чел. В Саранском уезде только за один 1892 год отходников насчитывалось 18 127 человек. По данным 1912 г., в Усть-Рахмановской волости Краснослободского уезда более 75% крестьянских хозяйств имели дополнительные доходы от промыслов, характер которых был самый различный: мелкая торговля, наем в приказчики, на сельскохозяйственные работы, на работу в шахты, на нефтяные и рыбные промыслы, наем в пастухи и т. д.⁵⁷

В первый период отход тесно был связан с сельским хозяйством. На «отход» крестьяне уходили по окончании осенних полевых работ, а возвращались весной — к весеннему севу. Но в конце XIX и особенно в начале XX в. начинает преобладать длительный отход. Отходники оставляли дома семьи для ведения хозяйства (землю сдавали в аренду или продава-

ли), а сами устраивались в больших городах, в частности, в Петербурге и Москве дворниками, кучерами, приказчиками и т. Часть из них постепенно совсем потеряла связь с сельским хозяйством и, забрав семьи, вливалась в ряды городского населения. Условия труда отходников, их материальное положение были тяжелыми. Однако отход имел прогрессивное значение для крестьян. Согласно характеристике В. И. Ленина, «он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»⁵⁸.

Развитие отходничества привело к подвижности населения татаро-мишарской деревни, что сыграло значительную роль в формировании хозяйства и быта мишарей. Отходники привносили в свои деревни нововведения в сельское хозяйство, новые элементы в убранство жилья, в одежду и т. д. Но самое главное — отходники, отделившись от узкого деревенского мира, сталкивались с представителями различных классов, расширяли свой кругозор и приносили в деревню, в народ передовые взгляды, которые нашли отражение в революционных событиях 1905—1907 гг. и особенно 1917 г.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции коренно изменился характер аграрных отношений в деревне. Движение трудового крестьянства открылась возможность коренного улучшения материального положения. В селе широкое распространение получила кооперация.

Под руководством Коммунистической партии осуществлялся постепенный переход от простых к более сложным формам сельскохозяйственного кооперирования. К 1934 г. основная масса трудового крестьянства Среднего Поволжья добровольно объединилась в колхозы. В деревне утвердились социалистические производственные отношения. Образовался новый по своей структуре класс социалистического общества — колхозное крестьянство.

За истекшее время пройден большой путь развития колхозов. Такие колхозы, как «Алга» (Сергачский район Горьковской области), им. Нариманова, «Ленинча» (Инсарский район Мордовской АССР), «Победа» (Лямбирский район Мордовской АССР), им. XXII партсъезда (Дрожжановский район Татарской

АССР) и многие другие, начав свою историю от добровольного объединения в артели по несколько крестьянских семей, превратились в крупные сельскохозяйственные предприятия с высокими экономическими показателями.

Колхозное производство, основанное на коллективном труде колхозников, стало главным источником роста доходов и благосостояния колхозных семей. Рост материального благосостояния способствует совершенствованию быта татарского населения, ускоренному развитию их материальной и духовной культуры.

¹ М. Р. Полесских. Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв., стр. 95—113; он же. Тайны земляной крепости.

² М. Ф. Жиганов. Из истории хозяйства мордвы в XIII—XVI вв. «Исследования по материальной культуре мордовского народа». М., 1963, стр. 16.

³ М. Р. Полесских. Исследования памятников типа Золотаревского городища, стр. 207.

⁴ А. В. Кирьянов. К вопросу о раннеболгарском земледелии. «Материалы и исследования по археологии СССР», М., 1958, стр. 288.

⁵ Крестьяне, прикрепленные к Казанскому адмиралтейству для работ по заготовке корабельных лесов, назывались «лашманами».

⁶ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I. Саранск, 1955, стр. 208.

⁷ «История уделов за столетие их существования, 1797—1897», т. I. «Управление уделами и удельное хозяйство». СПб., 1902, стр. 82—83.

⁸ «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 161.

⁹ В. Залесский. Казанские лашманы. «Русская старина». Пг., 1916, август, стр. 259.

¹⁰ ПСЗ, № 11, 281. Пост. и расп. по вед. пр. исп. № 1708, 1761 г.

¹¹ С. Ф. Ташкин. Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии. Казань, 1922, стр. 90.

¹² «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 205.

¹³ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I. Уфа, 1936, стр. 82.

¹⁴ Однако домохозяева имели право продавать свои участки не всем, а только своим общинникам.

¹⁵ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 312.

¹⁶ Там же, стр. 314.

¹⁷ Там же, стр. 316.

¹⁸ Н. Д. Кузнецов. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963, стр. 61.

¹⁹ «Сборник статистических сведений Тамбовской губернии», т. IV. «Темниковский уезд». Тамбов, 1883, стр. 57—59.

²⁰ Там же, стр. 92.

²¹ «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX века». М.—Л., 1936, стр. 34—35.

²² «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 320.

²³ М. В. Агеев. Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960, стр. 32.

²⁴ Р. Р. Шредер. Гречиха. ПЭРСХ, т. II. СПб., 1900, стр. 834.

²⁵ «Природа и хозяйство Пензенского края». Пенза, 1925, № 4—5.

²⁶ Там же.

- ²⁷ М. В. Агеев. Указ. соч., стр. 34.
- ²⁸ «Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в.», вып. I. СПб., 1902.
- ²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 223.
- ³⁰ Подробное описание сабана дано И. Лепехиным в работе «Дневные записки путешественника... по разным провинциям Российского государства в 1766 и 1769 гг.», стр. 126.
- ³¹ Д. К. Зеленин. Русская соха. Вятка, 1908, стр. 121.
- ³² Г. Фирсов. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854, стр. 155.
- ³³ Е. П. Бусыгин. Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966, стр. 98.
- ³⁴ Е. П. Бусыгин. Указ. соч., стр. 120.
- ³⁵ Подробное описание кибэй см.: Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 90.
- ³⁶ П. Рычков. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1758, стр. 496; И. Лепехин. Указ. соч., стр. 145.
- ³⁷ Е. П. Бусыгин. Указ. соч., стр. 101.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Шинь впервые описан И. И. Лепехиным (см.: Указ. соч., стр. 145—147).
- ⁴⁰ Л. Потапов. Этнографический очерк земледелия у алтайцев. ТИЭ, т. XVIII М.—Л., 1953, стр. 178.
- ⁴¹ Устройство срубного овина, так же как и устройство овина — шинья описываем со слов информаторов Гарифуллы Маренова (д. Черемышево Лямбирского района МАССР), Ибрагима Байчурина (с. Латышевка Инсарского района Мордовской АССР), Рахматуллы Самерханова (с. Кармалей Кулаткинского района Ульяновской области) и др.
- ⁴² А. Г. Данилин. Приспособления для сноповой сушки хлеба у восточных славян и их соседей. «Этнография», 1928, № 2; П. Д. Степанов. Мордовские сушильни хлеба в Саратовской губернии. «Труды Нижневолжского краевого музея», вып. I. Саратов, 1929, стр. 9.
- ⁴³ Е. П. Бусыгин. Русское население Среднего Поволжья. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Казань, 1963, стр. 17.
- ⁴⁴ «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Краснослободский уезд». Пенза, 1917.
- ⁴⁵ «Сборник статистических сведений Тамбовской губернии», т. IV, стр. 86.
- ⁴⁶ М. Е. Есеевьев. Тюркские заимствованные слова в мордовском языке Центрального государственного архива Мордовской АССР, ф. Р-267, оп. I д. 77.
- ⁴⁷ М. Р. Полесских. Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв., стр. 102.
- ⁴⁸ Г. Ахмаров. Указ. соч., стр. 149.
- ⁴⁹ Кстати, эти приметы имеются у многих народов Среднего Поволжья (мордвы, марийцев, удмуртов и др.).
- ⁵⁰ Пастухов (көтуче) для рогатого скота и овец занимали всем обществом оплату производило каждое хозяйство за себя в зависимости от количества скота. Помимо основной платы каждый домохозяин поочередно должен был кормить пастухов завтраком, ужином, давать на обед хлеба и предоставлять им ночлег.
- ⁵¹ «Сборник статистических сведений Тамбовской губернии», т. IV, стр. 131.
- ⁵² «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 319.
- ⁵³ Данные приводятся из материалов подворной переписи 1882 г. (см.: «Сборник статистических сведений Тамбовской губернии», т. IV).
- ⁵⁴ Данные приводятся из материалов подворной переписи 1912 г. («Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии», серия III, ч. II, вып. 8, «Саранский уезд». «Подворная перепись крестьянского хозяйства». Пенза, 1913).
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Х. Такташ. Деревня Сыркиды. Стихотворения и поэмы. Перевод с татарского Л. Мартынова. М., 1953, стр. 86.
- ⁵⁷ Подсчет произведен по материалам переписи 1912 г. «Исследования земельных имуществ», ч. II. «Подворная перепись крестьянского хозяйства. Отдел I. Справочные сведения о селениях и пообщинные таблицы по данным сплошной подворной переписи», вып. 3. «Краснослободский уезд». Пенза, 1913.
- ⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 576.

Материальная культура

Поселения и жилища

В правобережных районах Среднего Поволжья насчитывается около 300 населенных пунктов татар-мишарей. Преобладающее большинство их расположено вдоль древних балок с ключами и узких долин мелких рек, обеспечивающих население водой. Лишь небольшое число их основано на широких долинах сравнительно крупных рек. К таким населенным пунктам относятся, например, села Азеево, Митрялы, Новое и Старое Кадышево, Акчеево, расположенные в долине р. Мокши, Сургодь (Сыркыды) — в долине р. Парча, Большие Поляны — в долине р. Исса, и т. д. Численность дворов в них различная — от нескольких десятков до четырех-пяти сотен.

Сравнительно крупные селения татар-мишарей имеются на территории Ульяновской, Горьковской, южных районов Пензенской областей, а также в Дрожжановском районе Татарской АССР. Мелкие же поселения особенно характерны для темниковской группы мишарей в Мордовской АССР.

Это, очевидно, объясняется историческими условиями их образования. Населенные пункты темниковской группы мишарей, в отличие от других, образовались в процессе постепенного освоения отдельными родственными группами или группами семей территории, занятой лесами, и состояли из одного или двух дворов. С течением времени, в результате разрастания семей, создавались небольшие деревни, население которых до настоящего времени сохранило не более двух-трех фамилий. Так, например, в д. Акчеево живут Бахтияровы, Утешевы и Шехмаметьевы, в Янаково — Мамлеевы и Яфаевы, в Митрялы — Урусовы, Кугушевы и т. д.

Что касается населенных пунктов южных районов, расположенных в степной полосе с плодородными почвами, а также

селений сергачской группы мишарей, то они были основаны не отдельными родоначальниками, как у темниковских, а несколькими группами, приходившими в разное время из разных мест. В таких населенных пунктах и фамильный состав пестрый; как правило, эти населенные пункты являются крупными.

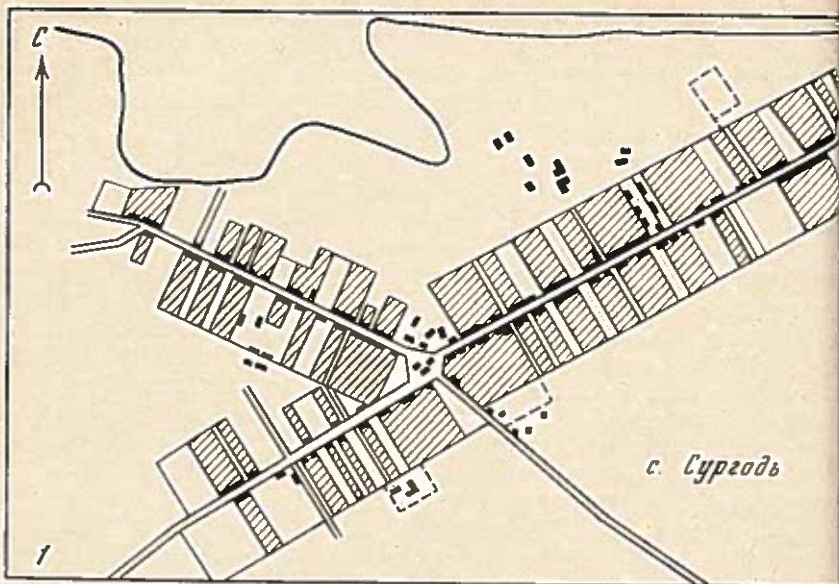
Образование деревни одной разросшейся родственной группой отмечается и у других тюркских народов, в частности у казанских татар¹. Но на поселениях татар-мишарей эта особенность оставила больше отпечатков, чем на поселениях казанских татар, что, по-видимому, объясняется значительно более длительным сохранением у них пережитков патриархального быта. К ним прежде всего следует отнести наличие гнездового типа расселения. Так, на территории расселения темниковской группы мишарей имеется несколько таких гнезд: Аллагуловское (включающее деревни Стар. Аллагулово, Енаево, Тенишево, Усть-Рахмановка, Верхний Шуструй, Малый Шуструй, Нижн. Богдановка, Сафаровка), Кадышевское (включающее деревни Стар. Кадышево, Акчеево, Лобановка, Ликенье) и другие.

По данным Н. И. Воробьева, гнездовое расселение хорошо прослеживается и в населенных пунктах чувашей². Расселение гнездами зафиксировано также у мордвы в документах XVII века³, у мари⁴. Следовательно, эта особенность расселения населенных пунктов в прошлом не является этнической принадлежностью. Она была характерна на определенном этапе экономического развития для всех народов Среднего Поволжья.

В результате экономического развития края последующие процессы расселения народов привели к более плотному равномерному заселению. Но гнездовой тип расселения наложил свой отпечаток и на эти сравнительно поздние поселения. Это выразилось в том, что родственные группы продолжали селиться компактными звеньями на отдельных концах населенного пункта.

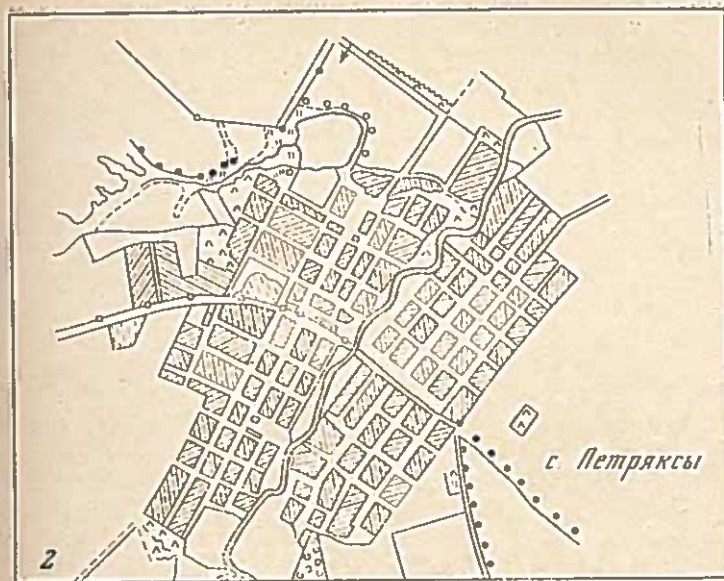
К середине XIX в. селения татар-мишарей имели уличную планировку. Круговая и беспорядочная планировки сохранились лишь благодаря топографическим условиям — наличие в центре населенного пункта оврага, пруда и т. д.

В окончательном формировании уличной планировки поселений значительную роль сыграли меры царского правительства по упорядочению планировки селений, предпринятые в 70-х годах XIX в.⁵ Это в значительной степени способствовало закреплению лучших участков в центре села за зажиточной верхушкой деревни — кулаками, муллами и крупными торговцами. В результате для дореволюционной мишарской деревни, как и для казанско-татарской, характерной стала следующая планировка села:

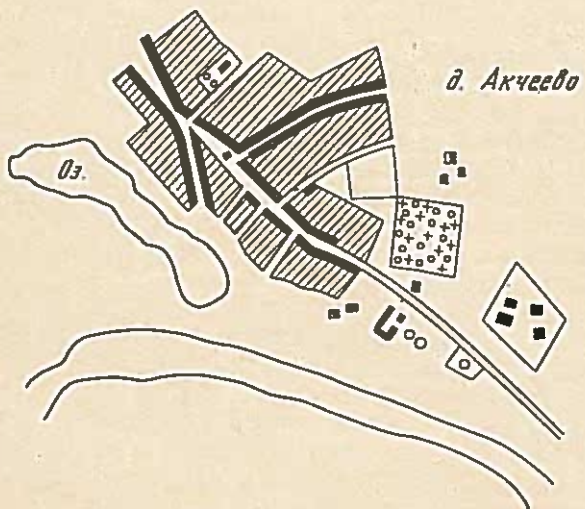

Планы селений

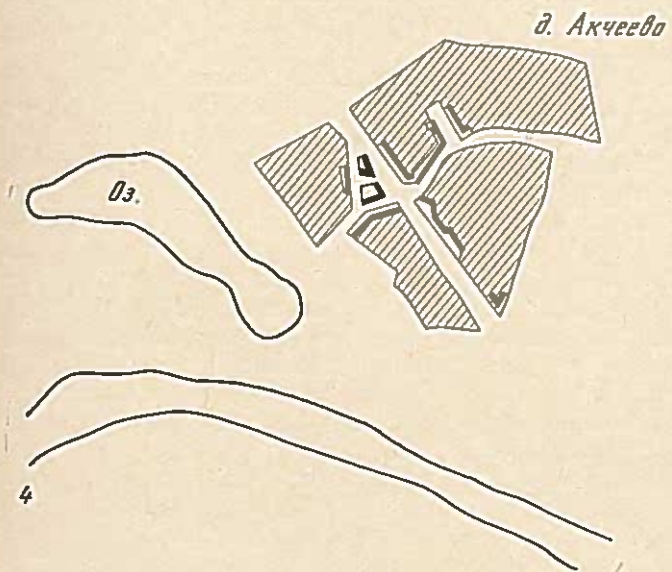
1 — радиально-уличная планировка (с. Сургодь Торбеевского р-на Мордовской АССР)

2 — квартально-уличная планировка (с. Петряксы Пильского р-на Горьковской области)

3 — план дер. Акчево (Ельняковский р-н Мордовской АССР);

4 — план дер. Акчево в 1877 г.

на самом видном месте располагалась мечеть (в зависимости от размеров села могло быть и больше мечетей); недалеко от нее на первом плане располагались дома мулл и зажиточной верхушки села, и на окраине села — полуразвалившиеся избы крестьян.

В поселениях татар-мишарей прослеживается три варианта уличной планировки: 1) линейная, 2) радиальная и 3) квартальная.

Преобладающее большинство селений имело линейно-уличную планировку (две и более улиц располагались параллельно). Примером могут служить планы деревень Латышевка, Усть-Рахмановка и многих других. Типичным примером населенного пункта с радиальной планировкой может служить д. Сургодь Торбеевского района, где все улицы, расположенные под углом друг к другу, сходятся в центре села. Образование радиальной планировки, вероятно, связано с гнездовым расселением родственников на отдельных концах поселения. Так, в д. Пензятка, соответственно количеству улиц, насчитывается 4 таких родственных гнезда (оч): *Симай очы, Ахун очы, Тәре карак очы, Таһир очы*. В Симай очы сконцентрированы *Зәнәк* или *Солтан халкы* (т. е. потомки Солтана), в Ахун очы — *Ахун халкы* (потомки Ахуна), в Таһир очы — *Абакай халкы* или *Абакай жыены* (потомки Абакая). Здесь привлекает к себе внимание термин «жыен», употребляющийся в значении родственной группы. Этот термин в том же значении применяется в д. Сургодь (с радиальной планировкой), где одну из улиц до сих пор в народе называют «Шывый калпак жыены».

Процент деревень с квартальной планировкой был незначительный. Такая планировка присуща сравнительно крупным населенным пунктам (Азеево, Индерка, Татарская Пишля и т. д.).

Для обозначения поселений, независимо от их типов (село, деревня, хутор), татары-мишари пользуются термином *авыл* или *ил*. Термин *ил* в своем основном значении и в современном татарском языке обозначает родственную группу. Например, *корт иле* — пчелиный рой. Что касается термина *авыл*, то он, вероятно, также восходит к тому же значению. Этот термин нередко применяется для обозначения улицы в крупных населенных пунктах, где имело место расселение родственными группами. Очевидно, в терминах *ил* и *авыл* отражается древний обычай, когда при создании поселений предки татар-мишарей придерживались родственного принципа.

Преобладающее большинство населенных пунктов татар-мишарей имеют тюркские названия (Үгнә, Тыныш, Кыштыру, Сыркыды, Куй-су, Суык-Су, Аксу⁶, Янак, Янгураз и др.). Некоторые

из них названы по имени или прозвищу их первых поселенцев или основателей (Дашка, Эйки, Байки, Адай, Кадыш, Шей-Морза, Колчура, Аллагол и др.). Такие названия населенных пунктов, как «Искил», указывают на древность их возникновения. Однако значительное число названий селений, по нашему мнению, нетюркского происхождения. Об этом говорят, например, такие названия, как Пешлә, Тавла, Шебдас, Веләзмә, Усклей и несколько других. Кстати, большинство из этих названий носят и мордовские населенные пункты. В таких случаях, чтобы отметить национальный состав населения, перед названием села добавляется определение: «татарский», «мордовский» и т. п. Например, Татарский Шебдас или Мордовский Шебдас, Татарская Тавла или Мордовская Тавла и т. д. В таких названиях татаро-мишарских населенных пунктов, как Мочалы (Мочар-лы или Мочар иле), Буртасы, Черемышево, Ногаево (Ногай иле), очевидно, сохранен отпечаток древних этнических процессов в крае. Названия деревень Рейтары (Алтар) и Кырык-Сайдак указывают на военное сословие жителей этих населенных пунктов в прошлом.

Большинство татаро-мишарских населенных пунктов имеет два наименования: 1) старое, которое применяется лишь татарским населением, и 2) название, возникшее после присоединения края к русскому государству и применяемое русским населением. Так, например, сел. Искил получило название Татарский Пундан, Кыштыру — Шуструй, Тыныш — Тенишево, Сыркыды — Сургодь, Аксу — Аксеново, Куйсу — Овечий Враг, Сырка — Суркино, Аллагол — Рахмановка, Эже — Азеево, Колчура — Кунчерово и т. д.

В заключение следует отметить, что во второй половине XIX — начале XX в. все мишарские поселения огороживались изгородью (городьбой). Въезд в них закрывался полевыми воротами (*кыр жабагы*).

Основным элементом поселений, как известно, были жилые дома с усадьбами крестьян.

Для большинства селений татар-мишарей конца XIX — начала XX в. характерна была теснота усадебных участков. Нередко отделившиеся сыновья оставались на отцовской усадьбе, разделив ее на части.

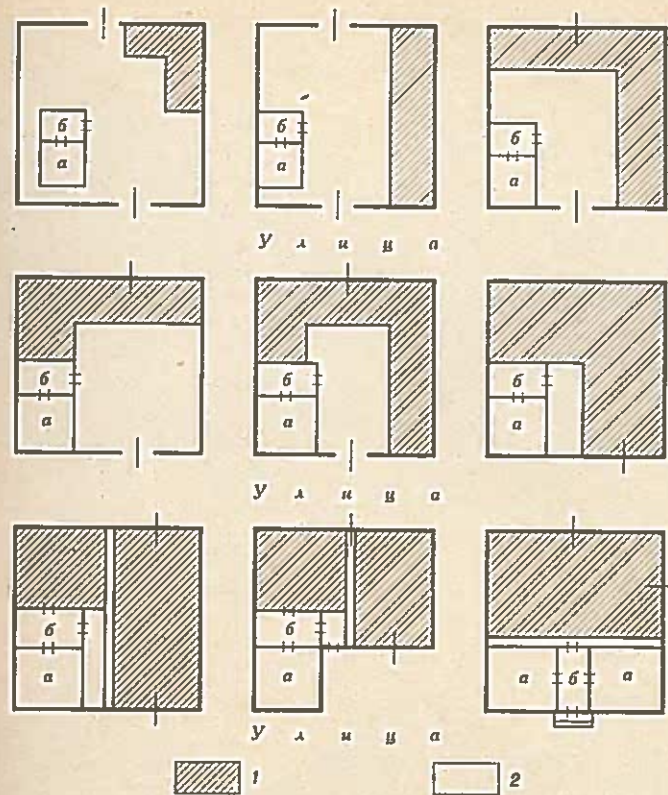
Состав усадьбы, ее планировка соответствовали характеру натурального хозяйства. Усадьба делилась на две части: передний и задний дворы, которые, как правило, отделялись построенными поперек двора помещениями для скота. Передний двор, где располагались дом с сенями и надворные постройки, назы-

вался *азбар* (у сергачских) или *йорт* (у темниковских мишарей) а задний двор, где находился молотильный ток, рига и шиш-овин, мякинник и иногда баня — *ындыр* (у сергачских мишарей) или *усат* (у темниковских).

В процессе социально-экономического развития в определенных природных условиях на территории Среднего Поволжья формировалось несколько типов застройки двора. Наиболее распространенными были «покоеобразные дворы», когда надворные постройки «располагаются в виде буквы «П» по периметру двора, оставляя внутреннюю его часть открытой»⁷.

Покоеобразная форма застройки двора имела широкое бытование среди татар-мишарей, живущих на территории Мордовской, Чувашской, Татарской АССР, а также Пензенской и Ульяновской областей. Последовательность расположения построек покоеобразного середняцкого двора татар-мишарей темниковской группы следующая: на линию улицы, как правило, выходит дом, который построен глухой стеной к соседней усадьбе и соединен надворными постройками, которые расположены на некотором расстоянии за домом, образуя Г-образную форму. Между домом и помещениями для скота нередко располагается погреб. Зимой эта часть закрывается плоской крышей (*лапас*). Тыльную линию двора образуют помещения для скота: в ближайшем к дому углу двора находится теплое помещение с деревянным полом и небольшим волоковым окном; в противоположном — подобное же помещение — *конюшня*; одно из них предназначено началось для коровы, другое для лошади. Между этими теплыми помещениями оставлено открытое пространство, загороженное жердями (*аран*). От конюшни параллельно дому идет крытый навес (*лат асты* — у темниковских или *пает* — у сергачских групп мишарей). Там обычно хранится мелкий сельскохозяйственный инвентарь, висит сбруя, стоят водопойные колоды. Наконец, следует упомянуть еще одно служебное помещение — клет (иногда каменная) с одним небольшим окном и железной дверью, выходящей во двор. Все надворные постройки покрыты тесом или соломой и обнесены забором. Двор имеет два выхода: один — на улицу, другой — в огород, т. е. на задний двор.

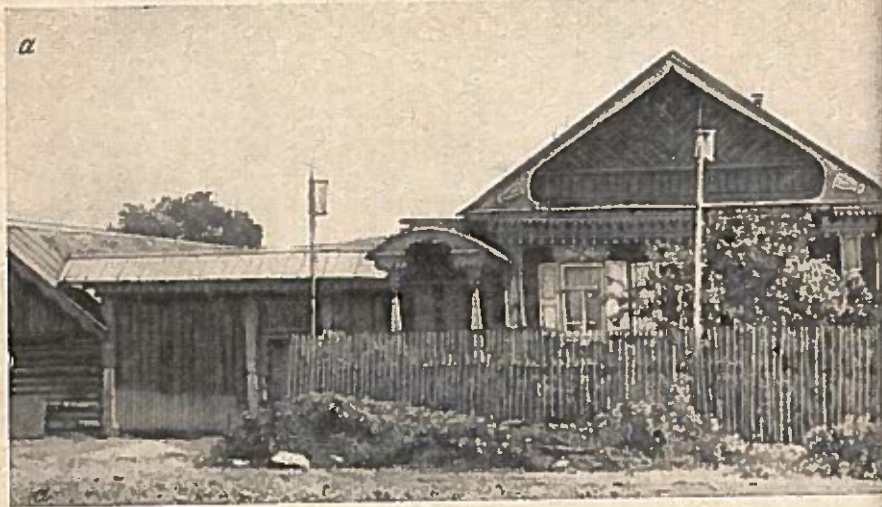
Из вышесказанного видно, что типичная для территории Среднего Поволжья покоеобразная застройка двора имела у темниковских татар-мишарей некоторую особенность, проявляющуюся прежде всего в том, что дворовые строения вместе с домом не составляли сплошной П-образной застройки. Эта особенность также характерна для планировки двора казанских татар⁸.

Схемы типов застройки двора

1 — закрытая часть двора; 2 — открытая часть двора; а — изба, б — сени

Обособленность жилого дома от хозяйственных построек и в целом разобщенность построек двора особенно характерны для усадьбы сергачской группы мишарей. Здесь дворовые постройки, сгруппированные по функциональному назначению (жилой дом с сенями, помещения для скота, клеть и др.), не представляют единой непрерывной цепи служб, как это обычно бывает в покоеобразных дворах. Каждая группа дворовых построек располагается разобщенно. Поэтому эта форма застройки двора в этнографической литературе называется «открытый двор с разобщенными хозяйственными постройками».

Типы связи дома с двором

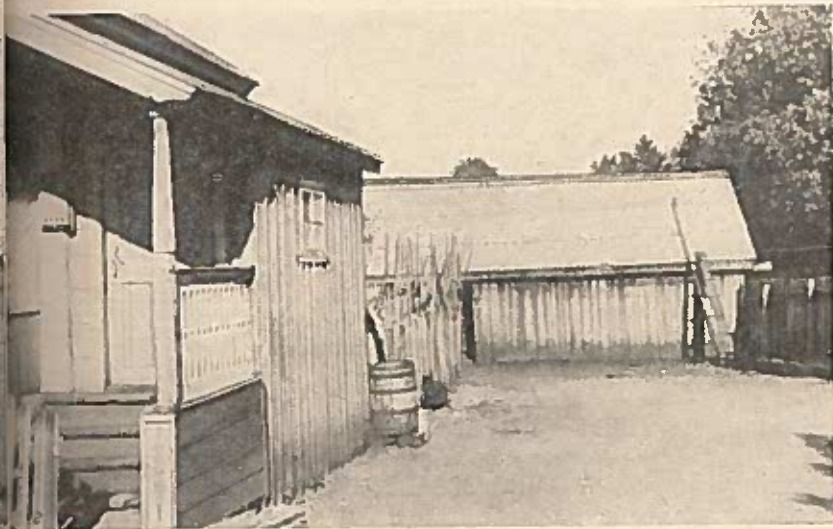
а — покоеобразная связь (дер. Дракино Инзенского р-на Ульяновской обл.);

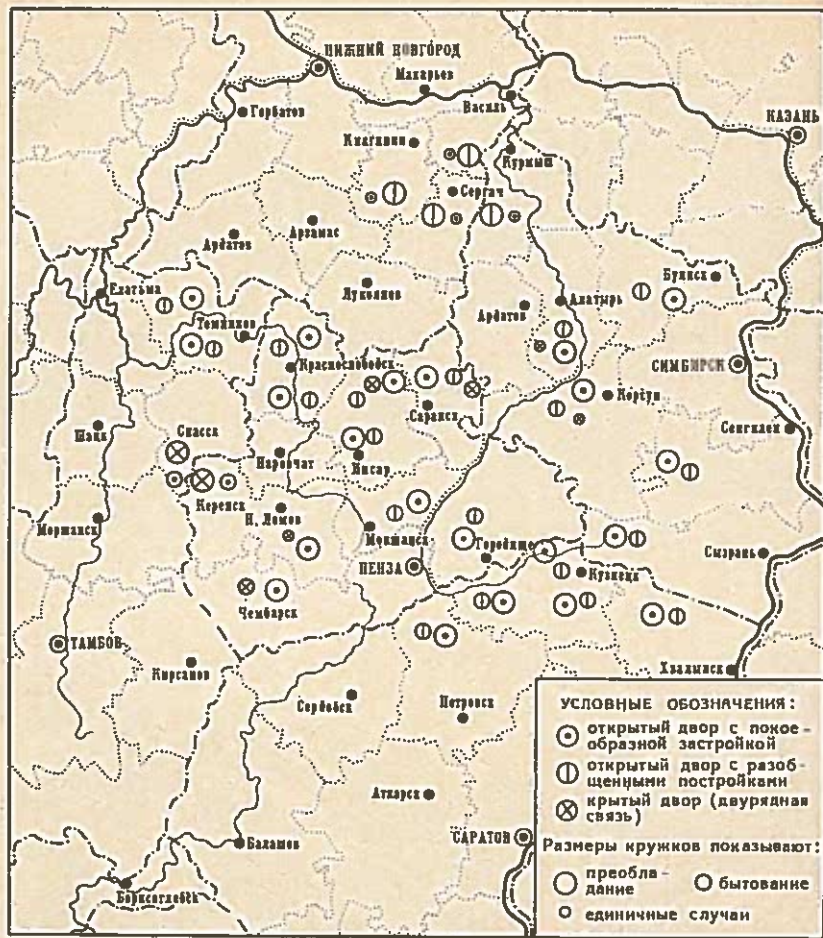
в — двурядная связь (дер. Сургоды Торбеевского р-на Мордовской АССР);

б — цокообразный двор уменьшенных размеров (дер. Индерка Сосновоборского р-на Пензенской обл.);

з — двор с разобитыми постройками (дер. Андреевка Сергачского р-на Горьковской обл.)

Карта распространения типов двора (конец XIX — нач. XX в.)

В целом же для татар-мишарей, так же как и для казанских татар, характерны открытые дворы. По статистическим данным санитарного врача А. Ф. Рудольфи, 95% татарских хозяйств Нижегородской губернии имеют открытые дворы, в то время как в 89% русских усадеб дворы закрытые. «Мордва в этом отношении идет в ногу с русскими»⁹, — пишет он.

По данным С. В. Глотова, в татаро-мишарской деревне Муравлейка (ныне в Краснооктябрьском районе Горьковской области) «сарай и конюшня отнесены на 5 саж. от избы, амбар — от 2 до 20 саж. Бани повсюду находятся на задах»¹⁰.

Закрытые дворы имели некоторое распространение лишь в татаро-мишарских селениях Зубово-Полянского, Торбеевского и отчасти Лямбирского районов Мордовской АССР, а также Вадинского и Беднодемьянского районов Пензенской области. В таких дворах хозяйственные постройки располагались параллельными и тесно примыкающими друг к другу рядами. Как дом, так и двор имели двускатные крыши. В этнографической литературе такая форма застройки двора называется «двурядная связь»¹¹. К. А. Соловьев такой тип двора называет «изба с боковым мокрым двором стропильного покрытия»¹². Обычно такой двор несколько отступает вглубь, имеет спереди калитку и ворота, которые ведут в крытый двор, окаймляющий избу с двух сторон и простирающийся в глубь усадьбы. Во двор также имеется ход из сеней. При данной планировке двора изба по отношению к улице чаще располагалась узкой стороной. В тех случаях, когда длинная сторона дома располагалась параллельно к улице (чаще в Зубово-Полянском районе), крытый двор примыкал к дому с задней стороны. Иногда крытый двор ставили на некотором расстоянии от дома, который на зиму перекрывали плоской крышей. Такая разновидность связи двора с жилищем, с одной стороны, очень близка к двурядной связи, с другой — к П-образной. Вероятно, она развилась в результате взаимодействия этих двух форм связей.

Техника сооружения двора и надворных построек при всех типах планировки очень проста. В формах и конструкциях крыш этих построек законсервированы старые элементы. Например, костровая крыша крытой части двора (*лат, пает*) держится на столбах с естественными раздвоениями на концах (на сохах). На клетях сохранена двускатная самцовая, а на банях костровая крыша. Материалом покрытия двора служила солома.

На усадьбах кулаткинской группы мишарей помещался алачык (см. далее), а иногда и баня. Чаще бани располагались на задней части усадьбы или близ водоемов — у реки, озера или пруда. Они представляли собою небольшой сруб, крытый четырехскатной костровой крышей. Строение имело пол и потолок; печь-каменка и полки располагались справа от входа. К срубам пристраивали предбанник из плетня или теса. Бани топились исключительно по-черному. Для освещения в одной из стен прорубали небольшое окошко.

Кроме указанных хозяйственных построек большим распространением пользовались постройки, которые служат для хранения имущества семьи от пожара. К таким постройкам относились негораемые кладовые, сделанные из доломитового камня, с железными дверьми, подвалы, засыпаемые снаружи землей, и «мазанки» с глиноплетневыми стенами. Эти постройки, как правило, располагались на улице перед домами, образуя отдельный ряд, тянувшийся вдоль всей улицы. Кроме хозяйственных целей, кладовые, подвалы, мазанки служили жильем для молодоженов (особенно летом). Подобные постройки, имевшиеся также у мордвы¹³, представляли древний элемент материальной культуры на территории Средней Волги.

Основным элементом на усадьбе является жилой дом. По используемым строительным материалам жилой дом татар-мишарей во второй половине XIX—начале XX в. был представлен двумя типами: срубным и глинобитным.

Наиболее древним и более распространенным являлся срубный тип жилища, представляющий продукт долгого исторического развития. Процесс формирования типа жилища мишарей, как и всей их культуры, довольно сложный. По всей вероятности, в нем имелось два начала. Прежде всего, жилище мишарей в его развитии следует связывать с полуземлянками, характерными в период средневековья как для финно-угров, живших в лесостепной полосе, так и тюркоязычных народов. Землянки и полуземлянки со срубом в крае имеют большую давность и известны еще в добулгарский период¹⁴. О жилищах периода Волжской Булгарии упоминают и восточные авторы. Так, Ибн-Дада, описывая поселения народов, живущих около волжских булгар, отмечал, что они на зиму поселяются в ямах, покрывая их крышами и засыпая сверху землей¹⁵.

На территории Среднего Поволжья остатки подобных жилищ обнаружены в раскопках селищ даже довольно позднего времени¹⁶. В значении хозяйственных построек полуназемные подвалы, служащие помещением для хранения домашнего имущества, продовольствия, сохранились вплоть до последнего времени.

Однако, как показывают наши материалы, полуземлянка в древности была не единственным видом жилища у тюркских народов Среднего Поволжья. Наряду с ней существовало летнее наземное жилище типа *балагана* (*алачык*), распространенное у многих тюркских племен в период, когда они вели полукочевой образ жизни. В преданиях и в фольклоре мишарей «алачык» предстает как жилище. В наиболее ранней форме он, очевидно, представлял подобие лубяного балагана алтайских тюрков, баш

кир. «Қабык алачығым, туз тубалым үз яргынам булса иде» («алачык мой из луба, лукошко из бересты, была бы еще и любимая»), — поется в одной песне, которую мы записали в Старо-Кулаткинском районе Ульяновской области.

Во второй половине XIX—начале XX в. *алачык* мишарей представлял собой срубное или саманное строение четырехугольного плана с глинобитной печью и очагом. Он имел дверь, волоковое окно, потолок, двускатную крышу. К настоящему времени *алачык* сохранился лишь у кулаткинской группы мишарей, как постройка, которая служит для приготовления пищи летом и для содержания молодняка зимой. У других групп мишарей, так же как и у казанских татар, термином *алачык* называют кузницу (*тимерче алачыгы*), временное жилье охранника (*каравылчы алачыгы*).

Хозяйственные постройки:

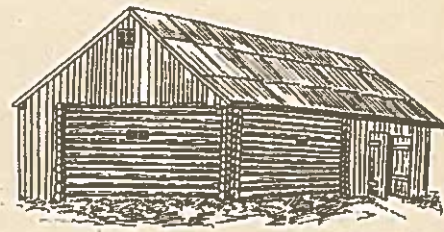
а — клеть

б — баня

в — подвал

г — сарай

Как известно, *алачык* в качестве временного жилья широко был распространен у башкир, а также известен киргизам и другим тюркским народам. Но в отличие от этих народов, которые использовали *алачык* в качестве временного жилья, мишари применяли это сооружение и для хозяйственных нужд. В этом отношении *алачык* у мишарей схож с чувашским «лась», представляющим прототип чувашского жилища.

По нашему мнению, *алачык* представляет собой древний элемент материальной культуры татар-мишарей. На территории Средней Волги это первобытное жилье тюркских племен подверглось значительному развитию. Причем, здесь параллельно шло развитие *алачык* и полуземлянок. С усовершенствованием жилищного строительства, т. е. с возникновением утепленных наземных домов, необходимость в старых жилищах отпала, и они превратились в хозяйственное помещение. У других же тюркоязычных народов, сохранивших полукочевой образ жизни до конца XIX — начала XX в., *алачык* сохранился как временное жилье.

Однако окончательное формирование жилого дома (*ызба*) у татар-мишарей произошло под влиянием русской культуры. Это хорошо заметно в отдельных конструкциях, в их названиях и в строительной технике.

Срубные дома рубили из цельных бревен, очистив их от коры. Лишь внутренние стороны бревен слегка отесывались топором. Наиболее распространенным был способ рубки сруба «в угол» (*уголга*). Несколько отступя от конца бревна, на его верхней (а позже, с начала XX в. — и на нижней) поверхности вырубалось полукруглое углубление, куда укладывался конец другого бревна. Сопряжение бревен «в лапу», «в крюк» применялось очень редко. Сруб в высоту состоял в среднем из 14—16 венцов. В верхние бревна сруба врубали матицу (*матица*), служащую опорой для потолка. Потолок настилали из досок и сверху засыпали листьями, а затем землей.

Рубку производили в три сруба: сначала вблизи отведенного для дома места рубили нижнюю часть сруба (до окон), рядом с нижней — среднюю (с оконными проемами) и, наконец, верхнюю часть. Затем все три сруба собирались вместе. После некоторой просушки приступали к поднятию сруба (*ызба кутару*).

Венцы сруба клали непосредственно на землю. Еще до сих пор встречаются старые избы, где переводы врублены на первом же венце сруба. С конца XIX в. под углы сруба начали ставить «стулья» из бутового камня или осмоленного дерева, закапываемые в землю. Промежутки между нижними венцами и землей

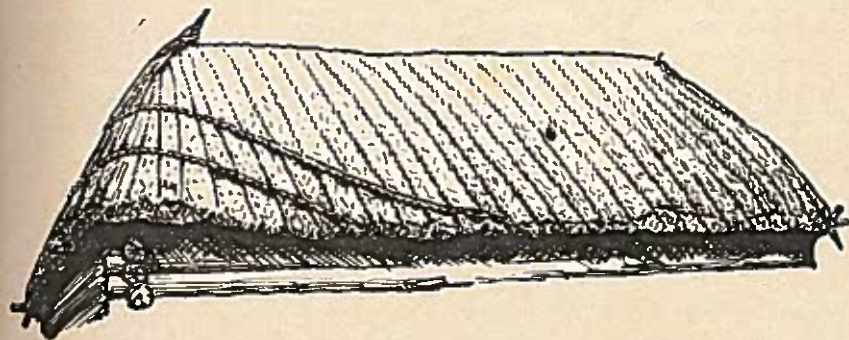
закладывали кусками бревен. Только у мишарей сергачской, лямбирской и керенской групп значительно дольше сохранилась традиция ставить сруб непосредственно на землю, у них и земляные полы бытовали гораздо дольше. В целом же во второй половине XIX в. повсеместно полы делали из досок.

Под полом выкапывали яму размером 2,0 × 2,0 м и глубиной 1,5 м для хранения картофеля. В полу, обычно около печи, выпиливали квадратное отверстие — лаз (*пол асты*).

Конструкция крыши, начиная со второй половины XIX в., была исключительно стропильной — двускатной или шатровой. Стропила врубались параллельно матице в верхние венцы сруба. На эти стропила горизонтально нашивались следи. При покрытии соломой на следи клали еще «обрешетку» из хвороста.

Наиболее распространенным материалом для крыш служила солома. Так, в 1877 г. в Тамбовской губернии было крыто соломой — 93,7%, деревом — 6,1%, железом — 0,24% домов, в Пензенской губернии соответственно — 93,8%, 6,1% и 0,07%¹⁷.

Имели место два способа покрытия домов соломой: 1) «в щетку», когда крышу покрывали рядами обмолоченных снопов, иногда смоченных в растворе глины; 2) «в натруску», когда разбросанную солому укрепляли сверху попарно связанными жердями, перекинутыми через конек крыши, или же соломенными веревками (*аркан*). Последние привязывали к укрепленным вдоль нижнего края крыши жердям и, перекинув через конек крыши, прикрепляли на другой стороне. Короткие скаты четырехскатной крыши также укрепляли арканами. Для этого на конек крыши втыкали жердь (*эшеш*), через которую перебра-

Вязка крыши соломенными арканами (С. П. Толстов. Нацменьы ЦПО. М., 1928)

сывали эти веревки, укрепляя их на обоих концах боковой жерди короткого ската крыши. Кроме этого, для большей прочности через короткие скаты наноскоь пропускали еще по два соломенных аркана, концы которых завязывали также за жердь, укрепленную у краев крыши. Этот специфический для мишарей способ укрепления соломенной крыши, напоминающий способ вязки кочевой юрты киргизов волосяными арканами, С. П. Толстов рассматривает как своеобразный пережиток навыков кочевого быта¹⁸.

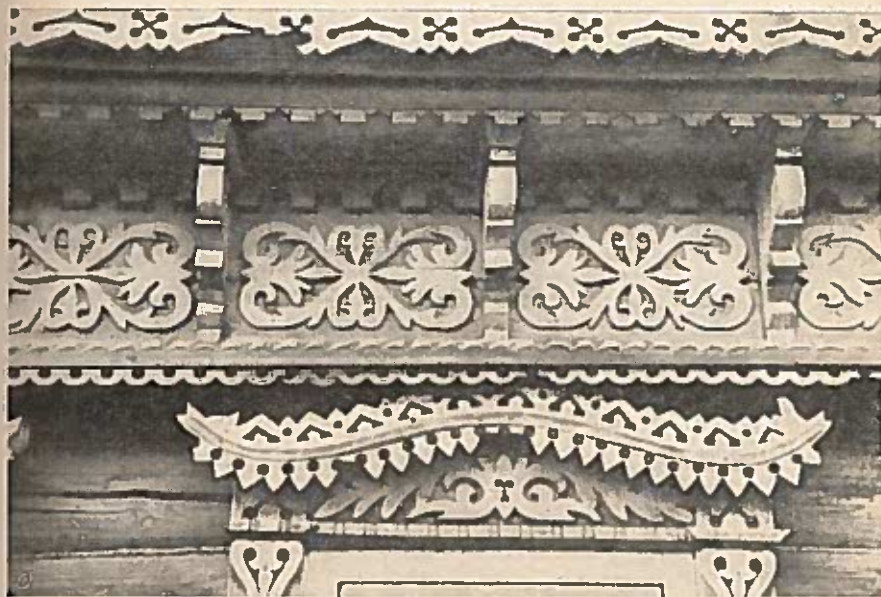
Закончив основные работы, приступали к внутренней и внешней отделке дома: устанавливали оконные и дверные переплеты, навешивали двери, вставляли окна, снаружи края оконных проемов облицовывали наличниками, фронтоны крыши зашивали тесом, на верхней части фронтона прорезали слуховое окно; по краям крыши прибивали тесовые причелины¹⁹. В месте перехода от стены сруба к фронтоны делали тесовый карниз с небольшим сливом.

Со второй половины XIX в. у мишарей Среднего Поволжья, в особенности в безлесных районах, широкое распространение получило строительство саманных и глинолитных домов (литух). В таких селениях Лямбирского района, как Аксеново, Татарская Тавла, где имеются природные запасы строительного материала (глина), глинолитные дома в скором времени стали преобладающим типом построек. Строительная техника такого дома довольно проста. На фундамент, сложенный из камня на глиняном растворе, по периметру стен устанавливали скользящую опалубку, которая удерживалась в вертикальном положении с помощью временных распорок, снимаемых по мере заполнения стен глинолитом²⁰.

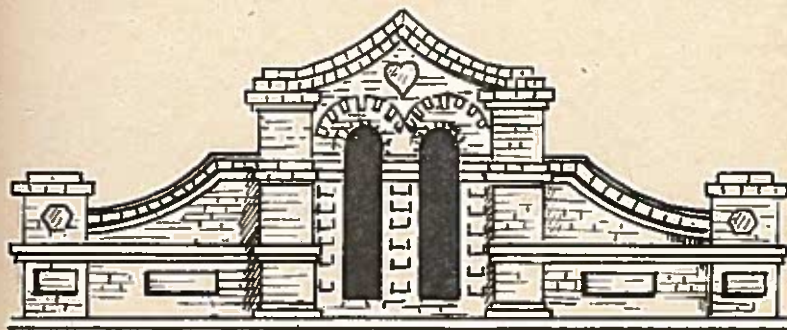
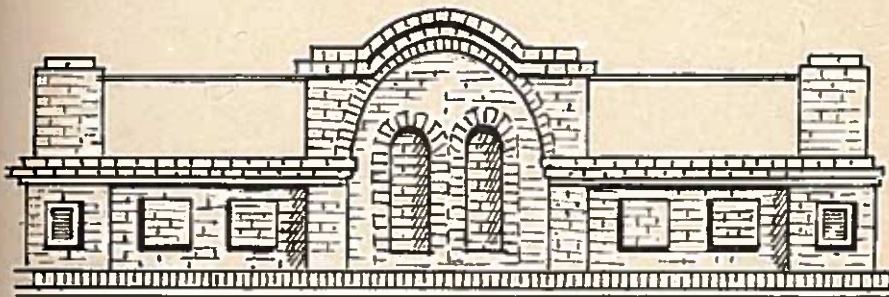
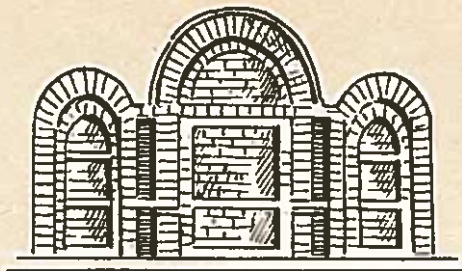
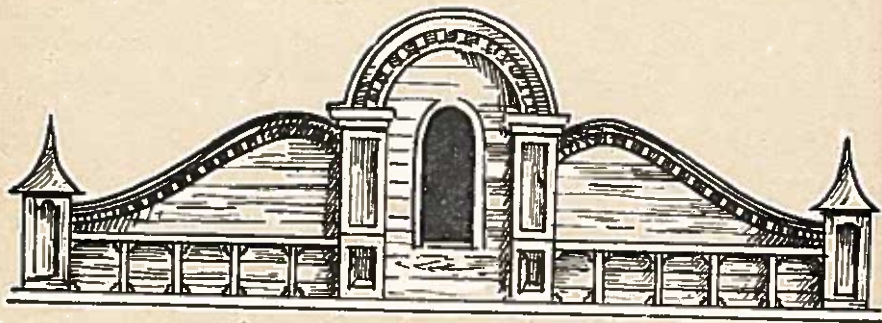
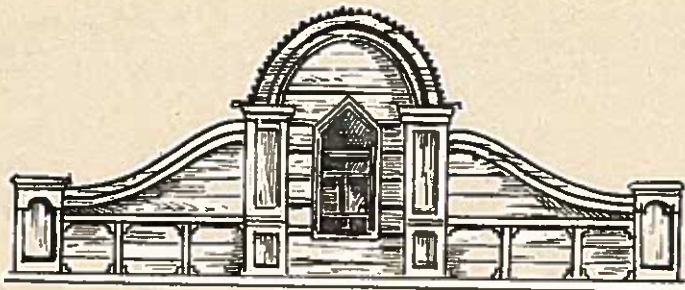
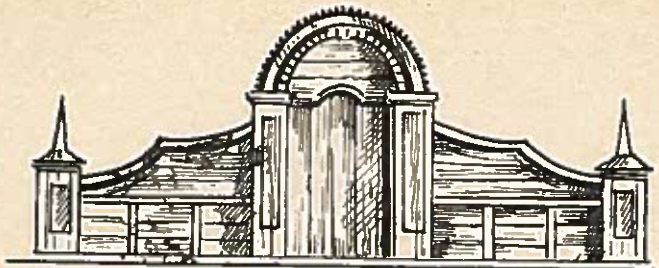
Высота стен делалась с расчетом осадки глинолита. По истечении времени, достаточного для осадки, стены затирали глинопесочным раствором и белили с обеих сторон известью.

При возведении коробки такого дома требовалось много людей, и в таких случаях прибегали к помочи (*өмә*), в которых участвовало до 50 человек (родных и односельчан).

В конце XIX — начале XX в. при строительстве дома окна обычно прорубались в двух стенах (в передней и боковой — во двор). Встречались следующие варианты расположения окон: 1) в передней стене два окна, в боковой — одно; 2) в передней — два и в боковой — два; 3) в передней — три, а в боковой — одно; 4) в передней — три, а в боковой — два окна; 5) в передней — одно (с края) и в боковой — два или три (в домах сергачской группы мишарей).

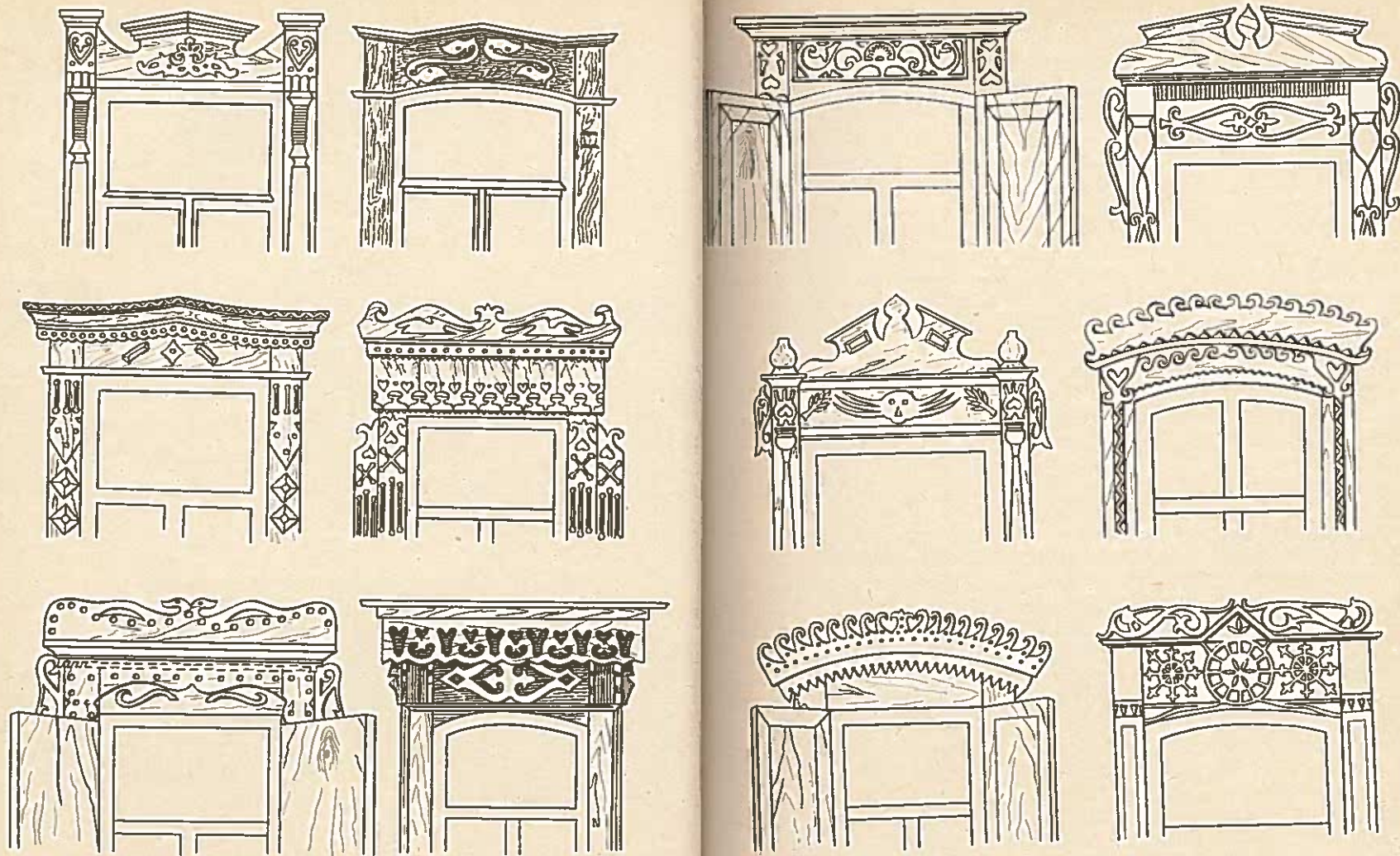

Декоративное оформление домов
(дер. Андреевка Сергачского р-на Горьковской обл.)

Элементы архитектуры на срубных домах и кирпичных постройках (конец

XIX — нач. XX в.) дер. Азеево Ермешинского р-на Рязанской обл.

Резьба на наличниках окон (дер. Дракино Инзенского р-на Ульяновской обл.)

Окна были небольшие; даже в домах зажиточных хозяев они редко превышали 1 м в высоту и 70 см в ширину. Зимних рам во многих избах не делали; на зиму часть окон закрывали соломёнными матами. Примерно до середины XIX в. или даже несколько позже окна затягивали пузырем животного (*карындык*). Поэтому до настоящего времени мишари старшего поколения термин «карындык» иногда употребляют для обозначения стекла. Например, вместо «вставить стекло» — говорят: «карындык кую».

Для периода конца XIX — начала XX в. в целом характерно улучшение внешнего оформления домов. У татар-мишарей бывш. Нижегородской и, в частности, Тамбовской губерний некоторое распространение получили дома с мезонином. Особенно следует отметить широкое применение резных, прежде всего пропиленных, украшений.

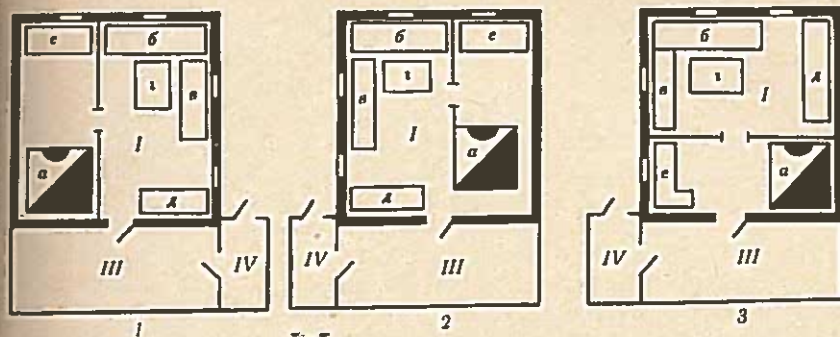
Имеет место два вида пропиленной резьбы: 1) пропиленная рельефная или контурная резьба и 2) плоская пропиловка. Первый вид является как бы переходным от барельефной к плоской пропиленной резьбе — нашитые на плоскость выпиленные мотивы орнамента образуют рельефный узор. Контурной резьбой больше украшались обрамления фронтовых карнизов и наличники окон.

Особенный эффект внешнему оформлению домов придает плоская пропиловка, которая дает возможность резчику создать ажурную резьбу. Для этого на доску, по трафарету, наносится рисунок. Затем на определенных местах рисунка просверливаются отверстия и, установив в эти отверстия ножовку, производится выпиливание узора. Выпиленные узоры нашиваются на плоскую основу или же оставляются сквозными. Ажурной резьбой украшали фронтоны, карнизы, наличники и другие элементы фасадной части дома.

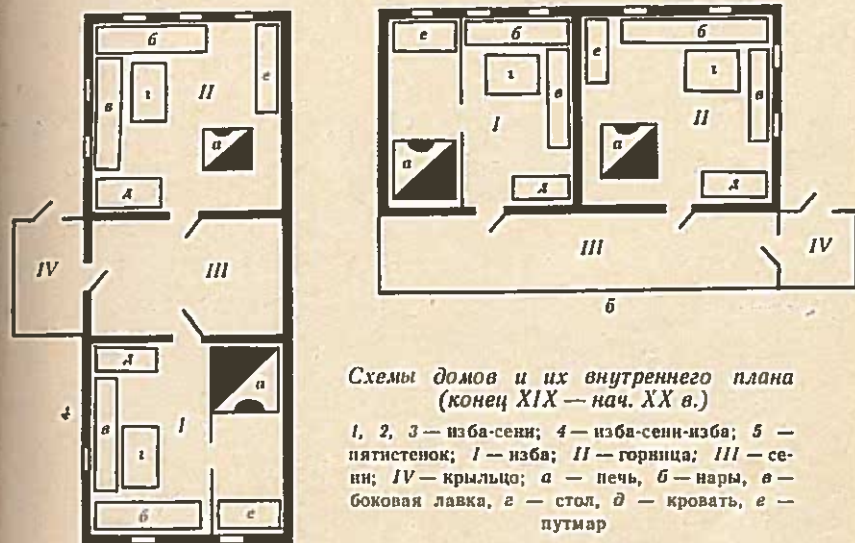
В орнаменте резных украшений по дереву прослеживаются как геометрические, так и растительные мотивы. Так, в контурной резьбе, пожалуй, преобладают геометрические мотивы: квадрат, прямоугольник, треугольник, ромб, круг, полукруг, а в плоской пропиловке — кривые линии, спирали, полуспираль, из которых составляются веточки, усики и листочки. На карнизных плоскостях, в обрамлении верхней части наличников окон более часто встречаются мотивы трилистника, колокольчиков. Широко распространено в резьбе по дереву изображение сердца.

Наряду с резными украшениями в декоративном оформлении домов определенную роль играют обшивка и раскраска. Художественная обшивка особенно характерна для декора современ-

У л а н а

У л и в а

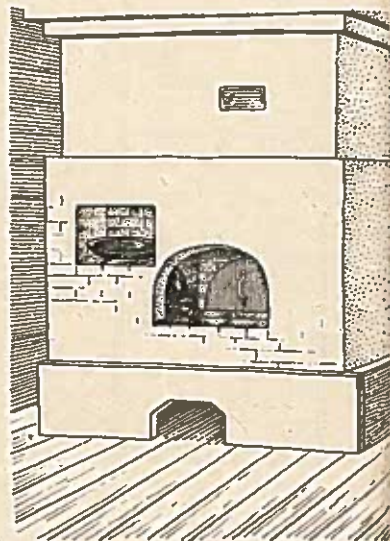
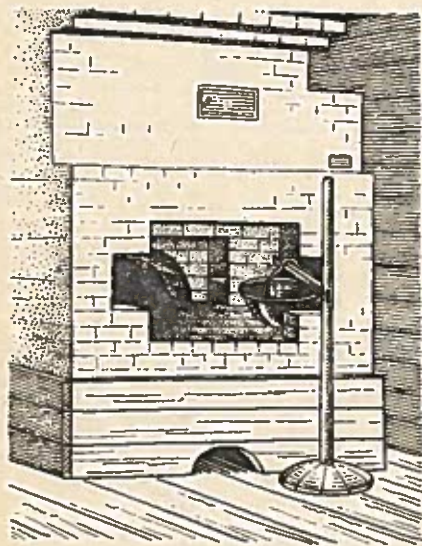
Схемы домов и их внутреннего плана (конец XIX — нач. XX в.)

1, 2, 3 — изба-сени; 4 — изба-сени-изба; 5 — пятистенок; I — изба; II — горница; III — сени; IV — крыльцо; а — печь, б — нары, в — боковая лавка, е — стол, д — кровать, е — путмар

ных домов колхозников. В «елочку» или в виде мозаики, короткими дощечками обшиваются фронтовая плоскость, углы или целиком весь фасад дома. Раскрашиваются наличники окон, карнизы и даже фронтоны. Наиболее часто употребляются для этого цвета: голубой, зеленый и белый. В декоративном оформлении домов нередко сочетается резьба с раскраской.

Наиболее распространенным жилищем у татар-мишарей в второй половине XIX — начале XX в. была двухкамерная постройка типа изба-сени, представляющая результат дальнейшего развития однокамерного жилища. Размеры дома зависели от состоятельности хозяев и в среднем составляли от 20 до 36 м².

Трехкамерное жилище — изба-сени-изба (*кара-каршы изба*) исторически развилось также из древнего однокамерного. Такой тип избы, по сравнению с двухкамерным, гораздо лучше удовлетворял потребности больших семей. Поэтому до самого начала XX в. трехкамерные дома имели значительное распространение. Но по мере усиления процесса разложения больших семей необходимость в них отпадала и они постепенно вытеснялись новыми типами. Так, в середине XIX в. у богатых крестьян появляется заимствованный от русских пятнистый тип дома, объединяющий в одном срубе две половины жилого помещения. Однако этот тип жилища в дореволюционный период не имел большого распространения. У основной массы крестьян преобладала изба с холодными сенями.

Печи, комбинированные с очагом и приспособленным к нему котлом

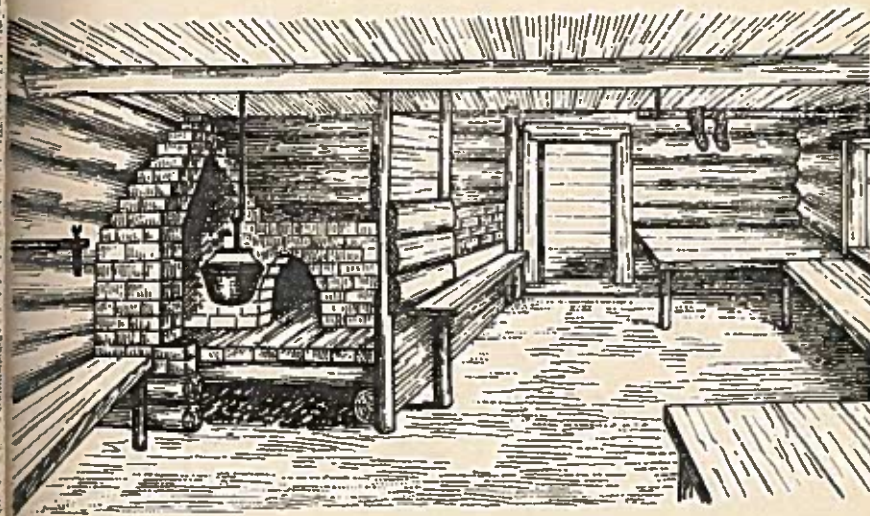
а — печь, к очагу которой пристроен подвесной котел (дер. Нов. Мочален Красносельского р-на Горьковской обл.); б — печь с очагом и вмазанным над ним котлом (дер. Демино Неверкинского р-на Пензенской обл.)

Во внутренней планировке жилища мишарей, как и у других народов, важным элементом является печь. До середины XIX столетия значительное распространение имели глинобитные печи с топкой по-черному. Среди отдельных групп мишарей, в частности у сергачской, лямбирской, карсунской «черные избы» сохранялись вплоть до конца XIX в.

Мишарская печь конца XIX — начала XX в. внешне напоминала русскую. Но, в отличие от последней, она комбинировалась с очагом, к которому пристраивался котел.

У мишарей бытовали два способа приспособления котла к очагу: 1) путем вмазывания и 2) путем подвешивания. Первый способ распространен был у хвалынских, кузнецких, карсунских и буинских мишарей, а второй — у сергачских. Подобное отличие в материальной культуре указанных групп, возможно, объясняется различиями традиций древних племенных группировок, участвовавших в этногенезе мишарей.

Небезынтересно заметить, что у темниковских татар-мишарей бытовала типичная русская печь. Имея более тесные контак-

Интерьер курной избы в дер. Аткурово Сергачского уезда Нижегородской губернии (С. П. Толстов. Нацмены ЦПО. М., 1928)

ты с русскими, они заимствовали у последних печь и способы приготовления в ней пищи (в чугунах). Роль котла у них сведена до минимума, он использовался лишь при жарении таких изделий, как *чигелдэк*, *катлама*. При этом котел ставился на таган.

Кроме большой хлебной печи мишари устраивали небольшие подтопки, присоединенные дымоходом к тяге печи.

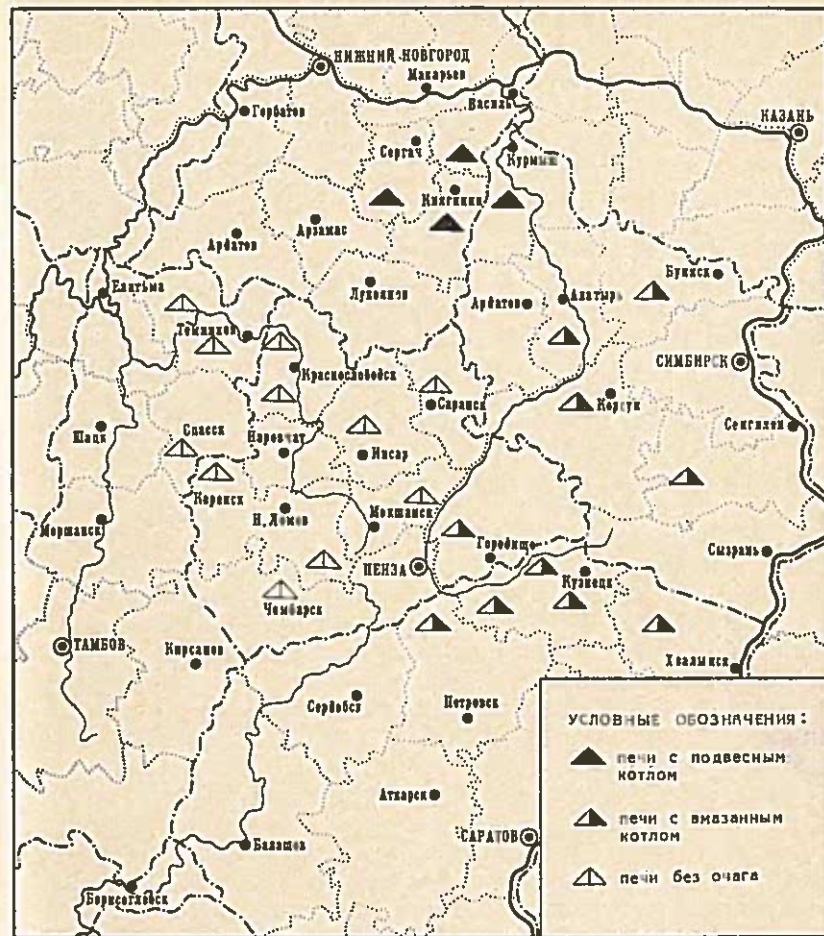
Для отопления чистых полов устраивали голландки.

Во второй половине XIX в. в зависимости от расположения печи и ориентации ее чеда имели место следующие типы внутренней планировки избы у мишарей исследуемой территории.

В наиболее старых домах, особенно в домах, топящихся по-черному, продолжал бытовать древний тип планировки, когда печь, устьем обращенную к двери, ставили в одном из углов около передней стены. Вдоль этой же глухой передней стены, рядом с печью, устраивали широкие нары (*тур*), а вдоль боковой стены узкую лавку (*ямурдык*). У стыка нар и лавки ставили стол. Такая изба освещалась одним или двумя маленькими окошечками, прорубленными в боковой стене. На противоположной боковой стене, около устья печи, прорезали небольшое дымовое отверстие (*төндөк*)²¹, которое закрывали чуркой или тряпкой.

Планировка с подобным расположением печи была характерна в прошлом и для мордовской избы²². Происхождение ее связывается с устройством древних полуземлянок, в которые свет проникал только через дверь²³. Но в отличие от мордовских изб, у которых красный угол при этом находился около двери, по диагонали от печи, почетное место (*тур*) в мишарских избах находилось у передней стены, т. е. против входа. В этом отношении планировка мишарской избы не отличается от планировки жилища тюркоязычных народов. Нары, расположенные на этом месте и получившие одноименное название *тур*, также увеличивают сходство в планировке жилищ мишарей и казанских татар, башкир, чувашей и других тюркоязычных народов.

Наряду с вышеописанной, фактически отжившей, планировкой избы развивалась другая, особенностью которой является расположение печи в одном из углов задней стены. Во второй половине XIX — начале XX в. она стала преобладающей. Эта планировка имела два варианта: 1) когда устье печи обращено к передней стене и 2) когда печь повернута устьем к боковой стене. В том и в другом варианте часть избы, находящуюся против устья печи, отделяли как кухонную часть, называвшуюся

Карта распространения типов печей по способу приспособления котла
(В легенде ошибочно указано «очага» вместо «котла»)

казна²⁴, *кече урдык* или *чолан*. В жилищах с подобной планировкой нары (*тур* или *тур урдык*), как и в первом типе, устраивали вдоль передней стены. В результате перемещения печи в задний угол эти нары стали удлинять вдоль всей передней стены. Но название «*тур*» не распространялось на часть нар, которая находилась против устья печи. Этим термином называли, как и

при старом типе планировки, только ту часть нар, которая находилась против входа. А дальний конец, находившийся против устья печи, называли *путмар*. Путмар обшивали с боков досками, в настиле приделывали крышку и создавали таким образом удобное местечко для хранения различной утвари. У других тюркских народов подобного элемента материальной культуры не обнаруживается. Несомненно, что мишари заимствовали ее вместе с названием от мордвы, у которой подобные нары имели широкое бытование²⁵.

С появлением изб с топкой «по-белому» во внутренней планировке жилища мишарей произошли значительные изменения: появились полаты (*пулат*), что в свою очередь привело к исчезновению нары. У задней стены в противоположной от устья печи стороне ставили деревянную кровать *коник*.

В результате планировка и обстановка жилища мишарей сблизились с русской.

Одна из частей двух- и трехкамерных домов выполняла функцию чистой избы. Называлась *гуренча* (от русского — «гора», «гора»), отапливалась иногда голландкой.

В отличие от жилищ других народов края, в частности мордвы и русских, в убранстве мишарских изб очень большое значение имели матерчатые декоративные украшения — *цебелде*, *чаршау* (занавеси около спальных мест), полотенца с ткаными узорами, развешиваемые в простенках между окнами, и подзор (*кашага*) вдоль матицы. В этом отношении изба мишарей напоминает жилища других тюркских народов, в частности казахов, татар, башкир.

Заканчивая характеристику внутреннего убранства крестьянских жилищ мишарей конца XIX — начала XX в., отметим, что оно определялось не только традиционными навыками, но и экономическими возможностями семьи. Зажиточные семьи в деревне больше обзаводились подвижной мебелью городского образца, а бедные из-за недостатка средств и тесноты жилой площади вынуждены были обходиться примитивной обстановкой. Теснота жилого помещения особенно чувствовалась зимой, когда изба превращалась отчасти и в хозяйственное помещение. Здесь прядли, ткали, плели лапти, чинили сбрую и т. д. Кроме того, в сильные морозы в избе содержали молодняк домашних животных (телят, поросят и ягнят). Все это создавало антисанитарное состояние жилища, особенно у лямбирских мишарей, испытывавших большие трудности при строительстве дома из-за отсутствия леса. По свидетельству информаторов, у мишарей этой группы, как правило, не было принято мытьё полов во избежание гниения досок

и лишь соскабливали лопатой. Возможно, что эта деталь в какой-то степени и отражает древнюю традицию лямбирских мишарей, в жилищах которых значительно дольше, чем у темниковской группы, сохранялись земляные полы, но в период развития капитализма она уже, конечно, объясняется больше социальными причинами.

* * *

Социалистическая перестройка хозяйства породила новые тенденции в развитии сельских поселений, а также крестьянских жилищ. В послевоенный период происходит процесс формирования крупных населенных пунктов, в которых концентрируется сельское население. Заметно изменился и облик села. В деревне, кроме жилой зоны, которая состояла из индивидуальных усадеб с жилыми и хозяйственными постройками личного пользования, образовалась, неизвестная дореволюционной деревне, зона общественных производственных построек, состоящая из ферм, амбаров, гаражей для машин, ремонтных мастерских и т. д.

Благодаря культурной революции в деревне строились здания школ, клубов, изб-читален, больниц. В послевоенный период, особенно после укрупнения колхозов, наметился новый этап в развитии сельских поселений. Направленность его определена программой КПСС, предусматривающей ликвидацию культурно-хозяйственных различий между городом и деревней. Предпринимаются меры по снесению мелких поселков, определяется перспектива укрупнения больших и средних. Для некоторых перспективных селений составлены генеральные планы их развития.

Рост культурного и материального уровня сельских тружеников, тесное общение с городом создали у населения потребность в домах с улучшенной планировкой. Широкое распространение получили дома с «прирубом». «Прируб» по площади редко уступает основному срубам. Он выполняет роль кухни и столовой, основной сруб — гостиной и спальни. В последние годы к дому с «прирубом» начали пристраивать дополнительный «придел» для расширения полезной площади жилища — необходимостью комбинирования различного назначения. Интерьеры жилищ обновлены почти полностью новой фабричной мебелью — столами, стульями, шкафами, диванами, буфетами. Характерным стало наличие в каждом доме приемника и телевизора. В последние годы

Типы домов:

а, б — дер. Петраксы Пильского р-на Горьковской обл.;

*в — дер. Черемышево Лямбирского р-на Мордовской АССР; г — дер. Дракино
Ишанского р-на Ульяновской обл.*

активно входят в быт тружеников деревни и такие новые предметы быта, как стиральные машины, холодильники.

В процессе обновления жилищ и хозяйственных построек происходят изменения в планировке двора и усадьбы в целом. Так, за счет уменьшения состава и размеров хозяйственных построек заметно увеличивается свободная от застроек часть двора, которая в дальнейшем очень рационально используется для зеленых насаждений, особенно фруктовых деревьев и других родных культур. Как показывают материалы экспедиций последних лет, сады имеются в преобладающем большинстве хозяйств.

Одновременно с новыми чертами в планировке двора замечено сохранение положительных традиций народа (у сергачских татар-мишарей, например, возведение помещений для скота и хозяйственных построек на значительном отдалении от дома).

Одежда

Из всех элементов материальной культуры татар-мишарей второй половине XIX в. одежда больше всего сохранила свои старые черты, отличающие мишарей от других народов и даже от других этнографических групп татар Поволжья. Прежде всего это относится к женской одежде, которая вплоть до последних лет не теряла известных локальных особенностей. Поэтический анализ элементов одежды, особенно женской, дает ценный материал для этнической истории татар-мишарей. Однако она также, как и другие элементы материальной культуры народа, в процессе развития подвергалась постепенному изменению. Это относится прежде всего к материалу для пошива одежды. До середины XIX в. основная масса трудящихся татар-мишарей еще шила одежду почти исключительно из холста собственного изготовления; в качестве тканей использовалось сукно (*тула*) серого и темного цвета. Фабричные ткани, если в какой-то степени и употреблялись в деревне в этот период, то лишь для нашивок, ластовиц и вытеснялись новой женской рубахи.

Во второй половине XIX в. в татаро-мишарскую деревню начинают более активно проникать фабричные ткани. Выбор их зависел прежде всего от материальных возможностей семьи. Если крестьяне средней зажиточности были в состоянии покупать самые дешевые ткани (ситец, в лучшем случае — сатин),

старились приобретать шерстяные, шелковые ткани, в том числе и восточные (эдрэс, бикасаб).

Для пошива зимней одежды, а также ее отделки использовались овчина и мех лисы, выдры.

При отделке одежды, главным образом женской, применялись также разноцветные ленты, тесемки, шнуры, позумент. Для изготовления обуви в крестьянских семьях продолжали использовать кожу домашнего производства, овечью шерсть и, особенно, лыко.

* * *

Основной частью мужской одежды татар-мишарей, как и казанских татар, являлась широкая и длинная до колен рубаха (*кулмак*) и штаны с широким шагом (*ыштан*).

По принципу кройки традиционный *кулмак* мишарей не отличался от рубах других тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья и представлял собой рубашку туникообразного покроя. Такие рубахи шили цельными от плеч до подола, с вставками по бокам клиньями. Рукава пришивали непосредственно к центральному полот-

нищу; под рукавом в прорезь боковых полотнищ вшивали треугольные ластовицы (*киш-мак*). На груди делали прямой разрез (*кунчек*) без приполка. Стоячий ворот (у сергачских мишарей — часто отложной) застегивался одной пуговкой или завязывался тесемкой.

Такой тип рубахи был характерен для всех групп мишарей и для всех возрастов. Рубахи шили более свободными и длинными). С внедрением фабричных тканей туникообразный покрой вытеснялся современным. Но в оформлении ворот и грудного разреза еще значительное время продолжали сохраняться старые традиции, как, например, отсутствие приполка.

Татары-мишари Симбирской губернии («Живописная Россия», т. VIII, ч. 1. СПб., 1901)

Штаны, как мужские, так и женские, кроили в виде двустанин (*балак*) из одной точки ткани с вшитыми клиньями. Штанины делали до щиколоток; между ними вставляли перепнутый поперек прямоугольный кусок ткани, в результате чего шаг получался свободным. Верхний край штанов закладывали широким рубцом и в него продевали тесемку (*ычкыр*). При помощи *ычкыр* штаны укреплялись на бедрах. Штаны данного типа (с «широким шагом»), аналогичные казанско-татарским, один из вариантов, бытовавших среди тюркоязычных народов.

В конце XIX — начале XX в. у татар-мишарей был распространен и другой тип мужских штанов — *чалбар*, для которого характерно отсутствие «широкого шага». Чалбар шился чаще фабричного материала темного цвета и представлял элемент верхней поясной одежды.

Верхняя одежда мужчин по покрою может быть разделена на 2 типа: 1) одежда с приталенной спинкой и 2) одежда с прямой спинкой.

К первому типу прежде всего следует отнести традиционные *зыбын*. Его шили исключительно из сукна домашнего производства на подкладке, длиной ниже колен; воротник *зыбына* низкий стоячий. Запахивался он на правую полу и застегивался на горло. Заметим, что суконная одежда под тем же названием бытовала у бесермян²⁶. К этому же типу одежды относится *бишмат* получивший распространение среди татар-мишарей во второй половине XIX в. Он шился на вате, из фабричной материи темного цвета и по форме совпадал с *бишмат* казанских татар. К концу XIX в. *бишмат* почти полностью вытеснил *зыбын*.

Из зимней одежды к первому типу может быть отнесена *ба*, называемая *оч бөверле тун*. Она шилась из овчины красной дубки, имела цельную приталенную, с тремя глубокими выкатами спинку.

Шуба представляет очень древний и основной вид одежды тюркских народов. Небезынтересно заметить, что термин *тун* в лексике некоторых групп татар-мишарей имеет широкое понятие. Например, сергачские мишари этим термином называют также и *бишмат*, в отличие от которого овчинную шубу они называли *тире тун*.

К первому же типу верхней одежды мужчин могут быть отнесены сены камзол и казакин, чаще с короткими до локтя рукавами. Они были характерны и для казанских татар и описаны Н. И. Воробьевым²⁷.

Ко второму типу верхней одежды следует отнести прямую спинную шубу (*туры тун*). Иногда ее покрывали черным сукном

или шевиотом, но в целом преобладали непокрытые шубы (из овчины красной дубки); стоячий ворот и борта иногда обшивались мехом бобра или куницы. Запахивались они, как и всякая распашная одежда, на левый борт и застегивались под горло посредством обшитых кожей пуговиц и пришитых кожаных петель (*тун бавы*).

К этому же типу верхней одежды относится прямоспинный тулуп из дубленых овчин с большим отложным воротником, а также широкий и длинный распашной *чапан*, сшитый из домашнего сукна, наподобие тулупа с прямой спинкой и большим воротником. Чапан, как и тулуп, по покрою был идентичным с одеждой других народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Основными элементами женской одежды, так же как и мужской, являлись рубаха и штаны. Наиболее древний тип женской рубахи по принципу кройки был идентичен мужской, т. е. имел туникообразную форму. Основное полотнище ее перекиннуто через спинку на грудь с вырезом по овалу шеи, середине которого имеется прямой грудной разрез. К основному полотнищу перпендикулярно пришиты прямые рукава с ластовицами и боковые полотнища, расширяющиеся книзу. Женские рубахи шили длинными и к подолу пришивали узкий волан, материалом служили: холст, пестрядь, а в конце XIX в. чаще ситец или сатин, реже шелковые ткани. Имеются некоторые данные о бытовании в прошлом у татар-мишарей вышитых женских рубах из белого холста. Так, Георгий писал, что татарки, живущие по реке Чекремшан, ходят «в белых или крашеных, по большей части узорчатых вышитых рубахах»²⁸. Единичные образцы туникообразных вышитых женских рубах сохранились лишь в музеях. Так, экземпляр такой рубахи, принадлежавший мишарям (д. Азеево Рязанской губернии), имеется в Московском областном краеведческом музее. Среди коллекций Музея этнографии народов СССР²⁹ также имеется вышитая мишарская женская рубаха туникообразного покроя из белого домотканого холста. Заметим, что эта рубаха имеет большое сходство с женскими рубахами чувашей-анатри³⁰. Сходство прежде всего наблюдается в покрое (к основной точке пришиваются прямые рукава с ластовицами и скошенные боковые полотнища). Кроме покроя, большое сходство обнаруживается также в таких весьма существенных деталях рубах, как оттенение продольных швов, соединяющих центральное полотнище с боковыми, лентой красной материи; как и чувашские, мишарские рубахи вдоль грудного разреза, у плеча и у обшлага рукавов имели вышивку.

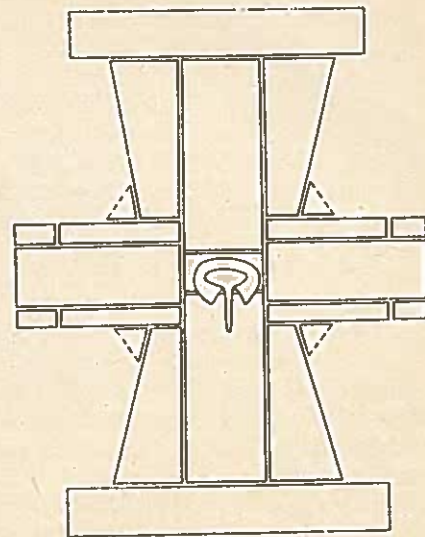

Женские рубахи: юле кулмэк и цытырмалы кулмэк (колл. Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника)

О территории распространения таких рубах судить трудно. Только заметные сохранившиеся о них сведения ведут нас к «ц-окаю» мишарям.

Во второй половине XIX в. у этих мишарей особенно у сергачской группировки все еще имели широкое распространение женские рубахи кумачными нашивками вдоль швов, на разрезах, на рукавах и по подолу. Так, по данным Ш. Мажани, симбирские мишары также «носили холщовые рубашки, отороченные швам полоской кумача палец шириной, с пришитыми к рукавам и плечам камн красного и зеленого шелка»³¹. Один из вариантов такого типа рубах сергачских мишарей носился юле кулмэк или тюрк кулмэк. Как показывает название, юле (или тюрк кулмэк) шился из разных тканей. Здесь соблюдается сочетание только домотканого и фабричного материалов, но разнообразных (по цветам и узору) тканей домашнего производства (холщового крашенина и пестряди). В целом имеющая признаки туникообразного покрой юле кулмэк обнаруживает некоторые особенно обусловленные материалами из разного цвета и качества

отличие от вышеописанных туникообразных рубах, центральное полотнище юле кулмэк представляет цельный кусок ткани; в средней части этого холщового полотнища синего цвета (по утку) имеется небольшая вставка из пестряди в мелкую клетку. Здесь, на перегибе полотнища (по утку), сделан вырез для головы. В результате эта вставка из клетчатой пестряди приходится на плечевую часть. Рукава кроются из ткани двух или даже трех тонов. Так, верхняя, большая часть рукавов делается из той же ткани, что и вставка центрального полотнища. В результате этого наружная часть рукавов так бы составляет продолжение плечевой части рубахи. Боковые полотнища, а также нижняя часть рукавов кроются из той же ткани, что и основная часть центрального полотнища рубахи, т. е. из холщового полотна темно-синего цвета. Нам думается, что покроем юле кулмэк сохранил на себе следы традиции покроя меховой одежды. Как известно, мех не дает возможности раскроя из цельных перекинутых полотнищ. Верхняя меховая одежда народов Сибири, например ненцев, манси, в целом имеющая туникообразный покроем, составлялась из нескольких рядов шкур. Характерно, что «первый ряд шкурок перегибался через плечо и по наружной части рукави»³², т. е. наружная часть рукавов и плечевая часть одежды составляли единое целое, а нижняя часть рукавов являлась продолжением боковых клиньев. Заслуживает внимания этнографическое оформление юле кулмэк: на продольные швы, соединяющие центральную и боковые полотнища рубахи, нашиты ленты из красного кумача. Вокруг грудного разреза дугообразно нашита полоска из разноцветных кусочков фабричной материи. По всему диаметру подола, выше волана, также нашиты (в два ряда) разноцветные кусочки (квадратной и треугольной формы) фабричной ткани. Расположение нашивок на юле кулмэк, по мнению

Покрой женской рубахи юле кулмэк

С. П. Толстова, соответствует расположению вышивок на рубагах угорских народов, в частности остяков, что показывает наличие в культуре мишарей угорских традиций³³. С подобным предположением С. П. Толстова, очевидно, можно согласиться. Украшение верхней одежды узорчатой аппликацией очень характерно для народностей Сибири с древнейших времен. Оно было широко распространено и среди народностей Алтая. В этом, по мнению этнографов-алтаеведов, отражаются ранние культурные связи тюркоязычных кочевников Алтая с местными племенами Сибири³⁴.

Вплоть до конца XIX в. у мишарей всех групп бытовали те же женские рубахи из пестряди (в клетку). Покрой их почти отличался от предыдущих рубах. Они имели несколько укороченный туникообразный остов и широкий волан на подоле. У саргатских мишарей такие рубахи (*алача кулмэк* или *цаптырма кулмэк*) имели отложной воротник. В этом отношении они, как указывает С. П. Толстов, сильно напоминают башкирские. Ту же женской рубахи с воланом было широко распространено также у казанских татар (особенно у крышен) и чувашей. Н. Гаген-Торч считает, что к чувашам он перешел от татар-мишарей³⁵.

Следующий тип рубахи с отрезной талией создавался в результате еще большего сокращения туникообразного остова рубахи и расширения ее волана. На уровне бедер рубахи, поперек соединяющего остов с подолом шва, пришивалась широкая оборка из другого материала и другого цвета. Наиболее поздней является рубаха с кокеткой. Очень короткий остов такой рубахи (кокетка) имел скошенный плечевой разрез и круглые проймы. Появление этого типа рубахи у татар связывается с распространением фабричной ткани³⁶.

Как видим, развитие мишарских женских рубах, так же как и у казанских татар, башкир, шло в такой последовательности: древняя форма без волана, затем рубаха с воланом, а позднее — с отрезной талией и последний тип — рубаха с кокеткой (*кыска буйлы кулмэк*). Этот процесс шел, с одной стороны, за счет сокращения остова, а с другой — за счет расширения волана³⁷.

Распространению рубах с отрезной талией и особенно рубах с кокеткой способствовало проникновение в татарскую деревню фабричных тканей. Это же обстоятельство послужило причиной распространения моды нашивания оборок на рубахах. Нередко оборка покрывала всю нижнюю часть рубахи (*итэк*).

Неотъемлемой частью женской рубахи вплоть до конца XIX — начала XX в. являлся нагрудник (*кукракча*), представля-

Карта распространения типов женских рубах (вторая половина XIX в.)

вший кусок ткани размером около 25 × 40 см. Он одевался под *кулмэк* и при помощи лямочки прикреплялся к шее, покрывая грудь женщины и виднеясь в разрез ворота. Нижние матерчатые нагрудники, бытовавшие под тем же названием у казанских татар и башкир, представляют очень древний элемент женской одежды. Первоначально они, очевидно, выполняли роль амуле-

Женский камзол:

вид спереди, вид сзади (колл. краеведческого музея г. Саранска)

тов. С этой точки зрения определенно интерес представляет их декоративное оформление. Среди «ч-окающих» грумишарей чаще встречаются вышитые техникой тамбура и золотого шитья *кукракча*; основным мотивом узора на них является «вихревая» розетка. Возможно, этот имитирующий солнце знак в прошлом считался средством отвлечения женщины злых духов.

Декоративное оформление *кукракча* «ц-окающих» грумишарей (прежде всего сергачских) чаще производилось путем нашивки разноцветных прямоугольных полосок ткани. На грудники, украшенные кусками разноцветной материи, возможно, восходят к «тосам» народов Западной Сибири и Аляска. Как известно, среди старинных предметов культа, принадлежащих народам этого региона, встречаются лоскутки тканей прямоугольной формы, на которые нашиты кусочки красной и синей материи. Эти лоскутки считались местопребыванием злых духов — предков (*тос*). У телеутов такой «тос» назывался «*амганар*» (*амган* — матушка) или «*энкэре*». По мнению исследователей, в частности С. В. Иванова³⁸, более древней формой «тос» были объемные изображения в виде куколок, сшитые из кожи или материи, т. е. воиноконические безобразных (анконических), плоских изобра-

Узор на нагруднике *кукрак*

(акварель). Гладь. Дер. Сред. Елозань Пензенской обл.

жений в виде полосок из меха, кожи, войлока или ткани происходило путем вытеснения образных (иконических) изображений. В этой связи интересно отметить, что у западносибирских татар иконические изображения, сшитые из материи, назывались «этэ-нэ», т. е. почти так же, как и телеутские «тöсы» (энкэлэре или амаганар).

Мы полагаем, что на казанско-татарских и татаро-мишарских *күкрәкчә*, орнаментированных путем нашивки прямоугольных кусочков разноцветной ткани, отражаются традиции и нормы древнего религиозного верования, связанные с почитанием лоскута меха, кожи и ткани, которые олицетворяют собой духов предков, унаследованных по материнской линии.

Сравнительное изучение узоров на *күкрәкчә* и *юле күлмәк* с узорами на *тöсах* и *бубнах* хакасов, телеутов и др. может дать плодотворные результаты. Небезинтересно заметить, что, по сведениям Дм. Клеменца, у кизыльцев бытовал своеобразный *тöс* в виде женской рубашки, так называемый «чага-тöс»³⁹.

Другая деталь женской одежды — *фартук*. Для молодых женщины фартук являлся и рабочей одеждой, и обязательной принадлежностью выходного костюма. До широкого проникновения в деревню фабричных тканей фартуки шили из самотканых цветных материй с тканым рисунком. В конце XIX — начале XX в. распространились ситцевые фартуки с пышными оборками на плечах (*канатлы фартук*).

Женская верхняя одежда шилась исключительно с приталенной спинкой. К этому типу одежды прежде всего относятся камзолы. Во второй половине XIX в. наиболее широко были распространены камзолы с короткими до локтя рукавами (*бустырык*). Однако в конце XIX в. они были вытеснены камзолами-безрукавками, излюбленной одеждой казанских татарок.

Действительно, эти женские камзолы с короткими рукавами, как указывал Г. Ахмаров, в рассматриваемое время широко бытовали только у мишарей⁴⁰. У казанских татар они раньше, чем у мишарей, были вытеснены камзолами-безрукавками. Происхождение камзолов у татар Поволжья, в том числе и у казанских татар, еще не выяснено. Н. И. Воробьев считал эту одежду достаточно древней⁴¹.

К одежде с приталенной спинкой относятся *зыбын*, *тун* и *бишмэт*. По покрою они аналогичны одноименным мужским, отличаясь лишь большей приталенностью. В конце XIX — начале XX в. среди сергачских мишарей широкое распространение получил полубешмет (*кыска бишмэт*), который представлял нечто среднее между бешметом и камзолом. Шили его на вате с длинными рукавами, с «открытой грудью» и сильно приталенным.

Как известно, одежда в талию очень характерна для кавказских народов. В этом отношении небезынтересно отметить наличие плечевой одежды под названием *зыбын* у азербайджанок⁴². *Зыбын* шьют в талию, он плотно облегает фигуру, но, в отличие от зыбына мишарок, длина его достигает лишь бедер.

Термин «збун» в значении длинной женской рубахи с длинными рукавами бытовал также у айсор, живущих в пограничных с Турцией районах Ирана⁴³. Почти аналогичный термин («зыпун») зафиксирован также и у армян в значении «платья с прорезами»⁴⁴. Эти параллели в терминах одежды у народов Передней Азии, Закавказья и Поволжья привлекли внимание азербайджанского этнографа К. Т. Каракашлы. Он пишет: «Возникает вопрос о времени и исторических путях проникновения этого термина (т. е. зыбын.— Р. М.) в транскрипции «зыбын» в Поволжье, к удмуртам (и к мишарям.— Р. М.). Если термин «зыбын» действительно происхождения арабского, то, очевидно, это тот же путь, по которому к народам Поволжья, в частности к удмуртам, проник термин «тахья» в обозначении девичьей шапочки, восходящий к арабскому слову «токия», широко распространенному для обозначения тибетейки в Средней Азии...»⁴⁵.

Очевидно, решить вопрос происхождения некоторых элементов одежды татар Поволжья, в том числе и мишарей, на основании локальных исследований невозможно. Необходимо включить в сферу внимания этнографический материал и по Кавказу, и по Передней и Средней Азии. Весьма возможно, что камзолы татар Поволжья перекликаются с широко распространенной одеждой народов Закавказья «архалук» (поддевка, от тюркского термина «арка» — спина). Следует отметить, что «архалук» азербайджанок, так же как и камзол татарок Поволжья, «шился с открытой грудью, застегивался только у пояса»⁴⁶. При этом полы впереди украшались монетами.

Обувь у татар-мишарей, как и у других народов Среднего Поволжья, была из лыка, кожи и овечьей шерсти. Среди основной массы крестьянства большое распространение получила лыковая обувь, прежде всего лапти (*чабата*). Следует отметить, что мишари, за исключением буинской группы, носили лапти мордовского образца, с низким бортом и кручеными ушниками. Мужчины при обувании лаптей надевали на ногу шерстяные носки и на них закручивали холщовые портянки. Лапти укрепляли на ноге оборами (*каркеш*), завязывающимися несколько выше

Женщины в костюмных комплексах конца XIX — нач. XX в.

а — дер. Андреевка Сергачского р-на Горьковской обл.; б — дер. Искитл Зубово-Полянского р-на Мордовской АССР (фото Л. Т. Махмутовой); в — дер. Дашкино Темниковского р-на Мордовской АССР; г — дер. Дракино Инзенского р-на Ульяновской обл.

щиколотки. Женщины надевали на ногу шерстяной чулок и непосредственно на него обували лапоть, который также укрепляли оборами у щиколотки. Кроме лаптей, значительное распространение имели также высокие лыковые галоши — ступня (от русского «ступни»), чаще на деревянной подошве. Эта лыковая обувь на ноге держалась без обор.

Кожаная обувь татар-мишарей во второй половине XIX в. была аналогична обуви казанских татар. Это прежде всего ичегн (*бэбеч*) и кожаные галоши (*калуш*). Ичегн, как мужские, так и женские, шились из мягкой черной кожи, иногда цельными от головы до голенищ. К головке пришивалась отдельно выкроенная мягкая подошва. Среди женщин некоторое распространение получили сафьяновые ичегн (на мягкой или твердой подошве и на высоких каблуках), вышитые туфли (*башмак*). Такими изделиями казанских обувщиков прежде всего пользовались женщины из богатых семей.

К обуви из шерсти у мишарей относятся: суконные и вязаные чулки, валенки. Суконные чулки (*сыкна цылка*) характерны прежде всего для «ц-окающих» мишарей (у темниковских, лямбирских и некоторых других групп бытование такой обуви не отмечено). Суконные чулки составлялись из трех отдельно скроенных частей: голенища, головки (иногда и задника) и подошвы. Подобные чулки, имевшие прямые аналогии с обувью казанских татар, башкир и других тюркоязычных народов, входили в комплекс как мужской, так и женской одежды и носились с лаптями. Другие виды обуви из шерсти, в частности шерстяные чулки и валенки, также не имели каких-либо различий от таковых у других народов Среднего Поволжья. Отметим лишь некоторые различия в терминологии названий у казанских татар и татар-мишарей. Так, например, у первых *оек* обозначает чулки, а у вторых — валенки; чулки же мишари называют *чылка*.

Издавна вошли в быт мишарей кожаные сапоги (*итек*), характерные для обуви русского населения. Однако для основной крестьянской массы они также были малодоступны. Их чаще носили мужчины-отходники.

Мужские головные уборы мишарей во второй половине XIX — начале XX в. не отличались от уборов казанских татар. Так, наиболее распространенным легким головным убором являлась тюбетейка (*кэпэч*). Бытовали 2 вида тюбетеек: полусферический и усеченный. Первый кроился из четырех клинообразных кусков, а второй, называемый *казан кэпэче*, состоял из жесткого окольца и плоского верха.

Наиболее распространенным видом шапок была полусфериче-

Мужские головные уборы

а — тирале бурек (дер. Петряксы Пильнского р-на Горьковской обл.); б — кэпэч (колл. Саратовского краеведческого музея)

ская, опушенная мехом *тирале бурек*. Этот головной убор характерен для многих тюркских народов и представляет древний элемент их одежды. Подобная шапка, отороченная пушистым мехом, изображена на вышивке (датированной XIV в.), найденной при раскопках города Булгар⁴⁷. Некоторое распространение имели высокие меховые (чаще из шкурок каракуля) цилиндрические шапки с плоским верхом. Темниковские мишари такие шапки называли *озынчык* или *чэрэпинкэ бурек*. Весной и летом мужчины носили серые шляпы, часто с загнутыми вверх полями.

Женские головные уборы были значительно разнообразнее. До середины XIX в. среди замужних женщин широко бытовал тастарный комплекс головного убора, который состоял из волосника и полотенцеобразного покрывала — *тастар*. Бытовали два типа волосника: *чэч-кап* и *сылапцау* (или *солауц*). Первый, характерный для «ц-окающих» групп татар-мишарей, состоял из двух частей: шапочки (челец) и накосника в виде узкого мешочка с открытым низом. Женщина убирала волосы под челец, а косы пропускала в накосник. Это назначение мешочка отражено и в названии шапочки *чэч-кап*.

Накосники типа «чэч-кап» представляют очень древний элемент. Аналогичные им формы встречаются в памятниках, оставленных древними кочевниками Центральной Азии, Алтая. Например, среди предметов, найденных в ноинулинских курганах, обращали на себя внимание косы в узких чехлах или накосниках из шелковой ткани⁴⁸. В одном из горноалтайских курганов скиф-

Женские волосники

а — *чэч-кап* (колл. краеведческого музея г. Пензы); б — *сылавыч* (с. Лямбиль Мордовской АССР); в — *сылапцау* (дер. Андреевка Сергачского р-на Горьковской обл.)

Женский головной убор башкигец (колл. Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника)

Женщина в рубахе юле кулмэк и в головном уборе башкигец (вид спереди и вид сзади)

ского времени также была найдена женская коса в кружевном наконнике. Очевидно, ношение узких наконников было характерно для хуннов, а также древнескотоводческих племен Алтая. Подобные типы волосников до последнего времени бытовали среди киргизов, казахов, отчасти казанских татар.

Волосник второго типа, бытовавший в комплексе головного убора сергачских мишарей (*сылапцау* или *солауц*), представлял небольшой платкообразный кусок ткани, нижний край его несколько сужен, а верхний слегка собран на шнуре, посредством которого волосник укреплялся на голове. Заметим, что головные повязки под одноименным названием «нараус» бытовали у башкир, «сарауц» — у западносибирских татар, «саровать» — у обских угор.

В комплексе головного убора сергачских женщин бытовал еще и другой тип волосника — *башкигец* или *экай*. Его носили молодые женщины в сочетании с *юле кулмэк*. Этот убор представляет плотно облегающий голову капюшон с широкой, прикрывающей спину и плечи лопастью, которая орнаментирована аппликацией из разноцветных кусочков материи; нижняя часть лопасти украшена черной бахромой.

Прямых аналогий *башкигец* в культуре других народов не обнаруживается. В какой-то степени он перекликается с «кимешек» казахов и каракалпаков. Но, в отличие от последнего, он значи-

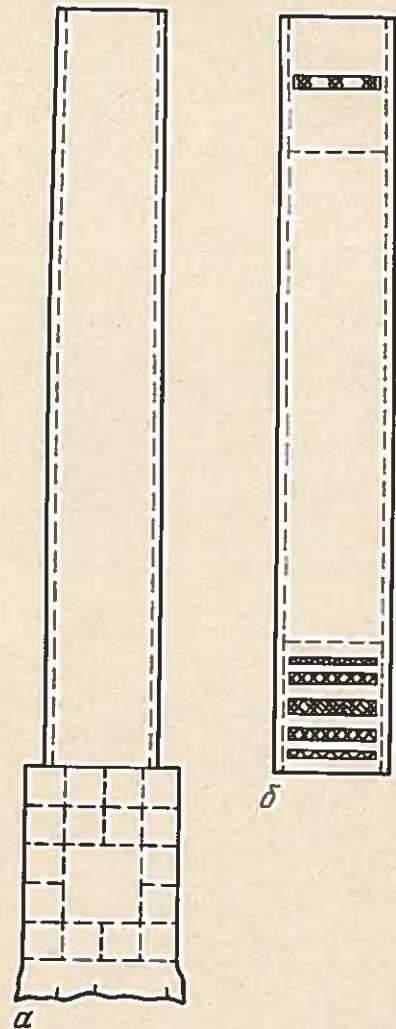
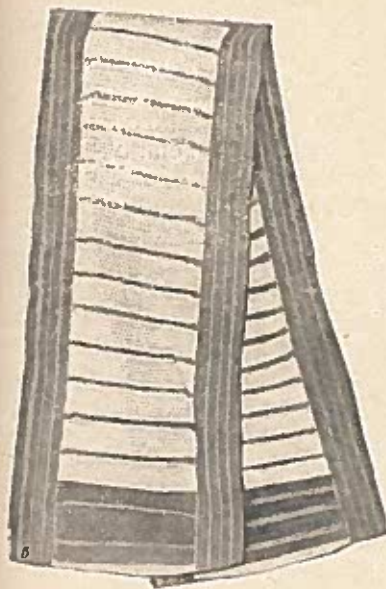
тельно меньших размеров. Кроме того, *башкигец* мишарей не имеет нагрудной части, которая характерна для кимешек казахов. По предположению этнографов, кимешек в его современном виде появился сравнительно поздно⁴⁹. В его оформлении применялись 2 элемента: 1) облегающий голову капюшон с широкой лопастью (более древний) и 2) (сравнительно поздний) покрывающий грудь платок.

Очевидно, мишарский *башкигец* представляет архаичную форму головного убора тюркоязычных народов. Подобный убор, под названием *яулык*, несомненно бытовал у казанских татар. Как известно, до последнего времени престарелые казанские татарки повязывают фабричный платок на кромку, завязывая два соседних угла под подбородком, распустив полотнище на спине. В результате этого платок приобретает форму древнего головного убора типа *башкигец*.

Стиль орнаментации *башкигец* совершенно отличен от орнаментации «кимешек» казахов и каракалпаков. По декоративному оформлению ми-

Разновидности женского головного покрывала тастара

а — колл. краеведческого музея г. Саранска; *б* — колл. краеведческого музея г. Пензы; *в* — колл. Саратовского краеведческого музея; *г* — колл. Горьковского историко-архитектурного музея заповедника

Типы тастара

а — темниковский тип; *б* — сергачский тип

Способ повязывания тастара у лямбирских групп татар-мишарей

У первого типа тастара орнаментированы оба конца. При этом по ширине эти концы представляют прямое продолжение основного полотнища, т. е. равняются 25—30 см. Длина их также не превышает 30—35 см (из одного аршина хлопчатобумажной ткани кирпичного цвета делали 5 концов для тастаров). Орнаментация *тастар баши* производилась вышивкой, выполненной техникой «цветная перевить». Более простые тастары этого типа, предназначенные для повседневной носки, имели на концах лишь тканые узоры. Этим «полотенцем» сначала покрывали голову, спуская один конец на спину, затем второй конец, обернув его вокруг лица под подбородком, также укладывали на спине, несколько выше первого конца. Женщины лямбирской группы второй, более красиво вышитый конец располагали на голове.

Другой тип тастара заметно отличается от первого. У него украшен лишь один конец, который называется *тастар сапмасы*. Характерно, что этот конец, представляющий «прямоугольник», составленный из отдельных квадратиков цветной материи, груп-

пированных вокруг большого прямоугольника»⁵¹, значительно шире основного полотнища тастара. Его размеры в среднем — 50 × 60 см, им закрывают плечи. Другой, неукрашенный конец обертывали вокруг лица под подбородком, а затем вокруг головы чалмообразно и закрепляли на затылке специальными заколками, которые одновременно выполняли роль украшений.

Следующий элемент комплекса женского убора — *тастар* представляет белое самодетное полотенцеобразное покрывало длиной до 2 м и шириной 25—30 см. Его концы (*тастар баши*) орнаментированы вышивкой, тканым рисунком или нашивкой из разноцветной ткани, а боковые края — продольной красной каймой. В зависимости от формы *тастар баши*, а также его оформления тастары бывают 2 типов: 1) темниковский (к ним относятся тастары лямбирских и других «ч-окающих» мишарей) и 2) сергачский.

Полотенцеобразные женские головные повязки в прошлом были распространены среди многих тюркских народов нашей страны. Так, под названием «джаулок» подобное женское головное покрывало зафиксировано у казахов⁵², под названием «тастар» — у казацких татар и башкир⁵³ и под названием «сурпан» — у чувашей⁵⁴. Поэтому есть основания предполагать, что покрывало — тастар татары-мишари приняли от своих тюркских предков. Но в последующее время сказалось заметное влияние полотенцеобразных головных уборов финноязычных народов. Это прежде всего заметно на оформлении концов тастара, особенно первого типа.

В середине XIX в. тастарный комплекс женского головного убора лямбирских и карсунских мишарей включал еще головной убор — *кашпау*. Существовало два типа *кашпау*: кашпау-повязка и кашпау-ша-

Женщина в головном уборе кашпау вид спереди, вид сзади

почка. Но в конце XIX в. оба типа кашпау вышли из широкого употребления и в настоящее время почти окончательно исчезли. Однако старшее поколение еще хорошо помнит форму, способы украшения и ношения этого головного убора. Поэтому те далеко не полные экземпляры кашпау, которые нам удалось увидеть и зафиксировать, были дополнены и восстановлены на основании сведений информаторов.

Кашпау-повязка состоит из трех частей: *маңгай итәге*, *кашпау башы* и *кашпау кор'ыгы*. *Маңгай итәге* (налобная часть) представляет узкую полоску ткани размером 40 × 4 см, на которую нашивали 5 рядов коралловых бус. На самый край полоски, который свисал над бровями женщины и обрамлял ее лицо, чешуеобразно нашивали мелкие монеты.

Кашпау башы (верхняя часть) имеет форму удлиненного прямоугольника размером 40 × 20 см. Ее украшали пятью рядами крупных монет: на середину каждого ряда нашивали рублевки, а по бокам — полтинники.

Кашпау кор'ыгы (лопасть или хвост кашпау) имела размеры 30 × 20 см; нижний край лопасти слегка закруглен. *Кашпау кор'ыгы* унизывали мелкими штампованными серебряными жетонами.

Другой тип кашпау, обнаруженный нами в дер. Татар-

Женщина в национальном уборе *калфак*, поверх которого повязан фабричный платок

Девичий головной убор *ак калфак* (колл. 2508-1 ГЭМ)

ская Свербейка Лямбирского района Мордовской АССР, представляет собой холщовую шапочку, обшитую спереди крупными серебряными монетами, а сзади — мелкими штампованными жетонами. Эта шапочка, как и кашпау-повязка, имеет налобную часть, украшенную 5 рядами коралловых бус и рядом мелких монет. Спереди к кашпау прикреплены ушные подвески (*колакчалар*) и ожерелье (*тамакча*) из монет, а сзади — цепочка с подвешенными к ней мелкими монетами, которая свисала на спине женщины поверх орнаментированных концов тастара.

У карсунских мишарей бытовали кашпау-шапки с открытой макушкой. Краевед Симбирской губернии И. Н. Юркин, характеризуя кашпау карсунских мишарей, пишет, что этот головной убор наподобие чувашского хушпу унизан «серебряными монетами, нухратками и бисером...; наверху имеет отверстие»⁵⁵.

Кашпау-шапка с открытой макушкой представляет третий вариант кашпау татар-мишарей. Возможно, что она является переходной формой от повязки к шапке с закрытой макушкой.

По данным И. Лепехина, кашпау носили также татарки, живущие по р. Черемшан. Он пишет: «...праздничный же убор напротив этого состоит из шапки кашпау, которая унизана серебряными копейками, а передняя часть корольками, красными

и налобное украшение *ука-чәчәк* (колл. Саратовского краеведческого музея)

мерзьян и белым бисером куза. У иных кашпау сходится вверху остроконечно наподобие конуса, и верх конуса покрывается маленьким серебряным литым конусом. У других, напротив того, кашпау бывает без тульи, и в таком случае верх головы повязывают платком»⁵⁶. Описанный И. Лепехиным кашпау «без тульи», очевидно, напоминал кашпау-шапку «с открытым отверстием», которая была распространена, как уже отмечено выше, у карсунских мишарей. Кашпау-шапка «с остроконечным завершением на макушке», бытовавшая, по описанию Лепехина, у татар, живущих по р. Черемшан, не обнаруживается у мишарей правобережных районов Средней Волги. Верх лямбирской шапки-кашпау имел закругленную форму. Это несовпадение можно объяснить, с одной стороны, влиянием времени, ставшего естественной причиной определенной трансформации этого головного убора, и, с другой стороны, возможными локальными особенностями. Во всяком случае, кашпау татар-мишарей лямбирской и карсунской групп представляет тот головной убор, аналогичного которого имеют у башкир (кашмау), молькеевских крышен (кашпау), чувашей-анатри (хушпу), у бесермян (кошпу).

Очевидно, головные уборы типа кашпау представляют очень древний элемент одежды тюркских племен на территории Среднего Поволжья и Приуралья. Из финно-угорских народов края подобный головной убор под названием «венец» бытовал у мордвы-терюхан. М. Т. Маркелов и С. П. Толстов считают, что у мордвы он появился в результате влияния соседних тюркских племен. «Венец терюхан выпадает из круга мордовской культуры, явно примыкая к кругу хошпу»⁵⁷. Они отмечают, что географический ареал и этнические связи носителей этого типа убора «заставляют интерпретировать его (венец.—Р. М.) как форму, связанную с древними турецкими культурами Поволжья, достигшими своего влияния на финские культуры в Болгарскую эпоху»⁵⁸.

Среди женских головных уборов казанских татар, за исключением молькеевских крышен, наличие кашпау не установлено. Бытование этого типа головного убора не обнаруживается также у темниковской и сергачской групп мишарей. Плохо прослеживается он и в материальной культуре других групп. Это объясняется, возможно, тем, что здесь он был значительно раньше вытеснен другими головными уборами. Окончательное исчезновение кашпау у лямбирских и карсунских мишарей относится к концу XIX в. Что касается тастара, то он, превратившись в самостоятельный головной убор, продолжал бытовать вплоть до начала XX в. Лишь несколько изменился способ его повязывания.

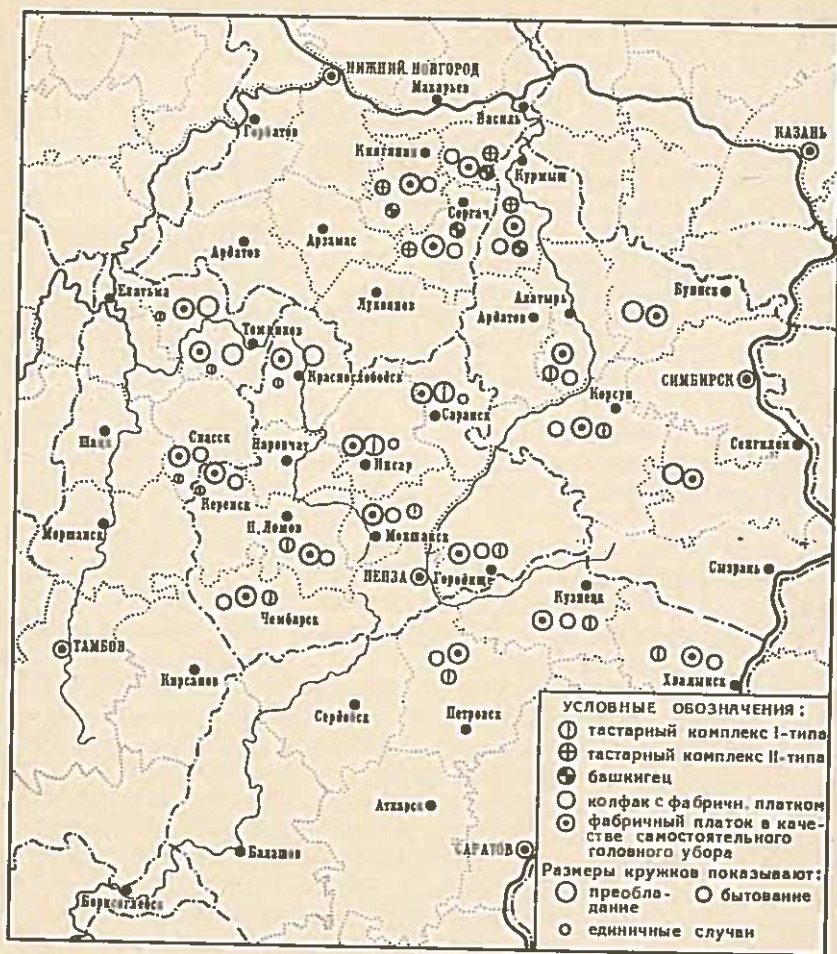
Когда тастар носили в сочетании с кашпау, как отмечено уже выше, оба его конца располагали на спине; когда же он превратился в самостоятельный головной убор, то его более украшенный конец, обвивая вокруг лица под подбородком, стали укладывать на голове, как бы заменяя им исчезнувший кашпау.

К тому же типу головных уборов, что и кашпау, относится еще девичья *тайка*, представлявшая собой неглубокую круглую шапочку, покрытую мелкими монетами, бусами и пуговками. Подобная девичья шапочка почти под тем же названием (*такыя* или *тухия*) бытовала у тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья (казанских татар, башкир, чувашей-анатри)⁵⁹ и в Средней Азии (у туркмен и каракалпаков)⁶⁰. Из финно-угорских народов Поволжья она зафиксирована лишь у удмуртов.

Некоторые исследователи связывают происхождение *такыи* с шлемовидными головными уборами⁶¹. Позже появилась бархатная, расшитая *тайка*, по форме напоминающая мужскую бархатную тюбетейку.

К женским головным уборам татар-мишарей относятся также калфачки (*калфак*). Бытовали вязаные и бархатные калфачки. Первый из них, являвшийся преимущественно девичьим головным убором, представлял собой длинный (до 40—50 см) колпак, связанный из белых ниток, ширина его соответствовала диаметру головы. Как правило, вязаные калфачки носились в сочетании с налобной повязкой (*ука-чэчэк*). Во второй половине XIX в. среди мишарей некоторое распространение получили богато расшитые городские вязаные калфачки (из Казани), которые носили без налобного украшения. Позже вязаные калфачки (городские) окончательно вышли из быта. Ука-чэчэк сохранился в качестве самостоятельного девичьего налобного украшения до начала XX в. Вязаные девичьи калфаки и налобные повязки типа ука-чэчэк бытовали у казанских татар, чувашей-анатри, башкир. Они представляют древний элемент одежды тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья. Что касается бархатных калфачков, особенно маленьких калфачков-наколок, то татары-мишари их называют *кукеш калфак*. Они, по предположению В. И. Воробьева, представляют более поздний вариант вязаного калфачка городского типа⁶². Очевидно, они были переняты мишарями у казанских татар как элемент национального убора во второй половине XIX в.

Итак, с проникновением в татаро-мишарскую деревню капиталистических отношений традиционные головные уборы претер-

Карта распространения женских головных уборов
(вторая половина XIX в.)

пели большие изменения; некоторые из них вообще вышли из употребления. Распался тастарный комплекс — его отдельные элементы находили применение лишь у женщин старшего поколения. Вышел из быта и башкигец. Традиционный головной убор женщин был заменен фабричным платком, завоевавшим во вто-

рой половине XIX в. большую популярность среди татарок всех этнографических групп.

Чем же можно объяснить тот факт, что женщины так просто расстались с традиционными головными уборами? Очевидно, тем, что фабричный платок они сумели удачно приспособить применительно к своей традиционной одежде. Повязывание этого платка на кромку (узлом под подбородком) давало возможность, например, сергачской мишарке, как и при ношении башкигец и тастар, закрыть голову, шею, плечи и спину; женщины темниковской, лямбирской и некоторых других групп стали покрывать голову двумя фабричными платками. Непосредственно на голову надевали большой кашемировый платок черного или красного цвета, сложенный на угол. Середину его спускали на лоб и двумя свободными концами завязывали на макушке двойным узлом (кукеш). Поскольку платок был из плотной ткани, то кукеш получался большой. Поверх этого платка надевали другой, более легкий и светлый, сложенный его также углом пополам, концы завязывали под подбородком.

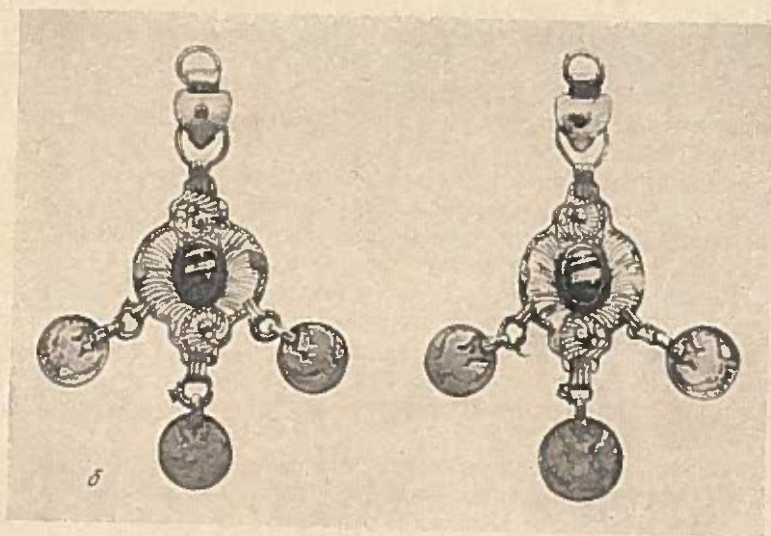
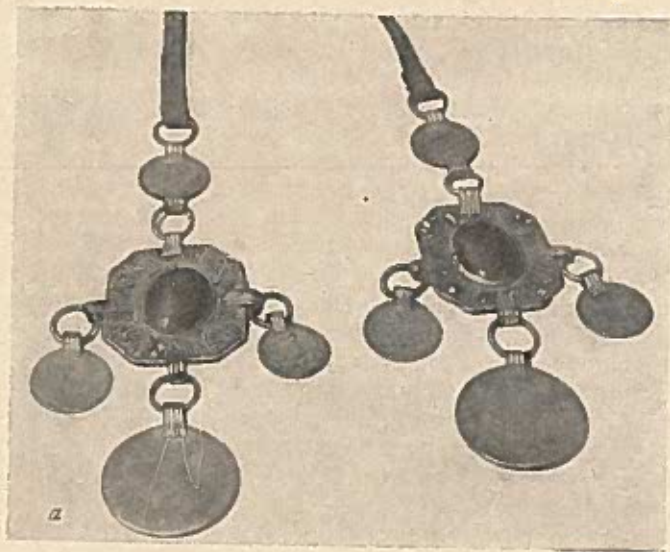
В холодную погоду при выходе из дома поверх этих платков часто надевали шерстяную большую по размерам шаль (вал или ырфак), свернутую на угол.

До начала XX в. женщины носили разнообразные украшения, однако предпочтение отдавалось металлическим (серебряные монеты), отделанным камнями (янтарь, рубин, сердолик и др.). Украшения собирали из поколения в поколение и хранили как семейные драгоценности. В некоторых семьях они сохранились вплоть до наших дней.

Все украшения татар-мишарей можно разделить на три группы: головные украшения, шейно-грудные и украшения для рук.

К головным украшениям относятся серьги и накосники. До конца XIX в. большое распространение имели серьги из монет (к крупной монете подвешены более мелкие). Нередко монеты заменялись мелкими серебряными жетонами. Роль сережек у лямбирских мишарок иногда выполняли подвески кашпау. К концу XIX в. появились более легкие разнообразные серьги фабричного производства. Поэтому серьги-подвески стали исчезать.

К головным украшениям относятся также накосники, имевшие широкое бытование у татар-мишарей вплоть до конца XIX — начала XX в. Наиболее распространенными и простыми накосниками являлись крупные монеты, нашитые на шнурок (чэч-бай). Такие шнурки с монетами вплетались в косы, а затем пропускались в чэч-кап. При этом шнурок с монетами спускался чуть

Женские накосники

а — дер. Дракино Инзенского р-на Ульяновской обл.; *б* — колл. 2508-25 ГЭМ);
в — дер. Черемышево Лямбирского р-на Мордовской АССР

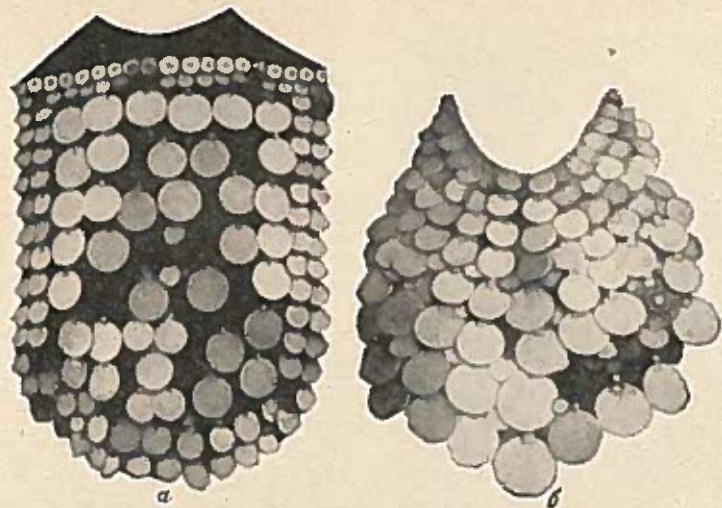
ниже талии. Особенно эффектно дополняли тастарный комплект головного убора накосники, представляющие форму бляхи (*бака*) в виде лопастного листа, к которому прикреплялось с обеих сторон по несколько монет.

Девичьим украшением кос служила полоска ткани, на которую в 2—3 ряда нашиты монеты (у сергачских мишарей девичий накосник назывался *целдерт*, а у карсунских — *арт сапма*).

Подобные накосные украшения в прошлом имели широкое распространение у всех этнографических групп поволжских татар, у башкир, чувашей и др. Но мишарские накосники по форме и названиям особенно близки к накосным украшениям казанских татар и башкир⁶³.

Из шейных украшений в прошлом следует отметить *монетлы яка* у лямбирской группы, *сапма яга* у темниковской, *яга* у хвалынской и *петю* у сергачской. Все эти украшения представляли цепочку с подвешенными к ней монетами, они перекликаются с *яка чылбыры* казанских татар. В конце XIX — начале XX в. монетные шейные украшения были вытеснены бусами из камня и стекла.

Нагрудные украшения татар-мишарей представляют две разновидности: нагрудники и перевязи. Наибольшей попу-

а

б

в

г

д

Нагрудные украшения

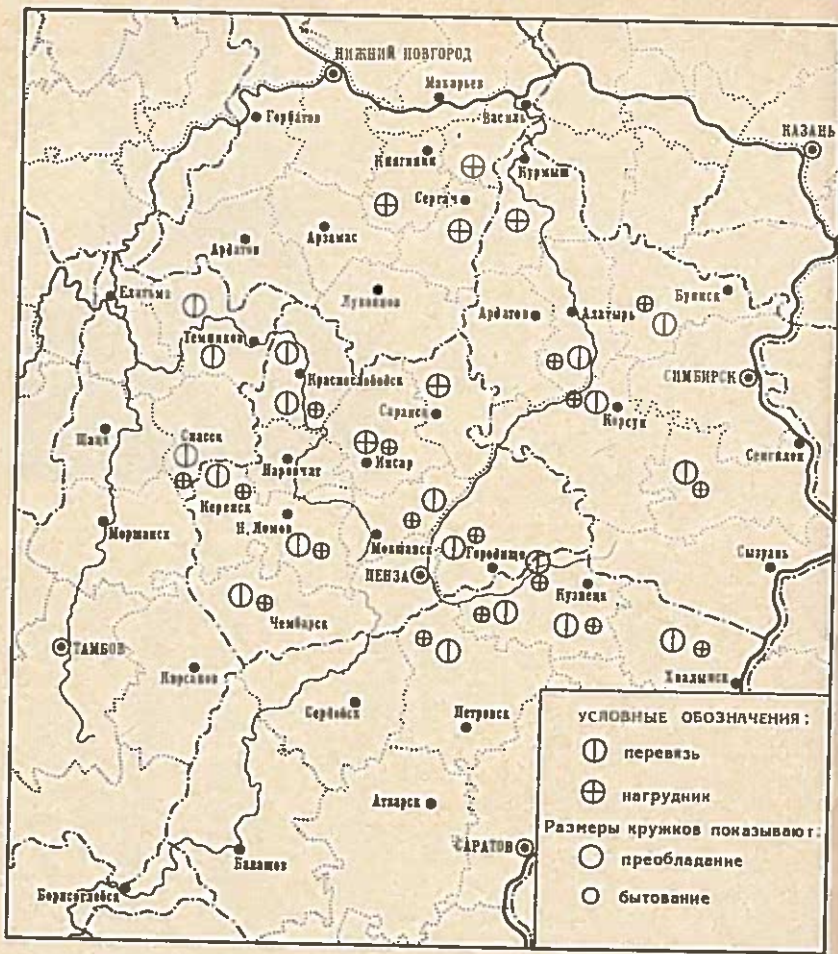
а — кошеш кукрак, б — пирта, в — бутимар, г, д — касидэ или будботу

Женщина в нагруднике пирта

лярностью у татар-мишарей пользовались нагрудники, представлявшие кусок ткани с нашитыми на него монетами и пуговицами. Нагрудники надевали на верхнее платье. У сергачских мишарок они назывались *кукрэк*, у лямбирских — *пирта*, у кулаткинских — *алынча* или *сакалча*, у керенских — *тайха*, у буинских — *изу сапма*. Такие нагрудники (*тамакча*) характерны также для казанских татар кряшен⁶⁴. У чувашей они назывались *шулкеме сакки*, у башкир — *накал селтер*⁶⁵. На территории Сибири и Алтая подобные массивные нагрудники известны с древнейших времен. Исследователи культуры и быта башкирского народа считают, что нагрудники типа башкирского «накал», имеющие большую древность на территории Среднего Поволжья и Приуралья, могли быть унаследованы «от ранних кочевников»⁶⁶. На территорию Средней Волги этот элемент древнесибирской культуры проник, очевидно, с ранней волной кочевников и здесь, в условиях новой историко-этнографической зоны, получил несколько новое художественное оформление.

Другим нагрудным украшением татар-мишарей являлась перевязь, именуемая в разных группах по-разному: в темниковской — *чапук*, в карсунской и буинской — *хаситэ*, в лямбирской, керенской, инсарской и кулаткинской — *бутимар* (*буйтомар*). Перевязь состояла из двух частей: узкой полоски холста, на нагрудную часть которой в 2—3 ряда нашиты монеты и подделки под них (в нижнем ряду крупные монеты — рубли, в верхнем —

Карта распространения женских нагрудных украшений
(вторая половина XIX в.)

полтинники), и из небольшого кармана — *касидэ* (в форме квадрата), унизанного мелкими монетами. В него зашивали «бѣти» — мусульманский амулет. Иногда нагрудную полоску перевязи делали из позумента и монеты нашивали лишь по нижнему краю этой полоски (как нагрудной, так и спинной части). Карман-касидэ также обшивали позументом или расшивали.

Перевязи надевали через левое плечо так, что *касидэ* приходилась под правую руку.

Украшения в виде перевязи имели распространение главным образом у тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Таковы, например, «хаситэ» казанских татар, «муйтомар» кряшен, «эймэзек» или «дэуэт» башкир, «теветь» чувашей, «бутьмар» бесермян⁶⁷. Из финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья подобная перевязь (бутьмар) встречалась лишь у удмуртов⁶⁸, которые, по мнению В. Н. Белицер, заимствовали ее от своих тюркоязычных соседей. Обращает на себя внимание идентичность названия перевязей (бутьмар) у удмуртов, бесермян и мишарей, что, по-видимому, объясняется сохранением некоторых общих элементов тюркской культуры.

В этнографической литературе происхождение перевязей типа «хаситэ» связывается с «ношением оберегов»⁶⁹. Но в термине «бутьмар» перевязи представляются и как украшение (*буй* — грудь, *томар* — украшение). Позже, очевидно, имело место комбинирование мусульманского амулета «бѣти» (или «касидэ») ⁷⁰ с *томар*. Этот процесс также хорошо прослеживается на перевязях башкир, которые носили «касидэ» отдельно, как перевязь-амулет, или пришивали к «дэуэт» в виде украшенного кармана⁷¹. У казанских татар также термин «хаситэ» был сохранен за комбинированной перевязью, выполняющей роль амулета и украшения⁷².

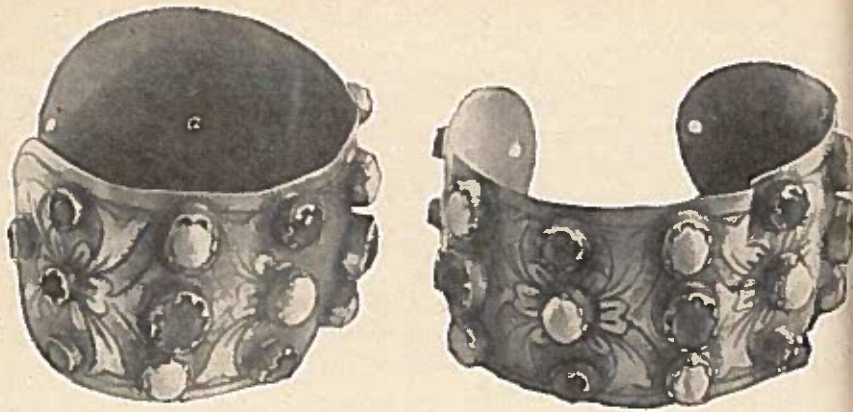
Из украшений рук следует отметить кольца (*йѣзек*) и браслеты (*белэзек*), которые часто украшались камнями, особенно посередине.

* * *

Описав отдельные элементы одежды, несколько остановимся на ее комплексах. Заметим, что мужская одежда, по сравнению с женской, отличалась единообразием типов: верхняя одежда, головные уборы и обувь мужчин не сохранили специфичных местных особенностей, за исключением небольших деталей (например, рубах с отложным воротником у сергачской группы мишарей).

Во второй половине XIX в. в женской одежде выделялись следующие локальные комплексы: темниковский, сергачский, лямбирский, инсарский, карсунский, буинский, керенский и кузнецко-хвалынский.

Темниковский комплекс одежды включал в основном все элементы национальной одежды татар Среднего Поволжья и был близок к костюмному комплексу казанских татар. Для него типичны длинные и широкие рубахи с оборками, нижние нагруд-

Браслеты — белазек

а — дер. Черемышево Лямбирского р-на Мордовской АССР;

б — дер. Петряксы Пильинского р-на Горьковской обл.

ники, украшенные тамбурной вышивкой, надевавшиеся поверх рубахи безрукавки — камзолы и бешметы (для зимы). В качестве головного убора почти исключительно служили фабричные платки. Лишь женщины самого старшего поколения продолжали носить полотенеобразный головной убор — тастар. Покрывали голову двумя платками (очевидно, привычка, сохранившаяся со времени бытования тастара). Непосредственно на голову надевали сложенный на угол большой кашемировый платок черного или красного цвета, концы которого обертывали вокруг головы, придавая платку тюрбанообразную форму, и завязывали на макушке двойным узлом в *кукеш*. Поверх этого платка надевали (сложив на угол) другой, более легкий, повязывая его на кромку, распустив полотене на спине. Праздничным убором молодых женщин служил «калфачный комплекс», состоящий из бархатного калфача и шелкового с длинными кистями трикотажного платка белого цвета. Из украшений распространены перевязи (*чапук*), шейное украшение из монет (*сапма яка*), наконсники (*бака кор'ек*). Но в целом в темниковском комплексе монеты для украшения женской одежды использовались в гораздо меньшей степени, чем в других.

Наибольшей самобытностью отличался сергачский комплекс женской одежды. В нем продолжали бытовать рубахи *юле кулмэк*, отличающиеся от рубах других групп мишарей наличием ярких разноцветных матерчатых нашивок на груди, плечах, рукавах и на подоле. В комплексе одежды пожилых женщин преобла-

дал белый цвет. Вплоть до конца XIX в. они носили рубахи из белого холста туникообразного покроя с широким воланом на подоле и кумачным *изу* на груди (*алынлы кулмэк*). Молодые женщины предпочитали рубахи из более темных тонов, в частности из пестряди. Туникообразные рубахи из пестряди в клетку с широким воланом на подоле бытовали здесь довольно стойко до конца XIX — начала XX в. Под рубаху сергачские мишарки надевали матерчатый нагрудник *кукрэкче*, также украшенный продольными полосками разноцветной материи. В качестве верхней одежды в теплое время года служили камзолы-безрукавки, в осенне-весеннее время — стеганые полубешметы. Зимой носили длинные стеганые бешметы (*тун, нават*), а также меховые шубы (*тире тун*). Традиционные зыбыны, пошитые из домашнего сукна, постепенно выходили из комплекса женской одежды сергачских мишарей.

В комплексе женской одежды этой группы в отличие от других мишарей, в частности темниковских, широкое распространение имели суконные чулки (*сыкна цылка*), одеваемые вместе с лаптями.

В качестве головного убора женщин, прежде всего старшего возраста, продолжал бытовать тастарный комплекс, состоящий из волосника (*солауц, сылапцау*) и тастара. Женщины помоложе носили *башкигец* (*экэй*). Одновременно с этим женщины всех возрастов охотно носили всевозможные фабричные платки: ситце-

вые (*тасмал*), кашемировые (*полушалка*), трикотажные (*өрфәк*) и большие шерстяные (*шәл*). Ситцевые или кашемировые платки чаще повязывали на кромку, распустив полотнище по спине. При выходе из дома поверх нижнего платка надевали свернутую на угол большую по размерам шаль (шерстяную или шелковую с кистями). Кстати, большой шерстяной платок, независимо от времени года, представлял свадебный головной убор невесты. Свисающий на лоб край этого платка украшали мелкими монетами. Такой платок являлся основным выходным убором молодой женщины в течение первого года (независимо от времени года) замужества.

Типичным украшением сергачских мишарок являлся массивный монетный нагрудник — *көмеш күкрәк*. Из шейных украшений широко бытовало ожерелье из монет — *петю*.

Для лямбирского комплекса, так же как и для сергачского, характерно сохранение архаичных элементов одежды. Так, широкие и длинные рубахи очень часто имели туникообразный покрой; нередко их шили из пестряди. Под рубаху надевали нагрудник, украшенный полосками разноцветной материи. Женщины старшего возраста поверх рубах носили камзол с короткими (до локтей) рукавами — *бустырык*. Особенно отличали лямбирский комплекс одежды головные уборы; вплоть до XIX в. продолжал бытовать полный тастарный комплекс, состоящий из волосника (*сылавыч*), тастара и кашпау. Одновременно бытовал девичий головной убор «тайка», унизанный мелкими монетами; калфачки-наколки, в отличие от темниковского комплекса, не имели широкого распространения. Но зато в качестве налобного украшения был в моде *ука-чәчәк*. Одновременно с традиционными элементами головного убора большой популярностью пользовались всевозможные фабричные платки. Нижний платок лямбирские мишарки повязывали, так же как и темниковские, в *күкеш*.

В качестве верхней одежды в лямбирском костюмном комплексе еще бытовали приталенные зыбыны и шубы; распространены были также и бешметы. Из украшений был характерен монетный нагрудник полуовальной формы (*пирта*). Перевязи в качестве нагрудного украшения, так же как и в сергачском комплексе, не получили распространения.

Инсарский комплекс имеет много общего с лямбирским: зыбыны, камзолы с короткими рукавами (*бустырык*), тастарный комплекс головного убора. Но в то же время в нем много и своеобразного. Тастарный комплекс здесь не имел кашпау и состоял лишь из двух элементов (волосника — *чәч акча* или *чәч капчык* и тастара). Из нагрудных украшений следует отметить ожерелья

из монет (*мунчак*), перевязи (*бутемар*) и украшенные монетами и кораллами небольшие нагрудники (*пирта мәржән*). Как и в других комплексах, большое распространение имели бешметы, камзолы-безрукавки, *күлмәк* с оборками, калфачки-наколки и т. д. В качестве головного убора всеобщее признание получили фабричные платки.

Карсунский комплекс также близок к лямбирскому. В то же время в нем есть общее и с сергачским комплексом. Так, до конца XIX в. здесь бытовали туникообразные рубахи с воланами на подоле (*аскы итәкле күлмәк*), продольные швы которых оттенялись узкой полоской красной материи. Разрез ворота (*изү*) украшали полосками разноцветной ткани. С лямбирским карсунский костюмный комплекс сближали головные уборы. Женщины старшего поколения продолжали носить тастарный комплекс головного убора, состоявший, как и у лямбирских татар-мишарей, из трех элементов: волосника (*сылавыч*), тастара и кашпау. В карсунском комплексе одежды довольно стойко сохранялись и девичьи вязаные калфачки. Из украшений распространены были перевязи (*хаситә*), накосник (*чалпук*, *арт сапма*) и ожерелье (*тәнкәле петү*).

У татар-мишарей, проживающих в Буинском уезде, также образовался своеобразный локальный комплекс женской одежды, на котором отразилась территориальная близость этой группы с казанскими татарами. Буинские мишари, находившиеся в тесном контакте с казанскими татарами, раньше других утратили древние местные формы одежды и приняли элементы национального костюма. Однако любовь к украшению рубах и нагрудников полосками разноцветной ткани у них осталась, напоминая об их былых этнических связях с представителями сергачской группы. Следует также отметить, что, в отличие от казанских татарок, мишарки буинской группы в исследуемое время чаще носили рубахи с воланами на подоле (*озын буйлы күлмәк*) и монетные нагрудники (*сапма изү*). Одновременно в качестве нагрудного украшения широкое распространение имели перевязи — *хаситә*, по форме тождественные с одноименным украшением казанских татарок.

Керенский комплекс одежды сложился у татар-мишарей, проживающих в Керенском и Чембарском уездах Пензенской губернии. Основу одежды этого комплекса составляли элементы, близкие к темниковскому. Но в отличие от последнего у керенских мишарей значительно дольше бытовали камзолы с короткими рукавами и в качестве нагрудного украшения, кроме перевязи, типичен небольшой монетный нагрудник *тайка* или *фирта*. Основ-

ным головным убором женщин служили фабричные платки. Нижний платок повязывали так же, как и женщины темниковской группы, т. е. концы сложенного треугольником платка тюрбанобразно обертывали вокруг головы и завязывали на макушке двойным узлом в *кукеш*. Но вместе с этим в комплексе женской одежды этой группы имеются детали, которые перекликаются с элементами одежды «ц-окающих» групп мишарей. Так, здесь вплоть до середины XIX в. бытовали белые льняные рубахи туникообразного покроя, с красными нашивками на груди, плечах и на подоле. По сообщениям информаторов в прошлом бытовали вышитые рубахи. В комплексе одежды керенских мишарей, в отличие от темниковской группы, имело место также ношение войлочных чулок, что также сближает эту группу с другими «ц-окающими» группами мишарей.

Основу одежды кузнецко-хвалынского комплекса составляли элементы, близкие к темниковскому и лямбирскому. Распространены были рубахи с широким воланом (а позже в кокетку с оборками), камзолы без рукавов, а также с короткими рукавами, гастарный комплекс головного убора и т. д. Но в то же время в нем было много своеобразного. Так, гастарный комплекс головного убора кроме волосника (*эчке чэч-кан*) и полотенеобразного гастара включал косынку, предназначенную для укрепления гастара на голове (концы косынки завязывали на затылке). Из украшений бытовали перевязи (*бутемар*), наружные нагрудники (*алынча*), наосники (*бака, чулпы, артча*). Особенно отличал этот комплекс одежды богато украшенные нижние нагрудники (*кукрэчэ*). Вышивка на *кукрэчэ*, в отличие от нагрудников других групп, разнообразна как по технике (тамбур, гладь), так и по используемому материалу (шелк, канитель, золотые и серебряные нити), а особенно по характеру орнамента.

Таковы региональные комплексы одежды татар-мишарей исследуемой территории, бытовавшие во второй половине XIX в. Наиболее самобытными являются комплексы, распространенные у темниковских, сергачских и лямбирских мишарей. Для последних двух характерно долгое сохранение древних элементов. Однако в комплексе одежды сергачской и лямбирской групп мишарей имеются такие особенности в типах и деталях, которые нельзя объяснить лишь сохранением здесь большой архаики форм. Особенно это относится к головным уборам (наличие кашпау у лямбирских мишарей, башкигец — у сергачских), украшениям (монетные нагрудники), к специфическим приемам орнаментации женских рубах у сергачских мишарей. Эти различия имеют, очевидно, глубокие корни в историческом процессе их сложения. Что

касается других комплексов (инсарского, керенского, карсунского и др.), то они включают элементы, характерные как для темниковского, так и для сергачского и лямбирского типов одежды. В то же время в них много и своеобразного (в сочетании различных элементов одежды, в способах их ношения), свидетельствующего о наличии региональных особенностей культуры этих групп мишарей.

Характеризуя территориальные костюмные комплексы мишарей во второй половине XIX в., следует заметить, что одновременно с сохранением некоторых древних форм они включали и элементы русской и мордовской одежды, например обувь ступни, лапти мордовского образца и др. Вместе с тем женская одежда мишарей в какой-то мере обогащается городскими компонентами. Так, например, широко внедряются фабричные платки, резиновые галоши. В этот период окончательно была нарушена возрастная дифференциация в одежде. Лишь в костюмном комплексе лямбирской группы улавливается наличие возрастной дифференциации, особенно в головных уборах. Девичьим головным убором считалась тайка или вязаный *калфак* с *ука-чэчэч*. Как увидим ниже, в свадебном обряде прослеживается момент смены головного убора новобрачной: в доме мужа с нее снимали девичий головной убор и повязывали гастар. Но зато в последующее время отчетливо выступает классовая дифференциация одежды. Так, господствующие классы одевались резко отлично от трудящихся масс. Это различие было и в качестве материала, из которого шили одежду, и в украшениях. Однако классовый характер не исключал общих национальных особенностей костюма этой эпохи. Одновременно с резко выраженными классовыми признаками она приобрела признаки национальной принадлежности, иногда с заметными локальными особенностями.

Ритуальная одежда прослеживается весьма слабо в комплексе одежды мишарей во второй половине XIX в. Так, во время похорон и поминок (*атау*) участники были одеты как обычно, но нижняя одежда обязательно должна была быть чистой. Не сохранился также и комплекс свадебного костюма. Из этого комплекса одежды в рассматриваемое время бытовали лишь отдельные детали: девичий головной убор — тайка, вязаный калфак с надлобным украшением — *ука-чэчэч* (позже бархатный калфак) и покрывало для лица — *бөркәнчек*. Кстати, специальное свадебное покрывало, напоминающее свадебную фату русских, существовало только у темниковских мишарей. В других же группах обычно лицо молодой при переезде в дом мужа закрывали куском шелко-

вой ткани или просто шалью. Другие детали свадебного костюма установить не удастся. Следует лишь отметить, что в день свадьбы жених обязательно надевал рубашку, подаренную невестой. В целом во время свадьбы как новобрачные, так и участники старались одеваться во все лучшее.

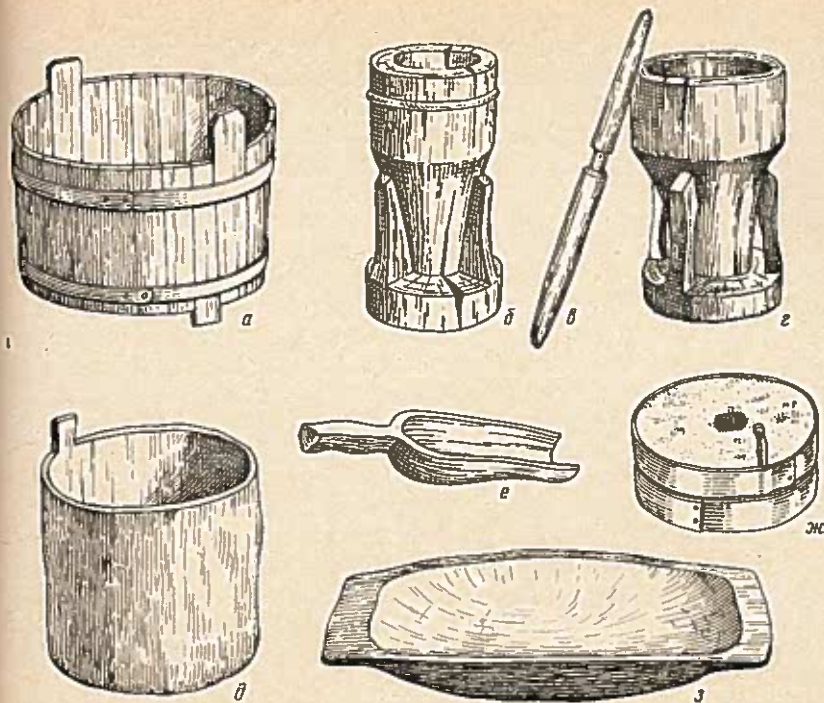
* * *

Развитие одежды татар-мишарей, как и казанских татар, с первых лет Советской власти идет по линии выработки общих для всех народов современных черт. Уже в 30-х годах, в результате роста количества и качества промышленных изделий, основная часть населения безболезненно сменила бешметы кустарного пошива на фабричное пальто, казакин и камзол — на пиджак и жакеты. В качестве головного убора у мужчин широкое распространение получили шапки-ушанки, фуражки и кепи. Постепенно происходила реконструкция форм рубахи (*кулмак*). Среди женщин широкое распространение получили рубахи с отрезной талией и отложным воротником.

Характеризуя современную одежду татарских колхозников правобережных районов Среднего Поволжья, следует сказать, что как по материалу, так и по фасонам и по своему назначению она очень разнообразна и совпадает с одеждой горожан. Особенно это относится к комплексу одежды молодых колхозников, которые постоянно следят за модой и стараются не отстать в этом отношении от городских жителей.

Пища и утварь

Основу питания мишарей издавна составляла растительная пища, прежде всего продукты, получаемые из хлебных злаков (ржи, проса, полбы, овса и отчасти пшеницы, а также из гречихи). Известное значение имели также бобовые культуры (горох и чечевица). Особенно широкое применение имела ржаная мука. Она прежде всего шла на выпечку хлеба и других изделий. Кроме того, ее использовали в виде приправы к жидким блюдам. Пшеничная мука использовалась лишь для приготовления праздничных блюд. Довольно широкое применение имела гороховая мука как в качестве приправы к жидким блюдам, так и для изготовления разнообразных печений. В небольших количествах, главным образом для приготовления блинов, использовали пшеничную, гречневую и овсяную муку.

Предметы кухонной утвари:

а — лапан, б, г — киле, в — кисап, д — маленка, е — соскоч, ж — тирмаи, з — жуллуч

Крупы шли на заправку жидких блюд и для приготовления каши. Зерно на муку мололи на механических мельницах, а на крупу — на крупорушках, оборудованных на мелких речушках края. В Лямбирском районе больше были распространены ветряные мельницы.

Для обработки небольшого количества зерна в крестьянских хозяйствах имелись несложные ручные приспособления. Так, для обдирки крупы применяли деревянные ступы (киле), аналогичные бытовавшим среди других народов Среднего Поволжья. В этих ступах высушенные зерна толкли двусторонними пестами (кисап).

Для помола зерна, например пшена на муку для блинов, пользовались ручными мельницами, также широко распространенными у всех народов края.

Ручные мельницы и ступы на территории Средней Волги имеют большую древность, их происхождение связано с развитием земледелия у народов этого края. Как уже отмечено в предыдущей главе, в исследуемом крае подобные жернова известны с середины I тыс. н. э. Это примитивное приспособление для размола муки мишари называют по традиции *тирмэн*, в то время как механические мельницы они называют *милчэ* (от русского — мельница), *дзил милчэ* (ветряная мельница), *су милчэсе* (водяная мельница).

Начиная со второй половины XIX в. большое значение в питании крестьян приобретает картофель (*картук* или *йералма*). Блюда из картофеля в различном приготовлении занимали основное место в повседневной крестьянской пище, в значительной степени вытесняя всякие мучные блюда и каши. Картофель хранили в подполье (*пол асты*) или в погребе (*баз*).

По сведениям информаторов, татары-мишари издавна употребляли репу, морковь, редьку, лук и тыкву. Большинство из этих овощей употребляли в пищу как в сыром, так и вареном виде. Из тыквы готовили каши и начинку для пирогов. Некоторое значение в пище имели капуста и огурцы, употреблявшиеся как в свежем, так и в соленом виде. Но по сравнению с русским населением края мишари значительно меньше занимались заготовкой овощей впрок.

Весной, особенно в неурожайные годы, в качестве приправ к жидким блюдам использовали дикорастущие растения: борщевик (*балтырган*), щавель (*какы*), дикий лук (*кыр суганы*), белую лебеду (*алабута*). Кроме того, мишари широко употребляли всевозможные ягоды и лесные плоды (малину, смородину, вишню, дикие яблоки), делали из них сухую пастилу (*кагыт*). Особенное предпочтение отдавалось калине (*малан*). Из нее готовили начинку для пирогов в виде каши. Кроме того, ее заготавливали впрок в замороженном виде. Татары-мишари лесных районов употребляют в пищу и грибы, что не характерно для казанских татар. Заметим, что гриб в лексике мишарей называется мордовским термином *панга* или русским *герерб*. Татары-мишари дер. Азеево Рязанской обл. различают *ак герерб*, *осак геребе*, *каен геребе* и др.

Следующее по значению место после хлебных злаков и картофеля в питании мишарей занимали продукты животноводства. Как и у всех тюркских народов края, мясо-молочная кухня у них довольно разнообразна. Особенно богата молочная кухня. Молоко главным образом использовалось в переработанном виде. От молока путем отстаивания⁷³ отделяли сливки (*каймак*).

Из скисшего каймака сбивали масло (*чи май*). Пахту (*эйрэн*) полученную при сбивании масла, использовали в качестве напитка, сдобы для теста, подавали на стол с отварным картофелем и, наконец, из нее готовили своеобразную окрошку. Из снятого молока изготавливали квашеный продукт — *катык*. Для приготовления катыка молоко предварительно кипятят, затем разливают в горшки. Когда оно остывало до температуры парного молока, его заквашивали небольшим количеством старого катыка. Заквашенное молоко на несколько часов ставили в теплое место, отчего оно превращалось в густую однородную массу, затем его ставили в погреб. В питании мишарей катык имел очень широкое применение. Его употребляли в качестве самостоятельного блюда, им же заправляли жидкие блюда, из него готовили жаждоутоляющий напиток (*язма* или *эйрэн*) и своеобразный вид творога (*сөзмә*).

Катык в таком виде, в каком он изготавливается у мишарей, известен казанским татарам, башкирам, якутам чувашам и другим тюркоязычным народам⁷⁴. Подобный способ приготовления кислого молока известен и мордве⁷⁵. Они, как и мишари, из кислого молока делали жаждоутоляющий напиток. Следует отметить, что мордва-мокша Пензенской области, как и татары, называют творог термином *сөзмә*.

Как известно, квашение молочных продуктов прежде всего свойственно народам тюркской языковой группы. Однако, в отличие от многих тюркских народов, в том числе и башкир, которым присуща заготовка молочных продуктов впрок в виде «корт» (путем сушки на солнце), у мишарей заготовка их практиковалась на непродолжительный срок. В этом отношении молочная кухня мишарей напоминает казанско-татарскую и чувашскую, где заготовка квашеных молочных продуктов впрок производилась лишь путем отжимания сыворотки (типа *сөзмә* и *чыгыт*). Кстати, подобный продукт, путем отделения от кислого молока сыворотки, готовила также мордва⁷⁶. Наличие квашеных молочных продуктов типа *катык* и *сөзмә* у мордвы, возможно, представляет результат длительного совместного проживания их с мишарями.

Для хранения молока использовали глиняные кринки и горшки. Масло сбивали в деревянных маслябойках, ящичных пахтаницах или просто в горшке при помощи мутовки. Маслябойки представляли собой цилиндрические кадushки из липы высотой до 1 м и диаметром до 25 см. Сбивание масла производили в них при помощи деревянной палки с насаженным на конце диском с дырочками (*нейкәк*). Бытовали также пахтаницы, имевшие

вид продолговатого ящика с крышкой. Внутри него помещался металлический стержень с лопастями. К одному концу этого стержня с наружной стороны приделана ручка, вращением которой приводят в движение лопасти внутри ящика.

Мясо мишари употребляли в пищу почти так же, как и другие народы Среднего Поволжья. Следует отметить, что, будучи мусульманами, они не употребляли свинину. Больше всего ценилась баранина, затем говядина. Употребляли в пищу также конину, мясо домашней птицы.

Заготовку мяса впрок производили путем соления. Для этого тушу крупного рогатого скота, лошади или овцы разделявали на куски весом 1—2 кг, обильно и тщательно солили каждый кусок и укладывали в кадушки (*чапчак*), которые ставили в подвал или в клеть. Тушки птиц (гусей и уток) засаливали целиком и также хранили в подвалах, подвешивая к потолку. Зимой мясо хранили в замороженном виде. Заготовка мяса впрок путем сушки у мишарей уже давно не применяется. Может быть, отголоском этого способа является заготовка впрок колбасы из конины (*казы*). Казы готовили следующим образом. Тщательно выскобленную и вымытую прямую кишку лошади, предварительно завязав один ее конец, очень плотно начиняли тонко нарезанными подсоленными кусками жирного мяса, взятого из брюшной части; при наполнении особо внимательно следили, чтобы в кишке не оставалось воздуха. Для этого кишку по мере заполнения в нескольких местах прокалывали шилом, чтобы выдавить воздух. После заполнения кишки завязывали другой ее конец. Несколько десятков наполненных таким образом колбас подвешивали на чердаке, для сушения в течение зимы и весны. Казы заменял мясо: из него варили суп или просто так ели с хлебом.

Заготовка колбасы рода казы практиковалась у казанских татар, башкир и у других тюркских народов⁷⁷.

Во второй половине XIX—начале XX в. из-за бедности основной массы крестьян продукты животноводства составляли незначительную часть рациона в их питании. Мясные продукты шли главным образом на сдабривание жидких блюд.

Что касается яиц, то их роль в повседневной пище была весьма незначительна. В основном они шли на продажу, и только небольшая часть предназначалась для собственного потребления.

Рыба у мишарей считалась редким и лакомым блюдом, так как в мелких речушках, около которых расположено большинство мишарских населенных пунктов, она не водилась.

Покупные продукты в питании крестьян занимали очень небольшое место. Лишь изредка с базара привозили сушеную рыбу, ситный белый хлеб, чай, сахар, а детям — баранки и пряники. Чай и сахар далеко не всегда употреблялись в повседневной пище. Даже в зажиточных семьях употребление сахара было ограниченным.

В прошлом, когда у татар-мишарей было развито бортничество, значительный удельный вес в их питании составлял мед. Однако в конце XIX—начале XX в. в связи с уменьшением объема пчеловодства мед потерял свою былую роль в качестве продукта питания. Его применяли главным образом лишь для приготовления напитков и ритуальных блюд.

В питании мишарей определенное место занимали жиры. Из жиров растительного происхождения больше использовалось конопляное масло, а из животных жиров — баранье и конское сало.

* * *

Все кушанья татаро-мишарской кухни можно разделить на три группы: жидкие блюда, вторые блюда из круп и картофеля и разнообразные печеные изделия из теста.

Основу питания составляли жидкие блюда (*шурба*). Существовали два основных названия жидких блюд: *шти* (у темниковских мишарей), *урэ* (у сергачской группы). *Шти*, как и *урэ*, варили на мясном бульоне и заправляли картофелем, крупой или капустой. Мясо в супы клали большим куском, его разрезали на кусочки после того, как оно уже сварится. Весной и летом *шти* часто готовили без мяса, заправляя лишь жиром и луком (*сыванаш*). К жидким блюдам относилась также *салма*. В отличие от *шти* или *урэ* *салма* обязательно содержала кусочки круто замешенного теста (ржаного или пшеничного). В зависимости от формы этих кусочков *салма* у темниковских мишарей имела два названия: *кискэн салма* и *мурчи салма*. В первом случае кусочки теста представляли собой тонко нарезанные полоски. Тесто для *мурчи салма* не резалось ножом, а просто отрывалось кусочками и путем легкого надавливания большим пальцем закручивали, придавая форму ракушки. Разновидностью *салмы* являлся *чумар*, который напоминал суп с клецками. *Салма* и *чумар*, как правило, варили на воде, заправляли во время еды катыком.

Мучные приправы в супы в виде кусочков из теста широко распространены у всех тюркских народностей Поволжья и При-

уралья: у казанских татар (*токмач, салма, чумар*), чувашей (*салма, самах*), башкир (*сумар, халма, тукмас*)⁷⁸. Подобное блюдо было распространено и у финно-угорских народов (мордвы, восточных марй и южных удмуртов), т. е. у тех народов, которые издавна находятся в постоянном контакте с тюркоязычными народами. Кстати, у мордвы *салма* представляет также традиционную пищу⁷⁹, что говорит об очень древних культурных связях с татарами-мишарями.

К жидким блюдам мишарей относится еще своеобразная похлебка из крупы, чаще из пшена, сваренная на молоке. У темниковских мишарей она называется *урэ*, у сергачских — *сетлаш*. Похлебка из крупы, заправленная молоком или катыком, широко употреблялась в питании казанских татар, башкир и других народов.

У темниковских мишарей в летнее время года любимым блюдом была окрошка из кваса и айрана с мелко нарезанным зеленым луком, огурцом и круто сваренным яйцом. Как известно, это блюдо употребляли летом. Оно характерно для русского населения, откуда оно и попало к татарам-мишарям.

В питании мишарей некоторое значение имели пельмени с разнообразной начинкой (из мяса, творога, конопляных семян и гороха). Все виды пельменей, кроме мясных, подавали на стол без бульона, заправив сметаной или айраном.

Значительное место в пище мишарей занимали каши из разнообразных круп, сваренных на молоке или воде. Особенно широкое употребление имела пшенная каша. Она являлась не только повседневным кушанием, но представляла еще и праздничное и обрядовое блюдо. Во время свадебной церемонии ею кормили подруг невесты — *тушакче кызлар*. Во время званых обедов из пшена варили *сальник*, представляющий кашу, сваренную в бараньем сале в закрытом горшке в печке.

Блюда из пшена (пшенная каша, блины из пшенной муки) и у мордвы представляют главный вид ритуальной пищи при семейных и общественных обрядах⁸⁰. По мнению В. Н. Белицер, «значительные посевы у мордвы таких древних южных культур, как просо», указывают на связи земледелия мордвы с волжскими булгарами⁸¹. Как известно, для волжских булгар выращивание проса было очень характерно. На широкое применение проса в их пище указывал еще Ибн-Фадлан⁸². Надо думать, что в формировании единых блюд у этих двух разноэтнических групп большую роль сыграли традиции древнетюркских племен края.

Для приготовления жидких блюд, картофеля и каши в большинстве групп мишарей пользовались котлами. Лишь темников-

ские и лямбирские мишари эти блюда готовили, как и русские, в печи в глиняных горшках и чугунах.

Обеденная посуда состояла из деревянных или глиняных чашек, деревянных ложек и солонок; суп наливали в чашку деревянным половником. В конце XIX в. в связи с развитием товарно-денежных отношений в деревню стала проникать металлическая, стеклянная и фарфоровая посуда. Однако она была доступна лишь зажиточной верхушке. Основная же масса крестьянства продолжала пользоваться деревянной и глиняной посудой.

Исключительно важное место в питании мишарей исследуемой территории занимали разнообразные печения из муки, в первую очередь хлеб. Способы приготовления хлеба и инвентарь аналогичны приемам и инвентарю у других народов Среднего Поволжья. Так, с вечера в липовой квашне затевали на закваске жидкое тесто (закваской служил небольшой кусок кислого теста, оставшегося от предыдущей выпечки). Затем это тесто ставили до утра в теплое место для выквашивания. Утром в него добавляли муку и замешивали уже густое тесто, которое затем (после того, как оно подойдет) разделявали на караваи и раскладывали в специальные хлебные чашки (*тавич*). Выпекали хлеб на поду русской печи, предварительно очистив его от золы влажным тряпичным помелом (*пумала*). Хлеб сажали в печь при помощи широкой деревянной лопаты (*кэрзак*).

Выпечка хлеба из пшеничной муки (*йомшак*) в рассматриваемое время среди основной массы крестьянства не была распространена. Чаще в праздничные дни, как правило в пятницу, из пшеничного кислого теста пекли различные лепешки (*кабартма, оч, пышка, кыекча* или *умак*).

Обращает на себя внимание в кулинарии мишарей разнообразие пресных изделий. Наиболее древним и широко распространенным печением являлось *чигелдэк*, по форме и размеру напоминающее конфеты-«подушечки». Для изготовления *чигелдэк* чаще пользовались пшеничной или ржаной мукой. Для пышности тесто замешивали на айране, добавив в него топленое масло. Как правило, *чигелдэк* пекли на поду русской печи. Это печение имело исключительно культовое значение: им угощали детей во время календарного обряда «чип-чип» (см. гл. IV), обсыпали новобрачных во время свадьбы (см. гл. III).

Таким же древним печением, по нашему мнению, является *күмәч* — пресная лепешка диаметром 15—20 см, тесто для которой замешивали из полбенной или пшенной муки на кислом молоке, с добавлением топленого масла. *Күмәч* пекли также на

поду русской печи, как и хлеба, а иногда на сковороде. *Кумач* считался ритуальной пищей. Его пекли во время свадьбы в доме невесты с тем, чтобы дать ей с собой в дом жениха для угощения собравшейся у ворот толпы (невеста раздавала его по кусочкам), а также для умиловления водяного (когда невеста первый раз, в сопровождении девушек, ходила за водой, то, прежде чем набрать воды, она в речку или колодец бросала кусочки *кумач*).

Некоторые пресные изделия, в отличие от только что описанных, не пекли, а жарили в кипящем масле в котле. К ним прежде всего следует отнести *юача* и *катлама*. *Юача* по форме напоминает чигелдэк⁸⁴, готовится из сдобного теста и, как уже упоминалось, жарится в масле. В сергачской группе это печенье называется *цигелдэк*.

Для приготовления катламы тесто расщипывают в сочни, затем разрезают на отдельные ленты шириною 5—7 см. Каждую такую ленту слегка закручивают вокруг указательного пальца или вокруг палочки и опускают в кипящее масло. Для того чтобы тесто сохранило спиральную форму, его подправляют при помощи той же палочки.

Все эти пресные изделия характерны прежде всего для пищи тюркоязычных народностей. Так, мишарский *чигелдэк* (а также *юача*) особенно напоминает казанско-татарский, башкирский и казахский «бавырсак», чувашскую «йаву»⁸⁴. Катлама мишарей также напоминает катламу казанских татар. В эту же группу печений следует отнести еще мишарский *жэймэ*, который по форме и по способу приготовления соответствует «*чэлпэк*» и «*жука*» казанских татар⁸⁵.

Любимым блюдом мишарей являлись блины. На их изготовление употребляли различные сорта муки: пшеничную, пшеничную, гороховую, гречневую, овсяную. В большом ходу были пшеничные блины (*ту белене*), приготовляемые следующим образом: из пшеницы варили жидкую кашу, добавляли немного пшеничной муки, все это тщательно размешивали и ставили преть в теплое место. Вечером в тесто вливали закваску, разведенную в теплой воде, добавляли пшеничной муки, клали немного соли и, тщательно перемешав, давали тесту подойти. Выпечку производили на сковороде в русской печи при хорошо разгоревшихся дровах и когда под достаточно прогрелся.

Употребление блинов из пшеничной муки характерно также для казанских татар, низовых чувашей⁸⁶ и мордвы⁸⁷. У последних способ приготовления пшеничных блинов аналогичен мишарскому.

Как уже отмечалось, наличие таких блюд из пшеницы у этих народов указывает на их древние культурные контакты.

Некоторое значение в пище мишарей, главным образом в качестве ритуальной (угощение впервые пришедшего зятя), имели оладьи (*чочели кимак*).

Довольно заметное место в питании мишарей занимали печеные изделия с начинкой. К ним прежде всего относятся всевозможные пироги, под общим названием *бэлеш* (фруктовый *бэлеш*, *алма бэлеше*, *кабестэ бэлеше* и др.). Обращает на себя внимание несоответствие формы мишарского бэлеш его названию. Дело в том, что по способу приготовления это изделие ничем не отличается от пирогов русского населения Среднего Поволжья. Бэлеш, имеющие форму усеченного конуса, с отверстием сверху, характерные для кулинарии казанских татар⁸⁸, не были известны мишарям. М. и К. Губайдуллины также отмечают, что мишари не умеют готовить настоящих бэлешей, какие делаются казанскими татарами, и допускают мысль о заимствовании их мишарями от казанских татар⁸⁹. Возможно, это и так. Но следует отметить, что мишарям известна и другая своеобразная форма бэлеша — *төпсез бэлеш* (буквально: «бэлеш без нижней корки»). *Төпсез бэлеш* в самом деле не имеет нижней корки, ибо содержимое его (мелко нарезанные кусочки жирного мяса и картофеля) кладется не на тесто, а непосредственно в горшок, заправляется луком, солью, перцем и сверху закрывается тонким слоем теста. Кстати, подобные бэлешы бытовали и у других групп татар. Так, по сообщению Г. В. Юсупова, под названием «чулмэк бэлеше» они бытовали у пермских татар.

Весьма возможно, что *төпсез бэлеш* или *чулмэк бэлеш* представляет более раннюю форму бэлешей. Определяющим признаком этого блюда, вероятно, являлась начинка, состоящая из мяса. Очевидно, мишари, в отличие от казанских татар, в большей степени сохранили наиболее ранние формы культуры древнетюркских племен. Это, по нашему мнению, объясняется тем, что они, живя в окружении иноязычных народов, в большинстве случаев не стали развивать свои традиции, а лишь восприняли отвечающие их потребностям элементы культуры своих соседей.

Своеобразную группу печений составляют *пэрэмэчи*, по форме напоминающие ватрушку. Перемечи бывают: с мясной начинкой (*ит пэрэмэче*), творожной (*мешке пэрэмэче*), картофельной (*картук пэрэмэче*) и из конопляных семян (*киндераш пэрэмэче*). Эти печения также представляют традиционную пищу тюркских народов края. На это указывает и термин *пэрэмэч*, состоя-

щий из двух тюркских слов: *бэйрэм* (праздник) и *аш* (пища), которые в сочетании означают *бэйрэмышы* (буквально: праздничная пища). По способу приготовления перемечи напоминают одноименные изделия казанских татар и чувашей⁹⁰.

Напитки, прежде всего хмельные (*буза*), татары-мишари, как и другие народы Среднего Поволжья, готовили из ржаного или ячменного солода. Во второй половине XIX в. в качестве хмельного напитка употреблялся также *бал*, который готовился из пчелиного меда. Для этого мед разводили водой (в пропорции 1:3), добавляли хмель, дрожжи и в течение недели выдерживали в закупоренной бочке.

Напиток из меда имеет широкое распространение у народов Среднего Поволжья и Приуралья, у казанских татар и башкир — «ачы бал», у чувашей — «сим пыл», у мордвы — «пуре» и т. д.⁹¹

Из неалкогольных напитков мишари, так же как и казанские татары, особенно любили чай. Несмотря на то что в быт татар-мишарей чай проник уже давно, основная крестьянская масса употребляла его редко, в большинстве случаев для заварки пользуясь фабричным фруктовым чаем или натуральными плодами шиповника (*аю камыры*), мятой (*мэтрүшкэ*) и т. д.

Вместе с тем, как уже отмечалось, широко употреблялся мишарями в качестве напитка *язма* или *айран*, получаемый путем разбавления кислого молока (*катык*) водой.

Из древних неалкогольных напитков следует отметить также *ширбат* (сладкая вода), имевший лишь ритуальное значение.

Состав пищи менялся в зависимости от времени года. Так, осенью и зимой в меню крестьянских семей преобладали каши, разнообразные печеные изделия; сравнительно часто употребляли мясные блюда. Весной же не только не было мяса, но существенно ограничивались даже мучные и крупяные блюда; преобладали молочные продукты. Что касается лета, то оно было самым трудным периодом года в смысле питания. Большинство крестьянских семей в этот период вели полуголодное существование.

* * *

После победы колхозного строя в татарскую деревню пришел материальный достаток, что, естественно, сказалось в улучшении питания населения. Татаро-мишарская кухня, сохраняя свою самобытность, обогатилась как количественно, так и качественно. По сравнению с прошлым в питании колхозников значительно увеличилось потребление овощей. Широкое распрост-

ранение получили такие малоизвестные для старой доколхозной деревни овощи, как редис, помидоры. В последние годы, в связи с развитием садоводства, значительное место в питании татарского населения занимают фрукты. Широко практикуются такие в прошлом малоизвестные и недоступные крестьянам способы заготовки фруктов впрок, как консервирование. Увеличилось также потребление мяса, молока, масла. Мясные блюда, яйца, сливочное масло превратились в повседневную пищу каждой колхозной семьи. Татары-мишари по-прежнему больше употребляют в пищу баранину и говядину, изредка — конину. Свинина в пищу мишарей широкого распространения не получила. Но колбасные изделия из свинины охотно употребляются.

Благодаря росту материального достатка колхозников, особенно после введения денежной оплаты труда, большую роль в питании начали играть фабричные пищевые продукты, как макаронные, вермишель, манная крупа, рис, всевозможные рыбные изделия и т. д. Сахар, конфеты и другие кондитерские изделия не переводятся в колхозных семьях.

Одновременно с изменениями в пище и питании обновилась утварь и посуда. Вместо деревянной и глиняной посуды в современной семье широкое распространение получила эмалированная, алюминиевая, фаянсовая, стеклянная, пластмассовая и капроновая посуда. Повсюду пользуются металлическими ложками, вилками фабричной выделки. В быт вошли такие кухонные приборы, как мясорубка, терка для овощей, соковыжималки, соковарки и т. д. Из традиционной домашней утвари продолжают применять лишь некоторые виды деревянной и гончарной посуды (глиняные кринки, горшки), необходимые в условиях сельского быта.

¹ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 139—140.

² Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваш. Чебоксары, 1956, стр. 163—168 (далее — Н. И. Воробьев и др. Чуваш).

³ А. А. Гераклитов. Алатырская мордва по переписи 1624—1626 гг. Приложение. «Материалы для историко-географического словаря мордовских селений». Саранск, 1938, стр. 32—41.

⁴ Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, стр. 108.

⁵ В. В. Езев. Самобытное расселение народностей Казанского края. «Вестник Научного общества татароведения», № 8. Казань, 1928, стр. 56.

⁶ Г. Ахмаров отмечает, что населенные пункты с названием «по качеству воды» (Аксу, Суыксу, Куйсу) прежде всего присущи мишарям, что сближает их с тюркоязычными народами Средней Азии и Западной Сибири, у которых также бытуют подобные названия селений и речек (см. его работу «О языке и народности мишарей», стр. 129—130).

- ⁷ Е. П. Бусыгин. Русское население Среднего Поволжья, стр. 215.
- ⁸ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 148.
- ⁹ А. Ф. Рудольфи. Указ. соч., стр. 72.
- ¹⁰ С. В. Глатов. Указ. соч., стр. 99.
- ¹¹ Е. П. Бусыгин. Указ. соч., стр. 221; Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Востоочнославянский этнографический сборник», М., 1956, стр. 173.
- ¹² К. А. Соловьев. Жилые крестьян Дмитровского края. М., 1930, стр. 76.
- ¹³ В. Н. Белицер. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в. «Исследования по материальной культуре мордовского народа». М., 1963, стр. 168.
- ¹⁴ Е. И. Горюнова. Развитие жилища у мордвы. «Исследования по материальной культуре мордовского народа», стр. 130—131.
- ¹⁵ Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Дафта. СПб., 1869, стр. 32—33.
- ¹⁶ Е. И. Горюнова. Селение Полянки. КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 106.
- ¹⁷ «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. 1. Губернии Центральной земледельческой области. СПб., 1880, стр. LXI.
- ¹⁸ С. П. Толстов. Нацмены ЦПО. Госмузей Центральнопромышленной области. М., 1928, стр. 26.
- ¹⁹ Раньше вместо причелин делали «басткыч», представлявший параллельно идущие жерди, связанные между собой поперечинами.
- ²⁰ Для раствора применяли только жирную глину, так как прибавляемая к ней солома является отощителем.
- ²¹ Обращает внимание аналогия этого термина с названием дымового отверстия юрты тюркских народов.
- ²² В. Н. Белицер. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в., стр. 168.
- ²³ То, что задняя стена, к которой примыкают сени, была фасадной, подтверждается и тем, что в мишарском диалекте сени называются тем же термином, что и фасад («ызба алны»).
- ²⁴ Это название, вероятно, исходит от слова *казан* — котел.
- ²⁵ В. Н. Белицер. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в., стр. 173.
- ²⁶ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. «Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. X. М., 1951, стр. 92.
- ²⁷ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 228—232.
- ²⁸ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 1. СПб., 1799, стр. 12.
- ²⁹ Фонд Отдела народов Поволжья и Приуралья, коллекц. 360-8.
- ³⁰ В краеведческом музее г. Ульяновска хранятся рукописи краеведа И. Н. Юркина, среди которых имеются данные и по материальной культуре мишарей Карсунского уезда Симбирской губернии. Характеризуя женскую одежду мишарей указанной группы, И. М. Юркин отмечает, что «женский костюм у мишарей имеет большое сходство с женскими костюмами низовых чуваш» (ф. 269, оп. 1, д. 12).
- ³¹ Цит. по кн.: Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 343.
- ³² «Историко-этнографический атлас народов Сибири». М.—Л., 1961, стр. 29.
- ³³ С. П. Толстов. Нацмены ЦПО, стр. 24.
- ³⁴ Л. П. Потапов. Одежда алтайцев. «Сборник Музея антропологии и этнографии», XIII, Л., 1951, стр. 52.
- ³⁵ Н. Гаген-Торн. Женская одежда. Чебоксары, 1960, стр. 60.
- ³⁶ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 129.
- ³⁷ Н. Гаген-Торн. Указ. соч., стр. 60.
- ³⁸ С. В. Иванов. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. «Сборник МАЭ», XVI, 1955, стр. 237.
- ³⁹ Дм. Клеменц. Заметка о тосях. «Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества», т. XXIII, № 4—6. Иркутск, 1892, стр. 25.
- ⁴⁰ Г. Ахмаров. Указ. соч., стр. 154.
- ⁴¹ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 123.
- ⁴² К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964, стр. 138.
- ⁴³ О. Л. Вильчевский. Айсоры. Народы Передней Азии. М., 1957, стр. 297.
- ⁴⁴ С. Д. Лисициан. Очерки этнографии дореволюционной Армении. «Краткие этнографические сообщения ТИЭ». М., 1955, стр. 229.
- ⁴⁵ К. Т. Каракашлы. Указ. соч., стр. 138.
- ⁴⁶ Там же, стр. 154.
- ⁴⁷ А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, табл. VIII, рис. 121.
- ⁴⁸ С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулунские курганы. М.—Л., 1962, стр. 90.
- ⁴⁹ И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1964, стр. 166.
- ⁵⁰ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 67.
- ⁵¹ С. П. Толстов. Нацмены ЦПО, стр. 25.
- ⁵² П. С. Паллас. Путешествия по разным провинциям Российского государства, т. 1. СПб., 1773, стр. 573.
- ⁵³ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 274; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 195.
- ⁵⁴ Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 298—305.
- ⁵⁵ Архив краеведческого музея г. Ульяновска, ф. 269, оп. 1, д. 12.
- ⁵⁶ «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства», часть 1, стр. 160.
- ⁵⁷ М. Т. Маркелов, С. П. Толстов. К истории терюханской народной культуры. «Этнография», 1928, № 12, стр. 117.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 275—280; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 193; Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 311—312.
- ⁶⁰ «Очерки общей этнографии. Азиатская часть». М., 1960, стр. 225, 248, 264.
- ⁶¹ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 57.
- ⁶² Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 281.
- ⁶³ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 188; Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 292, 293.
- ⁶⁴ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 301.
- ⁶⁵ Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 322; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 182; «Декоративно-прикладное искусство башкир», стр. 217.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 303; Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 319; В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 78.
- ⁶⁸ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 304.
- ⁶⁹ Там же.

Семья и брак

- ⁷⁰ «Касидэ» — иранское слово, означающее «куплет», т. е. отрывок из произведения, в данном случае — из Корана или другой религиозной книги.
- ⁷¹ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 187.
- ⁷² Одновременно с перевязями имеющими двойное назначение, у мишарей бытовали перевязи «буй бөтү», которые предназначались только для хранения амулета. Перевязь-амулет представляла узкую тесемочку, к которой пришит квадратный карман размером 15 × 15 см. Ее носили преимущественно дети. В карман зашивали молитву или заклинание. Иногда эта перевязь-амулет называлась «касидэ».
- ⁷³ Сепараторный способ отделения жировой части молока у мишарей начал применяться сравнительно недавно.
- ⁷⁴ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 319; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 128; Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 354; В. Л. Серошевский. Якуты, т. 1. СПб., 1896, стр. 313.
- ⁷⁵ Е. И. Динес. Традиционная пища и домашняя утварь мордвы. «Исследования по материальной культуре мордовского народа», стр. 109.
- ⁷⁶ Е. И. Динес. Указ. соч., стр. 109.
- ⁷⁷ М. и К. Губайдуллины. Пища казанских татар. «Вестник Научного общества татароведения», № 6. Казань, 1927, стр. 35; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 132.
- ⁷⁸ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 325; Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 364—365; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 128.
- ⁷⁹ Е. И. Динес. Указ. соч., стр. 115.
- ⁸⁰ Там же, стр. 114, 116.
- ⁸¹ «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований». АН СССР, отд. исторических наук, Институт археологии и этнографии». М., 1963, стр. 62.
- ⁸² А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 136.
- ⁸³ У лямбирских мишарей юнча делается из сдобного кислого теста, также жарится в масле и в готовом виде представляет шарик диаметром примерно в 5 см.
- ⁸⁴ М. и К. Губайдуллины. Указ. соч., стр. 38; Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 360; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 128; «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР», стр. 249.
- ⁸⁵ М. и К. Губайдуллины. Указ. соч., стр. 76.
- ⁸⁶ Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 360.
- ⁸⁷ Е. И. Динес. Указ. соч., стр. 114.
- ⁸⁸ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 331—332.
- ⁸⁹ М. и К. Губайдуллины. Указ. соч., стр. 24.
- ⁹⁰ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 330; Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 361.
- ⁹¹ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 337; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 133; Н. И. Воробьев и др. Чуваши, стр. 371; Е. И. Динес. Указ. соч., стр. 120.

Семейно-родственные отношения татар-мишарей во второй половине XIX — начале XX в. представляли сложную и вместе с тем наиболее интересную сторону быта. В них нашли отражение социально-экономические условия, самобытные вековые традиции и в некоторой степени догматы ислама.

Сравнительно замедленный процесс развития капиталистических отношений в Среднем Поволжье обусловил в какой-то степени более длительное сохранение неразделенных семей. Как показывают полевые материалы, неразделенные семьи среди мишарей местами сохранялись до начала XX в. Правда, они уже не представляли абсолютную параллель больших семей эпохи феодализма. С изменениями в социально-экономическом положении крестьян, обусловленными развитием капитализма, эти семьи в значительной степени утратили свои характерные черты и представляли лишь пережиточную форму больших семей, сохраняясь среди зажиточных крестьян, владеющих крупными участками земли и большим количеством скота. Как правило, эти семьи в своем составе имели 3—4 работников мужского пола. И это давало им возможность в условиях капитализма вести свое хозяйство, не прибегая к перестройке его.

Типичным примером большой семьи конца XIX — начала XX в. в Мордовии является семья Мареновых (с. Черемышево Лямбирской волости)¹.

Наш информатор Гарифулла Маренов родился в 1880 г. в неразделенной семье, состоящей из четырех брачных пар. Всего в семье было 4 трудоспособных мужчин, 4 женщины и 9 детей. Семья проживала в двух половинах трехкамерной избы. В более чистой половине размещался глава семьи. Здесь же укладывали

на ночь взрослых детей. В другой половине, которая практически была кухней и столовой и где протекала основная жизнь семьи, размещались все остальные супружеские пары с маленькими детьми. Каждая пара здесь имела свое определенное место. Так, младший сын с женой располагались на *путмар*, средний сын — у двери на конике, а старший на *туре*. Дети определенного места не имели, но, как правило, они располагались на полках.

Эта семья в основном сама себя обеспечивала хлебом, мясом, одеждой и обувью. Все изготовлялось в собственном хозяйстве. Всеми вопросами хозяйственного характера ведал дед нашего информатора. Он являлся главой этой большой семьи. Все доходы от продажи сельскохозяйственных продуктов поступали в общесемейную кассу, которая находилась в распоряжении главы семьи. Зарботки членов семьи также шли в эту кассу. Лишь подаренное являлось личной собственностью того, кого одарили.

Патриархальные порядки в семье требовали беспрекословного подчинения всех ее членов главе. Он производил распределение полевых работ среди членов семьи. При этом он исходил из способностей и опыта работника. Кстати, авторитет члена семьи определялся значением его в хозяйственной жизни. Наиболее ответственную работу, такую как сев, производил сам дед. Пахота и другие не менее ответственные работы в хозяйстве выполнялись также опытными мужчинами. В других работах, как жатва, молотба, сенокос, большое участие принимали женщины. Перевозка с поля снопов, зерна, мякны являлась обязанностью подростков. Кроме того, подростки пасли лошадей.

Трудовой деятельностью женщин в домашнем хозяйстве, где также существовало разделение труда, руководила бабушка нашего информатора, а после ее смерти — старшая сноха². Так, печением хлеба занималась наиболее опытная из женщин, чаще старшая сноха; пищу готовили снохи поочередно, а в праздничные и торжественные дни этим занималась старшая женщина. Менее ответственные, но весьма многочисленные работы по домашнему хозяйству ложились на плечи младшей снохи. Кроме выполнения домашних работ она должна была обслуживать всю старшую родню мужа (*хезмэт бирмэк*), нередко подвергаясь при этом оскорблениям и унижениям.

Как мы уже отмечали, почти все необходимое в хозяйстве и в быту производилось руками самих членов семьи, причем значительная часть этих работ (изготовление пряжи, окраска ниток, ткање, кройка и шитье одежды для всех членов семьи) ложи-

лась на женские плечи. Напомним, что в полёводстве доля женского труда была весьма значительна. Но, несмотря на это, положение женщины в больших семьях было зависимым (авторитетом и даже властью пользовалась лишь старшая женщина семьи). Неполноправными были также младшие члены семьи, независимо от пола. Такая семейная иерархия диктовалась нормами взаимоотношений, складывавшихся в течение веков и впитавших в себя законы патриархального уклада и догм шариата.

К наиболее древним нормам взаимоотношений членов семьи, отражавшим патриархальное и шариатское неравенство внутри семьи, следует отнести обычай избегания, игравший значительную роль в семейном быту татар-мишарей. Так, женщина не имела права называть своего мужа, свекра и всех старших родственников мужа по имени не только при обращении к ним, но и в их отсутствие³. Женщине запрещалось с ними разговаривать, сидеть за одним столом, даже находиться в одном помещении. Так, прежде чем войти в избу, свекор обычно кашлял, чтобы предупредить невесток и дать им возможность скрыться или хотя бы привести себя в надлежащий вид. Избегание распространялось и на более дальних старших родственников мужа, прежде всего на его дядей.

Таким образом, женщина долгое время (иногда в течение всей жизни) должна была соблюдать по отношению к родственникам мужа многочисленные запреты (*кан' тоту*)⁴.

В литературных источниках обычай избегания генетически связываются с довольно ранним периодом общества. Так, А. Дарьинский высказал предположение, что избегание и связанные с ним обычай возникли в процессе перехода от группового брака к моногамному⁵. В то же время известно, что обычай избегания первоначально касались не только женщин. Они равным образом касались и мужчин. Но в силу общего духа патриархального общества запреты, касающиеся мужчин, почти полностью исчезли из быта татар-мишарей. Здесь мы можем привести лишь один обычай, имевший место даже в недалеком прошлом в быту лямбирской группы мишарей, который отражает избегание мужчины по отношению к старшим родственникам (мужчинам и женщинам) жены. Этот обычай состоял в том, что зять в течение одного года, точнее со появления первого ребенка, не имел свободного общения со старшими родственниками жены. Приходя к ним, он обычно садился не на *тур*, а ближе к входу так, чтобы не перейти линии матицы. Это, пожалуй, единственный пережиточный момент обычая избегания мужчин по отношению к старшим родственникам, в первую очередь к

родителям жены. Запреты избегания, касающиеся женщины, наоборот, как бы узаконились окончательно патриархальными и шарнатскими нормами поведения.

Неполноправие младших членов семьи особенно проявлялось при решении вопроса о вступлении в брак. Выбор для них жениха или невесты решали старшие члены семьи. При этом исходили из того, насколько этот брак отвечал интересам семьи. В брачных вопросах придерживались очередности по старшинству. Калым выделяли из общего имущества большой семьи. Что касается приданого, то его целиком готовила та индивидуальная семья, к которой принадлежала невеста.

Однако с проникновением капиталистических отношений патриархальные устои подобных семей ослабевали. Этому во многом способствовало отходничество, которым систематически занимались члены больших семей. Отходничество повышало экономическую самостоятельность и самосознание младших членов семьи, усилило в них стремление к ограничению власти домохозяйина и созданию самостоятельного хозяйства. Это приводило к большим противоречиям, обострению взаимоотношений, к ссорам между членами семьи и, в конце концов, к разделу.

Среди татар-мишарей имели место два вида раздела: частный и общий. Частный раздел имущества не приводил к распаду большой семьи и представлял выход из нее лишь одной семейной ячейки. Такие разделы чаще происходили при жизни отца. Отделившейся ячейке выделяли определенную долю имущества. Но при этом глава семьи старался, чтобы раздел не отразился на экономической жизни семьи. Поэтому отделившейся семье всегда выделяли худшую часть имущества. Частный раздел имущества приводил лишь к частному разрешению конфликта в семье. С выходом одной ячейки противоречия в ней не прекращались и в конце концов приводили к общесемейному разделу. Что же касается семьи Мареновых, о которой мы говорили выше, то здесь произошел общесемейный раздел в 1915 г. Он подготовливался в течение продолжительного времени. Обособление семей начиналось со строительства отдельных изб для сыновей на усадьбе отца. Усадьба Мареновых была расположена вдоль переулка. Значительную часть усадьбы занимал двор. По выражению нашего информатора, во дворе свободно могли разместиться 5 запряженных подвод. Из хозяйственных построек в нем располагались клеть, два *арана*, *пает*, *лапасы*, а в задней части усадьбы — баня и ток с мякинником.

С увеличением семьи все больше уменьшалась свободная площадь. Так, когда семья выросла до 20 человек, на отцовской

усадьбе выстроили фасадом на переулок отдельный четырехстенный дом для старшего сына. А еще через год выстроили еще один, также фасадом на переулок, для второго сына с семьей. Третий сын остался в одной из половин отцовской избы. Каждая семья питалась отдельно, в своем доме. Однако выделившиеся семьи все еще продолжали сохранять единство, ибо они не произвели общего раздела; землю, луга и огород обрабатывали сообща, а урожай делили на равные части между семьями, независимо от их величины. Окончательное обособление малых семей произошло после раздела основных средств: земли, луга, огорода, домашнего скота, инвентаря и надворных построек.

Прямыми наследниками отца являлись сыновья. Поэтому отцовское хозяйство делилось на равные доли между сыновьями. Если общий раздел происходил при жизни отца, то, как правило, младший сын оставался жить с ним. После смерти отца его доля имущества переходила в собственность этого сына.

Имущественные права женщин были ограниченными. При наличии в семье сыновей дочери не участвовали в наследовании земли. Бездетная вдова, состоявшая в браке недолго, уходила обычно к отцу, не получая, кроме своего приданого, ничего из имущества семьи. Если же бездетная вдова жила долго с мужем, то и после его смерти она продолжала жить в его семье. При общесемейном разделе она переходила жить к одному из братьев мужа. Вдова, имеющая сыновей, при разделе хозяйства семьи получала ту часть недвижимого имущества, которая полагалась ее мужу. Вдова же, имеющая лишь дочерей, при общесемейном разделе земли не получала. Она переходила жить к одному из братьев мужа, который получал большую долю имущества и был обязан дать приданое ее дочери.

Процесс разложения больших семей среди различных социальных групп крестьянства проходил по-разному. Так, в среде бедных крестьян, где не было прочной материальной базы, необходимой для сохранения больших семей, процесс распада совершался интенсивнее. Малоземельные крестьяне, по сравнению с зажиточными, вели более подвижный образ жизни, так как для обеспечения средств существования они вынуждены были прибегать к отходничеству. А отходничество служило одной из причин разложения больших семей. Кроме того, разложение больших семей шло неодинаково даже на сравнительно ограниченной территории: более интенсивно в темниковской и гораздо медленнее — в лямбирской группе мишарей Мордовии.

Здесь, безусловно, сыграло роль различие в характере земле- владения. Как уже отмечалось, землевладение у темниковской

группы татар-мишарей было исключительно подворно-наследственным. Это значительно раньше, чем в лямбирской группе, привело к обезземеливанию основной массы крестьян и к более раннему развитию отходничества, ускорившему распад больших семей.

В конце XIX — начале XX в. в татаро-мишарских деревнях исследуемой территории прочно утвердилась малая семья. Согласно подворной переписи 1912 г. количественный состав татаро-мишарских семей по некоторым волостям Пензенской губернии был следующим ⁶:

Волости	Число (в числителе) и процентное выражение (в знаменателе) семей, насчитывающих человек						Всего
	1	2—3	4—5	6—7	8—10	11 и более	
Кривозерьевская (Саранский у.)	$\frac{22}{1,54}$	$\frac{172}{12,2}$	$\frac{410}{29,1}$	$\frac{386}{27,5}$	$\frac{297}{21,1}$	$\frac{121}{8,6}$	$\frac{1408}{100}$
Больше-Полянская (Инсарский у.)	$\frac{2}{0,06}$	$\frac{37}{10,0}$	$\frac{85}{23,0}$	$\frac{110}{29,8}$	$\frac{78}{21,4}$	$\frac{58}{15,6}$	$\frac{307}{100}$
Усть-Рахмановская (Краснослободский у.)	$\frac{31}{1,7}$	$\frac{304}{17,9}$	$\frac{514}{30,2}$	$\frac{448}{26,4}$	$\frac{264}{15,8}$	$\frac{134}{8,0}$	$\frac{1695}{100}$

Вышеприведенные материалы показывают, что в 1912 г. в Кривозерьевской, Усть-Рахмановской и Больше-Полянской волостях преобладали семьи в 4—5 и 6—7 человек. Вместе с тем значительный процент еще составляли семьи, насчитывавшие 11 и более человек. В Больше-Полянской волости они составляли 15,6% общего количества семей, в Кривозерьевской — 8,6%, в Усть-Рахмановской — 8%.

Если большая семья состояла из родственников трех-четырех поколений, то малая семья обычно состояла из двух поколений, т. е. из супружеской пары и их детей, и реже из родителей. В этих семьях, однако, еще долгое время продолжал господствовать привычный уклад, сложившийся в условиях патриархальной большой семьи. Главой всегда был муж, который занимал в семье господствующее положение. Как и в большой семье, в малых семьях существовало разделение между мужским и женским трудом; на долю женщины доставались наиболее трудоем-

кие работы по ведению домашнего хозяйства. Она готовила пищу и кормила членов семьи, носила воду, обшивала и обмырала всю семью, при наличии родителей мужа ухаживала за ними, выполняла полевые, а также огородные работы, ухаживала за домашним скотом и т. д. Единственно, что выигрывала женщина в связи с обособлением в малую семью, это то, что над ней не довлела власть свекра, свекрови и всех старших членов семьи. В вопросах ведения домашнего хозяйства женщина становилась полноправной хозяйкой. Но зато в результате изменения экономических условий семьи домашний труд, которым занималась женщина, все больше обесценивался и перестал носить характер общественно-полезного труда. Поэтому в тех семьях, где женщина была замкнута в кругу домашних работ, она находилась в полной экономической зависимости от мужа. Это было характерно прежде всего для зажиточных семей. Что же касается бедняцких семей, где женщина почти наравне с мужем была занята в производственном труде, положение ее было не столь зависимым. В них семейные вопросы разрешались с участием жены. Тем не менее даже и в таких семьях мужчина обладал большими правами. Это, собственно, обуславливалось самой жизнью крестьянина, каждый шаг которого регламентировался устоявшимися патриархальными обычаями и мусульманскими догмами.

Догмы ислама, в сочетании с патриархальными нормами, отрицательно сказывались на положении женщины в татарской семье. Все имущественные и наследственные права в малой семье находились в руках мужа. Шарият лишил женщину права наследования. Бесправная в момент вступления в брак женщина оставалась столь же бесправной и при разводе. Право развода практически принадлежало одному лишь мужу.

В вопросах изучения структуры семьи и взаимоотношений ее членов немаловажное значение имеет анализ терминов родства и свойства. В связи с окончательным переходом к малой семье, терминология родства и свойства татар-мишарей несколько упростилась. Предан забвению ряд специальных терминов некоторых степеней родства: различие между терминами родства по отцу и родства по матери почти начисто сnivelировалось. Но тем не менее терминология родства и свойства у мишарей значительно богаче, чем у казанских татар. Особенно богата она в темниковской, керенской, кузнецкой и кулаткинской группах. Для них характерны термины *тудыка*, *тумачи*, *торачи*, которые отражают несколько своеобразную систему отношений. Что касается терминологии родства и свойства мишарей сергачской, инсарской, корсунской и лямбирской групп, то у них отличие от терминологии

гни казанских татар в основном сводится лишь к фонетическим различиям.

Характерной чертой терминологии родства и особенно свойства у мишарей всех групп является наличие большого разнообразия звательной формы при обращении. Ниже при анализе материала по двум группам мишарей: I — темниковской и II — сергачской мы попытаемся показать эти особенности⁷.

Как известно, система родства окостеневает, и только через долгие промежутки времени она регистрирует изменения, происшедшие в семейных отношениях. Поэтому не удивительно, что мы обнаруживаем некоторое несоответствие между терминами родства и отношениями, бытующими в современной семье.

Коротко остановимся на этом.

Для обозначения одной и той же родственной категории, в зависимости от возраста говорящего (-ей), татары-мишари применяют различные термины: *абзий* — старший брат, *брат* — младший брат, *тэтэй* — старшая сестра, *сеңел* — младшая сестра.

В отношении же тех родственников, которые с точки зрения современной системы родства находятся в различных родственных отношениях, применяется один общий термин. Например, термин *дэдэй* (в темниковской группе) употребляется для обозначения мужских родственников со стороны отца и матери: брата отца, брата матери, сына брата отца отца, сына сестры отца отца, сына сестры матери отца, сына брата матери отца, сына брата отца матери, сына сестры матери матери.

В сергачской группе термин *абзий* охватывает значительно больший круг родственников старше говорящего (-ей): сына брата отца отца, сына сестры отца отца, сына сына брата отца отца, сына брата матери отца, сына дочери брата отца отца, сына сестры матери отца, сына сына брата матери отца, сына дочери брата матери отца, брата отца, сына брата отца, сына сестры отца, сына сестры матери, брата матери, сына брата матери, старшего брата.

Таким образом, в сергачской группе *абзий* обозначает не только старших мужских родственников отца и матери, но также и родных, двоюродных, троюродных братьев старше говорящего (-ей), т. е. здесь характерно слияние названий родства по прямой и боковой линиям в общий термин для родственников прямого и коллатериального родства.

Термин *түти* в первой группе обозначает старших родственниц со стороны отца и матери: сестру отца, сестру матери, дочь брата отца отца, дочь сестры отца отца, дочь брата матери отца, дочь сестры матери отца, дочь брата отца матери, дочь сестры

отца матери, дочь брата матери матери, дочь сестры матери матери. Для обозначения старшей сестры говорящего (-ей) здесь применяется термин *тэтэй*.

В сергачской группе термин *тэтэй* в зависимости от возраста говорящего (-ей) применяется для обозначения: дочери дочери брата отца отца, дочери сына брата отца отца, дочери брата матери отца, дочери сестры матери отца, дочери сына брата матери отца, дочери дочери брата матери отца, дочери брата отца, сестры отца, дочери сестры отца, сестры матери, дочери сестры матери, дочери брата матери, старшей сестры.

Таким образом, термин *тэтэй* употребляется здесь для обозначения старших родственниц разных степеней родства, включая родных, двоюродных и троюродных сестер (старше говорящих). Здесь опять-таки налицо слияние названий родства по прямой и боковой линиям в общее название для родственников прямого и коллатериального родства.

Таким образом, термины для обозначения отдельных родственников различаются между собой не столько по степени кровной близости к говорящему (-ей), сколько в возрастном отношении.

Индивидуальными являются лишь термины *эти* (мой отец), *эни* (моя мать). Что касается остальных родственников, то они разделяются по отношению к говорящему (-ей) на старших и младших. Исключение составляют лишь термины *тудыка*, *тумачи* и *торачи*⁸.

Термин *тудыка* обозначает: сына брата отца, дочь брата отца, сына сестры отца, дочь сестры отца, сына брата матери, дочь брата матери, сына сестры матери, дочь сестры матери, т. е. двоюродных братьев и сестер.

Термином *тумачи* называют: сына брата отца отца, дочь дочери брата отца отца, дочь сына брата отца отца, сына дочери брата отца отца, сына сына брата матери матери и т. д., т. е. троюродных братьев и сестер.

Четвертая степень родства называется *торачи*.

Итак, в отличие от сергачской, в темниковской группе мишарей для обозначения двоюродных, троюродных и даже четверюродных братьев и сестер имеются специальные термины, применяемые вне зависимости от пола и возраста. В результате этого одним и тем же термином *тудыка* обозначают и двоюродного брата и двоюродную сестру, независимо от возраста; термином *тумачи* — и троюродного брата и троюродную сестру и т. д.

Среди терминов родства у темниковской группы встречаются и русские заимствования. Например, сына брата, сына сестры,

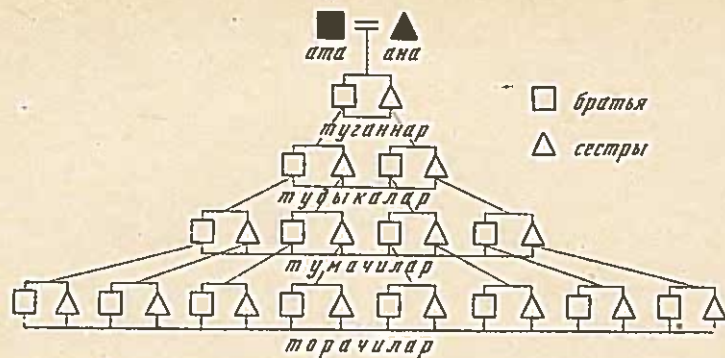

Схема степени родства у темниковской группы мишарей

сына сына брата отца, сына дочери брата отца, сына сына сестры отца, сына дочери сестры отца, сына сына сестры матери, сына дочери сестры матери, сына сына брата матери они называют *пләмәннек*; для обозначения дочери брата, дочери сестры, дочери сына брата отца, дочери дочери брата отца, дочери дочери сестры отца, дочери сына сестры матери, дочери дочери сестры матери применяют термин *пләмәнчә*.

В сергачской группе специального термина для обозначения этих степеней родства нет, здесь родственников этой категории называют *брат* и *сеңел* или дают чисто описательные определения.

Термины свойства в своей основе близки к терминам родства, но только они обозначают родство через брак, а не по крови. Так, жену старшего брата отца, жену младшего брата отца, жену сына брата отца, жену сына сестры отца, жену сына сестры матери, жену брата матери, жену брата, жену сына брата, жену сына сына брата в зависимости от возраста говорящего (-ей) называют *йеңги* (I) или *зеңги* (II) и *килен* (в обеих группах). Мужа сестры отца, мужа дочери сестры отца, мужа дочери брата отца, мужа сестры матери, мужа дочери сестры матери, мужа дочери брата матери, мужа сестры, мужа дочери сестры, мужа дочери, мужа дочери сына в зависимости от возраста говорящего называют *йезни* (I) или *зизни* (II) и *кияу* (в обеих группах).

Итак, в терминологии свойства, как и родства, имеет значение возраст данного родственника по отношению к говорящему (-ей). Поэтому для обозначения одной и той же степени свойства, в зависимости от возраста говорящего (-ей), применяются различные термины. Например: *йеңги* или *зеңи* — муж старшего брата, *килен* — жена младшего брата; *йезни* или *зизни* — муж старшей

сестры, *кияу* — муж младшей сестры; *кан'ага* — старший брат мужа, *кан'эне* — младший брат мужа; *кән'игәч* — старшая сестра мужа, *кан'сеңел* — младшая сестра мужа; *кан'ага* — старший брат жены, *шур'ын* — младший брат жены; *кан'игәч* — старшая сестра жены, *балдыз* — младшая сестра жены.

Для татар-мишарей характерно употребление звательной формы при обращении к родственникам и свойственникам (т. е. форма непосредственного обращения), так как они старались не называть друг друга по имени. Прежде имя человека в какой-то степени являлось «табу».

В звательной форме часто употреблялись те же самые термины, которые указывают на то, «кем приходится» тот или иной родственник по отношению к говорящему (-ей), т. е. обозначают фактическую степень родства.

Как указывалось выше, у мишарей, как и у других групп татар, один и тот же термин применяется для обозначения множества родственников разных степеней родства. Поэтому, чтобы не было путаницы при обращении, к терминам родства прибавляются дополнительные слова: *зур, кечкенә, абыз, ал'ым, кевәз* и т. п.⁹

В темниковской группе для обозначения родственников круга родителей как со стороны отца, так и матери, в звательной форме говорящий употребляет следующие термины: *дәдәй, абыз дәдәй, ал'ым дәдәй*; в сергачской — *абзий, зур абзий, кечкенә абзий, абзыкай*. Для обозначения же родственников круга родителей применяются термины: *тути, абыз тути, ал'ым тути (I), тутакай, абыз тутакай, тәтәй, абыстакай (II)*. По отношению к старшему брату отца при обращении говорящий (-ая) иногда применяет термин *зур агай, зур эти, карт эти*, а по отношению к его жене — *зур анай, зур эни*.

По отношению к собственным родителям говорящий (-ая) в звательной форме употребляет термины: *эти, атай, атакай* (по отношению к отцу), *эни, анай, анакай* (по отношению к матери).

По отношению к родственникам своего круга говорящий (-ая) в звательной форме часто (в зависимости от возраста) применяет те же термины, что и для обозначения степени родства — *азбий, тәтәй (I, II), алмай (II), брат, сеңел (I, II) — тудыка (I), тумачи (I)*. То же самое следует отметить и в отношении звательной формы родственников круга детей говорящего (-ей), для обозначения которых также применяются иногда термины: *пләмәннек, пләмәнчә (I), брат, сеңел (II)*. Для собственных детей в звательной форме применяются термины: *ылым, кызым* (мой сын, моя дочь), которые говорящий (-ая) в звательной форме иногда применяет и по отношению к родственникам круга своих детей.

В звательной форме для этого круга в прошлом применяли своеобразную форму обращения, через имя отца. Например, если отца мальчика звали Вали, то он назывался *Вэли олы* или *Вэли малае*. Такую форму говорящий (-ая) применял иногда и при обращении к своим детям. Например, если муж говорящей Али, то к сыну она должна была обращаться *Али олы*. То же самое характерно и при обращении жены к мужу, т. е. если их старшего сына звали, например, Кярим, то мужа называла *Кярим атасы* (отец Кярима), иногда просто *аталары* или *сыңа ат'ам*. Муж при обращении к жене применял термин: *син, сиңа ат'ам*.

Выше мы отметили звательные формы, употребляемые по отношению к кровным родственникам. Термины, обозначающие степень свойства, в качестве звательных форм применяются несколько реже. Так, например, кроме термина свойственного родства *йеңи* или *зени* употребляются термины: *карт абыз, абыз актакай, аттакай, абыз йынкай, абыз* (I), *тутакай* (II).

Та, которая является *йеңи* или *жиңи* по отношению к говорящему никогда не применяет термина, обозначающего степень родства, и не называет его по имени, а употребляет одну из следующих звательных форм: *сүгәнем морза, ал'ым морза, күркле морза, кевзз агай, матур агай, алим абзаккай, сабыр игай* и т. п. и по отношению к говорящей: *күркле абыз, сүгәнем абыз, күркле туташ, сүгәнем туташ, айлым туташ* (I), *алым абыстакай, кевзз тутай, өзем тутай, тансык абыстакай* (II).

Килен является свойственницей младше говорящего (-ей). Ее говорящий (-ая) также никогда по имени не называет. В темниковской группе обычно к ней обращаются через имя мужа. Например, если ее мужа зовут Ибраһим, то при обращении к ней говорят: *Ибраһим катны килен, Ибраһим катны кызым* или просто *яшь килен, яшь килен абыз*¹⁰. Вне семьи к ней обращались через имя свекра. Так, если свекра зовут Исмаил, то к ней обращались как *Исмаил килене*.

Что касается килен, то при обращении к говорящей она применяла следующие звательные формы: *сүгәнем эни, зур эни, абыз эни, абыз, абыстакай* или *абыз тутаккай, абыз т;ти, ал'ым абыз*. Как видно, в этих терминах еще раз подчеркивается уважение килен к старшей сестре своего мужа.

Термины свойственного родства *йезни* или *кияу* употребляются и при обращении к указанным лицам.

Мужья сестер называют друг друга термином *баз'а*, а жены братьев — *килендэш*. Килендэш при обращении друг к другу употребляют термины: *туганым, тутаккай, аттакай, абыз аттакай* и т. д.

При обращении к *кан'ата, кан'ана, кан'ага, кан'игәч* обычно применяются те же термины, что и при обращении к кровным родственникам. Так, *кан'ата* (свекра) называют *эти*, иногда *атакай*; свекровь — *эни, анакай*; *кан'ага* (старшего брата мужа) — *дәдәй, абзый* или *агай, агакай*; *кан'игәч* (старшую золовку) — *түти, тәтәй, абыз тутаккай*.

Таким образом, происходит приравнивание свойственного родства к кровному. Надо полагать, что эти термины возникли не как термины свойственного родства. Они были порождены еще классификационной системой обозначения родственных отношений, когда отец жены говорящего был одновременно его дядей или братом матери говорящего. Поэтому в терминах *кан'ата, кан'ана, кан'ага, кан'игәч, кан'эне, кан'сеңел* следует видеть не свойственников вообще, а родственников по крови, которые поэтому и обозначались как родные.

Заканчивая обзор терминов родства и свойства татар-мишарей, следует указать, что они в основном сходны с терминами родства и свойства других групп татар Поволжья. Несколько своеобразную систему отношений отражают лишь термины темниковской группы.

Здесь могут быть отмечены следующие особенности терминов родства:

1. Для терминов родства и свойства татар вообще характерно слияние названий родства по прямой и боковой линиям в общее название родственников прямого и коллатерального родства. В терминах родства темниковской группы эта особенность не прослеживается до конца.

2. Для терминов родства у татар характерным является строгое проведение деления по полу. А в темниковской группе татар-мишарей некоторые термины родства (*тудыка, тумачи, торачи*) являются общими и взаимными.

3. Деление по старшинству, являющееся также одной из особенностей терминологии родства и свойства татар, в терминах *тудыка, тумачи* и *торачи* также не проводится.

Среди всех тюркоязычных народов особенность терминов родства (подобная темниковской группе) наблюдается лишь у кумыков, где «дети родных братьев и сестер именовали друг друга «узукар» (двоюродный брат и двоюродная сестра назывались одинаково). Дети двоюродных братьев и сестер называли друг друга «к'ариян» (троюродные), дети же троюродных братьев и сестер — «ариян» (дальняя сторона)»¹¹.

Вопрос о браке юноши или девушки в больших семьях решался часто без участия вступающего в брак. В малых семьях в основном также придерживались этой традиции. Молодежь рано изолировалась друг от друга, не могла общаться между собой и должна была вступать в брак лишь по указанию своих родителей, прежде всего отца.

Начиная со второй половины XIX в., с углублением дифференциации крестьян в татарской деревне, особое значение при заключении брака приобрели социальные ограничения. Браки заключались в основном между людьми, равными в имущественном отношении. Что касается браков между людьми различного социального положения, то они, как правило, имели место при значительной возрастной разнице брачащихся. При заключении браков придерживались также и религиозных ограничений. Смешанные браки с русскими, мордвой, чувашами и др. были строго запрещены.

В брачных запретах значительную роль также играли пережитки экзогамии. Например, из семьи родственника по мужской линии разрешалось брать жену лишь из седьмого колена (*жидеят*)¹², в то время как браки между сыном сестры и дочерью брата или сыном брата и дочерью сестры считались возможными. По утверждению самих мишарей, такие браки не являлись родственными. Таким образом, экзогамия распространялась лишь на лиц, находящихся в родстве по отцовской линии.

При заключении браков иногда придерживались обычая левирата и сорората. Так, бывали случаи, когда ближайший родственник умершего (если он неженатый), по настоянию родных, женился на вдове старшего брата, или же когда муж умершей женщины брал в жены ее младшую сестру (*балдыз*). Следует еще раз подчеркнуть, что такие браки имели очень небольшое распространение и, как правило, практиковались лишь в чисто экономических интересах, в стремлении сохранить имущество и рабочую силу в пределах своей семьи.

Во второй половине XIX — начале XX в. у мишарей Среднего Поволжья существовало три способа заключения браков: 1) путем сватовства (*баш кодалап*), 2) путем похищения невесты (*кыз урлау*) и 3) путем добровольного ухода девушки к жениху без согласия родителей (*ире артыннан чыгу*).

Наиболее распространенной формой являлся брак посредством сватовства. При этом большие расходы требовались для проведения свадьбы, а также для уплаты калыма за невесту. Что

касается последних двух форм, то они представляли нарушение установленных норм и оформлялись без уплаты калыма и без больших свадебных расходов. Бытование и сохранение этих форм заключения брака в значительной степени было обусловлено и материальной необеспеченностью населения.

Очень часто «похищение невесты» являлось лишь инсценировкой, которая предпринималась во избежание свадебных расходов. Но иногда похищение совершалось против воли девушки. Оно обычно имело место в том случае, когда не было согласия на брак ни со стороны девушки, ни со стороны ее родственников. Инициатором похищения являлся сам жених, а помощниками — два его товарища. Выследив девушку где-нибудь в безлюдном месте, они насильно увозили ее с собой. Как правило, похищали девушку юноши из другого села. Очень часто о предстоящем похищении не знали и родители жениха. Поэтому похищенную девушку устраивали у кого-либо из родственников или знакомых, с которыми имела предварительная договоренность. Здесь девушку уговаривали дать согласие на брак с своим похитителем. Родители девушки, как правило, вынуждены были давать согласие на этот брак, так как похищенная девушка считалась опозоренной и не могла рассчитывать выйти замуж за другого.

Среди мишарей инсарской и лямбирской групп практиковалась своеобразная форма похищения невесты, когда инициатива похищения исходила не от жениха, а от его родственников, в частности от матери. В таких случаях поступали довольно просто: одна из женщин под каким-нибудь предлогом заманивала девушку в дом, где находился парень, которого хотела женить. После того как ни о чем не подозревавшая девушка заходила в дом, за ней запирали дверь и объявляли во всеулышанье, что такая-то девушка закрылась с парнем в таком-то доме. Вскоре о случившемся знала вся деревня, прибегали и родственники девушки, устраивали скандал; в конце концов дело, как и в первом случае, заканчивалось тем, что родители или родственники девушки вынуждены были вести переговоры по поводу оформления брака.

Среди народов тюркской языковой группы, в том числе и у казанских татар, наличие такой формы похищения в рассматриваемое время не наблюдалось. Но умыкание девушки посредством семьи жениха наблюдалось у мордвы¹³.

Как мы уже отмечали, у мишарей практиковался добровольный тайный уход девушки (без согласия родителей) к жениху (*ире артыннан чыгу*). Это наносило большое оскорбление родственникам невесты и вызывало их недовольство. При этом они не пытались вернуть дочь и вынуждены были вступить в перегово-

воры с родственниками жениха по поводу оформления брака. Условия бракосочетания диктовались сторонниками жениха: выкуп за невесту не платили, свадьбу не устраивали — ограничивались лишь оформлением брака по религиозному ритуалу в доме жениха.

Для всех рассмотренных форм брака характерно патрилокальное поселение новобрачных. Как исключение можно отметить факты перехода жениха в дом родителей невесты (*йортка керу*). В подобном браке были заинтересованы родственники невесты, прежде всего ее отец — нужны были рабочие руки. Переход в дом родителей жены для мужчины считался позором, его в народе сравнивали с сусликом, пробравшимся в дом (*йортка кергән йомран*). Поэтому на это условие соглашался лишь тот, кто не имел ни родственников, ни средств для уплаты выкупа за невесту.

Средним брачным возрастом для девушек мишари считали 16—18 лет. Выдача их в более раннем возрасте представляла исключение. Девушка старше 20 лет уже считалась засидевшейся (*карт кыз*). Что касается юношей, то для них строгого ограничения брачного возраста не существовало. Однако ввиду того что крестьянская семья была заинтересована в приобретении лишней рабочей силы в лице снохи, то юношей также старались женить к 20 годам. Заинтересованность в рабочей силе была иногда так сильна, особенно в зажиточных семьях, что нередко прибегали к обычаю женитьбы малолетнего сына (13—14 лет) на взрослой девушке (18—20 лет) из бедной семьи. Такие браки можно было наблюдать, например, у мишарей Мордовии даже в самом начале XX в.

Женитьба несовершеннолетних мальчиков на взрослых девушках прежде всего характерна для финно-угров Среднего Поволжья, особенно мордвы. Она также практиковалась у русского населения края. Из тюркоязычных народов края такие браки имели место также среди чувашей. Следует отметить, что такое явление, когда жена старше мужа на 2—3 года и даже более, как у чувашей, так и у мишарей считается обычным, тогда как у казанских татар это вызывает осуждение. Как видно, во вступлении в брак возрастное ограничение у мишарей соблюдалось не строго. Значительное ослабление этого ограничения у них, вероятно, происходило под влиянием соседних народов, в частности мордвы и русских, а также в связи с необходимостью большого количества рабочих рук в хозяйстве.

* * *

Систематизация свадебных обрядов татар-мишарей дает возможность заключить, что здесь выделяется два варианта свадьбы:

1) вариант, распространенный среди татар-мишарей темниковской группы. Некоторые его элементы заметны среди татар-мишарей инсарской и керенской групп, а также проживающих в северных районах Пензенской области (Беднодемьянского, Сосноборского районов);

2) сергачский вариант, характерный для татар-мишарей, живущих в Горьковской области. За исключением незначительных отличий, этот вариант характерен также для других групп мишарей, в частности лямбирской, хвалынской, отчасти буинской.

Характерной чертой темниковского свадебного варианта является большая патрилокальность при проведении свадебного обряда. Чуть ли не половина всей свадьбы, в том числе и обряды, связанные с первой брачной ночью, проходили в доме жениха. В результате этого здесь особое значение приобретал выкуп. Жених не должен был входить в свои супружеские права прежде, чем не уплатит калым. В честь выплаты калыма устраивали праздник — *яраш*, непосредственно после которого устраивали праздник бракосочетания — *никах туй* и увоз невесты в дом мужа, где и начиналась супружеская жизнь молодых.

Предсвадебный цикл (сватовство — *суз салу*) обычно состоял в следующем: когда молодой человек достигал соответствующего возраста, родители и родственники подыскивали ему подходящую невесту. После выбора девушки в один из благоприятных дней недели (в четверг или воскресенье) к ее родителям посылали свата (*баш кода*).

Сватовство обычно поручали самому красноречивому и уважаемому родственнику жениха. Поведение его в доме девушки связано было с некоторыми обычаями. Так, он должен был сесть обязательно под матицу, подложив под себя что-нибудь, хотя бы свою шапку, для того чтобы его сватовство окончилось успешно.

Сват начинал разговор о посторонних делах, а затем переходил непосредственно к предложению, облакая его в образную, инносказательную форму: «У вас есть золото, а у нас — серебро, давайте сольем их» («Сезнең алтыныгыз, безнең көмешез без бар, бергә кушыйк шуларны»). Отец девушки при согласии дочери на брак обычно сразу виду не показывал. Если дочь была сравни-

тельно молода, он говорил: «Благодарим за честь. Дочь наша еще молода. Повременим, пусть в отцовском доме пока поживет». Сват уговаривал, восхвалял жениха и его родных, обещал большой выкуп (*калым*). Наконец, отец девушки отвечал: «Посоветуемся с родственниками» («*Біруларыбыз белән сүләшә багырбыз*»).

После переговоров с родными, если они одобряли этот союз, родители девушки передавали свату полотенце или тастар — символический знак согласия (*билге*). С этого времени девушка считалась просватанной (*билгеләнгән кыз*).

Наиболее ответственным моментом предсвадебного цикла являлся обряд, связанный с установлением размера выкупа (*кызны калынга салу*). Этот обряд происходил в доме невесты. В качестве представителей со стороны жениха обычно являлся сват, отец жениха и еще два старших родственника. Они приносили с собой каравай хлеба и соль, завернутые в платок. Их встречал отец невесты, а также несколько его родственников. Гости и хозяйка садились за стол, покрытый скатерью, изготовленной невестой, клали принесенные родственниками жениха каравай хлеба, соль и начинали переговоры. Бывали случаи, что сваты не сходились в цене и дарах, и сватовство расстраивалось.

Калым состоял из денег, постельных принадлежностей, одежды и обуви для невесты и продуктов питания (мясо, мука, мед и т. д.) для проведения свадьбы. Естественно, что он часто был слишком обременительным для жениха и его семьи: величина калыма нередко достигала 500 рублей: «Мине бирдегез 500 алдыгыз» («меня выдали и получили 500 рублей»), — поется в одной песне мишарей.

Калым вносили в рассрочку: часть отдавали тут же, во время сговора, а остальную часть — в день *яраш туй*. Любопытно отметить, что первую долю калыма отец жениха или тот, кто представлял его, клал на хлеб, принесенный родственниками жениха. Подобная деталь присуща также обряду чувашей. Кстати, вручение части выкупа у них называлось «*сакәр сине хуни*» («то, что положено на хлеб») ¹⁴. У удмуртов также первую долю выкупа «клали на каравай хлеба» ¹⁵.

Размер калыма зависел от целого ряда обстоятельств: от экономического состояния брачащихся, от достоинств невесты, причем за молодую девушки давали гораздо больший калым, чем за вдову или разведенную женщину. На это указывает распространенная среди темниковских татар поговорка: «Кызны хакы утыз, кире кат'ып туккыз» (цена девушки тридцать, а разведенной — девять).

В прошлом очень часто жених не имел средств, чтобы уплатить калым, и после сговора вынужден был отправиться на заработки, откладывая тем самым праздник «яраш». Нередко бывали и случаи, когда бедный юноша вынужден был жениться на вдове или разведенной.

После удачного разрешения вопроса о количестве и качестве выкупа и приданого обе стороны начинали готовиться к свадьбе. В доме жениха собирали средства на калым, а у невесты готовили приданое (*бирнә*).

Приданое включало предметы домашнего обихода, различную утварь, постельные принадлежности (чаршау, перина, подушки, одеяло и т. д.), личные вещи невесты (шуба, бешмет, камзол, платья, разнообразные украшения и другие вещи) и дары для родственников жениха. Значительная часть приданого состояла из вещей собственного изготовления невесты: полотенец, салфеток, нагрудников (*күкрәк*), тастаров, кусков пестряди. Все это девушки готовили постепенно, в течение нескольких лет. Пока у девушки не было достаточного бирнә, родители не соглашались выдать ее замуж, так как это считалось зазорным. Невеста, не имевшая положенное по традиции приданое, считалась лентяйкой (*чулак*). Нередко в приданое родители и близкие родственники невесты давали домашних животных (чаще телку, овцу или жеребенка). Как вещи, так и скот с приплодом считались собственностью молодой женщины в доме ее мужа, и без ее согласия никто не мог ими распоряжаться.

Когда все положенное для выкупа было приобретено, отец жениха через свата сообщал родителям невесты, что в такой-то день с таким-то количеством гостей они приедут на яраш (праздник в честь выплаты выкупа). Они привозили с собой обусловленные договором о выкупе вещи и продукты. Родные невесты, особенно женщины, придирчиво проверяли, все ли согласно условию привезено родными жениха. Здесь нередко возникали крупные споры из-за отсутствия каких-либо мелочей. В тех случаях, когда родственники невесты оставались недовольными качеством или количеством выкупа, во время свадьбы имел место обычай охаивания жениха и сватов (*кияу хурлау, кодалар хурлау*).

После окончания передачи выкупа гостей просили к столу и угощали чаем, затем салмой и, наконец, кашей или салником. Угощение на стол подавали две женщины.

Во время обряда «яраш» невеста с близкими подругами (түшәкче кызлар) сидела под пологом или в другой избе, покрыв голову фатой. Здесь происходил обряд смотрин невесты (*кыз*

курендеру). Родственницы жениха заходили к невесте, каждая приоткрывала ей лицо, целовалась с нею и отдавала ей свой подарок. Мужчины не участвовали в этой церемонии. Будущая свекровь также не заходила к невесте, а приветствовала ее лишь посредством жинги. Для этого в налитую чашку чая свекровь опускала кольцо (золотое или серебряное) и передавала через жинги невесте. Невеста должна была выпить чай, взять кольцо а стакан возратить, присвокупив взаимный подарок будущей свекрови (полотенце или нагрудник). Опускание монеты или кольца в чашу с напитком отмечается в свадебном обряде казанских и касимовских татар, чувашей, бесермян, мордвы и других народов¹⁶.

После церемонии смотрин происходила раздача даров невесты (*кыз бирнәсе*). Каждый родственник жениха, получивший дар, клал на поднос или в тарелку деньги (*акча чүә*).

Невеста одаривала и тех родственников жениха, которых не было на «яраш». В доме жениха на другой день устраивали обряд — *бирнә котлау*. Родственники жениха, получившие бирнә, также клали на поднос деньги. Эти деньги (*корт акчасы*) предназначались невесте.

Вечером этого дня к невесте собирались девушки — родственницы жениха. Они приносили невесте пресные лепешки (*кыз күмәчләре* или *питрас*), узелок с гостинцами от жениха (*кия, тевене*) и те деньги, которые были собраны в доме жениха во время обряда *бирнә котлау*.

Девушки угощались, а затем веселились. В этот же вечер в дом невесты приходили жених и его товарищи (*кияу егетләре*). Одарив жинги невесты, они получали разрешение войти к девушкам. В то время, когда кияу егетләре забавляли девушек, жених с невестой получали возможность некоторое время побыть вместе.

В период между яраш и праздником в честь бракосочетания (никах туй) в доме жениха совершалось множество обрядов. Как правило, участвовавшие в них лица группировались по возрасту и полу. Так, для девушек (родственниц жениха и невесты) устраивали угощение (*катлама келәве*).

Мужчин старшего поколения приглашали на обряд *булышлый* («помощь»). Заметим, что приходившие на обряд «булышлый» приносили по караваю хлеба. Обычай приносить хлеб в дом жениха следует рассматривать как отражение обычая родовой взаимопомощи. На это указывает и термин обряда. Ритуальными блюдами на этих обрядах являлись печенье *катлама* и хмельной напиток — *буза*.

Представляется интересным проводившийся в доме невесты обряд *кыз мунчасы* (девичья баня). По этому случаю топили баню исключительно для девушек. Первыми парились невеста и ее самая близкая подруга, употребляя для этого два вместе связанных березовых веника. Затем этими же вениками парились другие девушки, также по двое. Этот обряд уходит своими корнями в глубокую древность. Он присущ также свадебному обряду как тюркских, так и финно-угорских, славянских народов¹⁷.

На обрядах, происходящих в это время в доме невесты, лежал отпечаток печали: некоторые из них сопровождалась плачем невесты.

Одним из обрядов этого периода являлся также девичник (*девушник* или *кыз кичә*), которым, собственно, завершалась подготовка невесты к переезду в дом жениха.

Девичник начинался с обряда *чебелдек тегү* (буквально: шитье полога для кровати). С самого начала сватовства невесту не покидали близкие подруги и девушки из ее родни. Они оставались у нее вплоть до ее отъезда из родительского дома, занимаясь приготовлением приданого и даров для родственников жениха. За свой труд они ничего не получали, если не считать некоторых подарков им со стороны жениха и его родственников.

Во время «чебелдек тегү» девушки должны были сшить полог (чебелдек) и подготовить невесту к отъезду из родительского дома. В ночь, накануне отъезда, невеста почти не спала — она на заре должна была причитать, оплакивая свое девичество. Этот обряд темниковские татары называли «таң кучат» («петушиная заря»).

Утром, с первыми петухами, невеста вставала, раскрывала окно и, обращаясь к заре, начинала тихо причитать:

Таң-таң ата микән, әй, юк микән?
Таңның йолдызлары бар микән?
Таң-таң атмас борын мин елыймын,
Мине алу чыләр бар микән?

Рассветает или не рассветает?
Есть ли у рассвета звезды?
До рассвета я рыдаю,
Жалеет ли кто меня?

Затем она тихо подходила к постели матери и продолжала:

Ябалак та, ябалак кар явадыр,
Палуна башларын сылдыйдыр.

Торчы эни кәбәм уяңчы,
Язулы ашь балаң елыйдыр.

Хлопьями, снежными хлопьями
Облепило поленницу (дров).
Встань-ка, родная мать,
Твоя несчастная дочь рыдает.

Мать вставала, зажигала лампу и затапливала печь. Между тем невеста подходила к постели подруг и причитала:

Торыгыз тиннәремьем торыгыз,
Миңа кычкырыгыз «таң кучат».
Тандый зарялардан елыйбыз,
Бәхетле булуйк дип телибез.

Вставайте, подружки, вставайте,
Причитайте для меня «таң кучат».
С самого рассвета мы плачем (причитаем)
Хотим, чтобы нам было счастье.

Разбудив всех в доме, невеста продолжала громко причитать:

Тәрәзәләр ачып уг аттым,
Угымның, башларын югалттым.
Моңлы күләр белән елый — елай,
Барча жәмиятне уяттым.

Пустила стрелу, раскрыв окно,
Потеряла ее наконецник.
Причитая печальным голосом,
Разбудила всех.

Мать невесты собирала для ее подружек (тушәкче кызлар) на столе угощение: мед, пшеничную кашу и пресные лепешки («күмәч»). Невеста с ними за стол не садилась, она в это время продолжала причитать:

Ишектән кердем уй итте,
Уң да кәвешемә су үтте.
Тиңнәремне узып түргә утырдым,
Яшьтәй йөрәккенәм жу итте.

Переступив порог, попала в лужу,
Промочила правую ногу.
Опередив подружек, села на переднюю лавку.
Сжалось сердце мое молодое.

Затем подруги подсаживались к невесте, накрывались все вместе большим платком и причитали в один голос. Невеста высказывала обиду родителям, воля которых определила ее судьбу:

Катлама казаным элдегез,
Кайнамасмы диеп белдегез?
Бигрәк тә яшьли бирдегез,
Ахры китмәс диеп белдегез.

Повесили вы котел для катламы,
Думали, что не вскипит (масло).
Слишком рано меня вы выдали,
Думали, что я засижусь.

Отца она упрекала в том, что он выдает ее рано, хочет избавиться от нее:

Ишектән кердем зим сиптем,
Утыра торган казыма.
Тагы берәр ел торса идем,
Шәт калмас идем башыңа.

Я пришла и дала зерна
Гусыне, которая сидит на яйцах.
Пожить бы еще с годик,
Ведь не осталась бы навечно.

Старшего брата и его жену укоряла в том, что они считали ее лишним ртом в семье и старались скорее выдать замуж.

Безнең артыбызда кызыл гөл,
Абзыкаем әйтә гөл тегел.
Жиңкәкөем шылай әйтәдер,
Кызлар ашатырдай ел тегел.

Цветы краснеют за нашим домом,
Брат говорит, что это не цветы.
Сноха говорит: год не такой,
Чтобы кормить еще девушку.

Судьба крестьянской девушки, выдаваемой в чужую семью, часто была очень тяжелой. Поэтому в своих причитаниях невеста противопоставляла девичью волю в родительском доме женскому бесправию в семье мужа. Эти причитания полны раздумий о будущей жизни в «чужом доме». Жизнь в «чужом доме» ей представляется тяжелой, а чужая родня — недоброй:

Өстемдәге кизилы күлмәгемнен
Кештәгенә комач юләдем.
Бәлки бу хәлләрне күрмәс идем,
Юкка ылан чакта үлмәдем.

У пестрядиной рубахи, которая на мне,
Ластовицы из кумача.
Может быть, и не испытала бы этого,
Если б умерла в детстве.

На причитания, кроме подруг невесты, собирались и не приглашенные из деревни женщины; слушая ее жалобы, многие из них плакали. Мужчины, не только посторонние, но часто даже члены семьи, на обряде причитания не присутствовали. Это считалось неудобным.

На следующий за девичником день в доме невесты происходило официальное оформление брака (*никах туй*). Отметим, что проведение девичника и других обрядов намечалось таким образом, чтобы никах туй совпадало со «счастливым», «благоприятным» днем недели. Предпочитали это торжество начинать в четверг (атна кич). Избегали устраивать в понедельник (баш көн), во вторник (буш көн) и в месяц сафар по мусульманскому календарю.

В день свадьбы жених извещал своих родственников, чтобы они собирались на торжество в дом невесты. Вначале родственники жениха собирались у него в доме, а затем все вместе ехали к невесте. Свадебный поезд состоял из 10—12 подвод. Упряжки лошадей украшали лентами, нарядными полотенцами. К дугам подвешивали колокольчики. В доме невесты также собирались родственники невесты и готовились принимать гостей. Распорядителями здесь были брат матери невесты и жиңиләр. Они встречали гостей, рассаживали их по степени родства и по старшинству (женщин обычно усаживали отдельно от мужчин).

Прежде чем перейти к угощению, мулла читал «никах». При этом жених и невеста, как правило, не присутствовали. Жениха обычно представлял его отец, а к невесте узнать о ее согласии на брак посылали двух свидетелей (*вәкилләр*). Неизменным ответом свидетелей после возвращения от невесты (она сидела в отдельной комнате или за занавесью в окружении подруг) было: «атай-анай ихтиарыннан чыга алмыйм, дип эйтте» («она сказала, что не могу перечить воле моих родителей»). После этого мулла читал «никах», затем закреплял брак записью в книге (записывал имена брачующихся и условия вступления в брак). За все это мулла получал вознаграждение (*садака*). Затем начи-

налась вторая часть никах туй — сама свадьба. После недолгого угощения мулла удалялся, а гости продолжали пировать. Угощаясь хмельным напитком — бузой, гости пели песни. В том случае, если, как отмечено выше, родственники невесты оставались недовольны качеством или количеством *калына*, здесь нередко исполнялись куплеты, охаивающие жениха и сватьев. Родственники жениха в таких случаях не обижались, ибо чувствовали за собой вину.

Приведем несколько куплетов этих песен:

Ерла да гына, ерла дип эйтәсез,
Ник тә ерламыйсыз үзегез?
Ерның арасында төрлесе бар,
Бераз аепләсәк тә түзегез.

Говорите, чтоб мы пели,
Что ж вы сами не поете?
В песне всякое бывает (содержание),
Если обвиним вас — потерпите.

Кияү «келәтенә» кәргәндә,
Келәт чакуысын элмәде
Көчкә-көчкә генә мал түләде,
Ярының яхшысын белмәде.

Зять, входя в покой невесты,
Не закрыл задвижкой дверь.
Скуповато давал выкуп,
Не ценя любимую

Куплеты исполняли обычно молодые родственницы со стороны невесты, которые ухаживали за гостями и угощали их. Они пели до тех пор, пока родственники жениха (кодалар) не одарят их деньгами (*акча чүү*). Подобное бытовало также среди зауральских башкир. Зачинщиками его также являлись родственницы невесты. Они в импровизированных куплетах высмеивали недостатки жениха и его родственников¹⁸.

В процессе свадьбы родственники невесты приглашали к себе в гости, хотя бы на короткое время, родственников жениха, чтоб показать свой дом (*йорт курсәтергә*). В результате такого обычая значительную часть расходов, связанных со свадьбой, несли родственники невесты. Вероятно, потому, что этот обычай представлял форму родственной помощи, он назывался *күтәрү* (в смысле взаимной поддержки); в таком случае обычно гово-

рят: «туганнар яхшы күтәрделәр», т. е. «родные хорошо поддерживали». Родственники жениха, начав свадебное гулянье в доме невесты, продолжали его у ее родственников поочередно. Свадьба в доме невесты, таким образом, длилась 3—4 дня.

Как уже отмечалось, жених на «никах туге» не участвовал. Он вместе с товарищами приезжал за невестой к концу свадебного торжества.

Приезд жениха в дом невесты также сопровождался определенными обрядами. Так, прежде чем ехать за невестой, жених должен был ехать на кладбище и помолиться. Это, безусловно, являлось одним из элементов обряда почитания предков. По представлению мишарей, предки их строго следили за чистотой своего рода. Поэтому введение в род чужой женщины требует их «умилостивления».

По пути к дому невесты *кияу егетларе* производили несколько выстрелов из ружья. Этот обряд, по-видимому, был призван защитить жениха от злого влияния. У ворот дома невесты жениха и его товарищей встречал подросток — родственник невесты, хватал лошадей за узду и не пропускал их во двор, пока жених не даст ему выкуп — складной нож. Этот обряд получил название *кабак йоласы* (обычай у ворот). У крыльца гостей встречали две *жиңги*; одна из них должна была сопровождать товарищей жениха в дом, а другая — самого жениха к невесте.

После угощения (жениха и невесту угощали обычно отдельно от всех) товарищи жениха начинали торопить его с отъездом; они понуждали *жиңги* быстрее собрать невесту к отъезду.

Перед отъездом невесты из родительского дома совершался обряд прощания. Невесту подводили к отцу с матерью для благословения. Она обнимала родителей и, заливаясь слезами, причитала:

Ишектән кердем генә, карадым түргә генә.

Кил этеки дога кыл, миңи китәм үмергә генә.

Перешагнула я порог, посмотрела на переднюю лавку.

Подойди, отец, благослови, я ухожу от вас навсегда.

Когда невесту выводили из дома, она сопротивлялась, цеплялась за дверной косяк, ее уговаривали и в конце концов выводили насильно.

Характеризуя причитания невесты в свадебном обряде татар-мишарей, следует отметить, что они связаны с двумя моментами, а именно: прощанием с девичеством и прощанием с родительским домом. К середине XIX века обряд прощания невесты у мишарей претерпел большие изменения. Так, во многих ме-

стах причитание невесты перестало практиковаться. Появились профессиональные причитальщицы (*яслатучылар*), обладающие мастерством импровизации. Приглашенные причитальщицы (обычно их было две) садились на *тур*, т. е. на то место, где раньше причитала невеста, накрывались платком и выполняли свои обязанности. Невеста же сидела за пологом в окружении подруг и рыдала. Слезы невесты и причитания в этот установленный традицией день считались обязательными и соблюдались даже тогда, когда она выходила замуж по любви. По этому случаю говорили: «Елап барсаң үмерең көлеп узар, көлеп барсаң үмерең елап узар» («плакать будешь на свадьбе, то жизнь пройдет в улыбке» и, наоборот, «будешь смеяться, то судьба будет горькая»). В некоторых районах обряд прощания с девичеством назывался «кыз яслату» (т. е. «заставить невесту рыдать»). Этот термин, вероятно, возник с вошедшим в практику обычаем приглашать причитальщиц.

В свадебном ритуале касимовских татар прощание невесты с домом родителей также сопровождалось причитаниями (*әжәл итеп жылау*)¹⁹. У крещеных татар Подберезинского района Татарской АССР они известны под названием «кыз жыруы»²⁰. Обряд прощания невесты с родителями и родными присуц также чувашскому брачному церемониалу. У них, как и у мишарей, при этом обязательен был обрядовый плач с причитаниями. «Пёркенчәк айёнче йёмен хёр, шәналәк айёнче ёёрет, тессё», — говорили они, т. е. «та, которая не плачет под покрывалом, наплачется потом под пологом»²¹. У башкир также при прощании невесты с родными голосистые подруги заводили обрядовую песню («һамак»), каждый куплет который завершался хором причитаний (*сеңдәү*)²². В этих причетах невеста упрекала своих родителей за то, что выдают ее за незнакомого человека, что они безжалостны к ней. Когда ее выводили из дома, она сопротивлялась, ухватившись за косяк двери²³.

Причитания свойственны свадебному обряду и у других тюркских народностей. Так, по данным А. Джумагулова, этот обряд встречается у киргизов Чуйской долины²⁴. У ногайских татар Астраханской области также имел место обряд «кыз елатма», который заключался в том, что перед отъездом в дом мужа молодая, обнимая своих родителей и близких родственников, причитала. Эти причитания не имели песенной формы, а являлись как бы рассказом молодой о своей жизни в родительском доме, о прощании с родными и т. д. Невеста не соглашалась покинуть родительский дом; ее уговаривали, она цеплялась за дверной косяк. Тогда четыре ее родственника стлали на пол бе-

люю кошму, сажали на нее молодую и выносили из дома²⁵. Но в отличие от свадебного обряда башкир, киргиз и ногайских татар, у которых бытовало лишь прощание невесты с родительским домом и родными, у татар-мишарей, в частности темниковской группы, имелся и обряд прощания с девичеством. В этом отношении свадебный обряд мишарей ближе стоит к свадебному обряду чувашей, мордвы. Как известно, прощание невесты с девичеством также очень характерно для свадьбы русского народа.

Для проводов невесты устраивали особую кибитку (*вэдэк* или *мэдэк*). Снаружи ее покрывали пологом невесты. В том, что *вэдэк* мишарей представляет пережиточную форму свадебного жилища, сомневаться не приходится. Известно, что переселение новобрачной в дом мужа в свадебной кибитке или юрте было характерно для многих тюркских народностей. Так, у ногайцев Ставропольской губернии новобрачная переселялась в особую кибитку «отауй», у туркмен — «аг-уй»²⁶. В Среднем Поволжье обряд переезда в дом мужа в кибитке («куме») бытовал у чувашей²⁷. У мордвы очень похожая на *вэдэк* мишарей кибитка называлась «он-ава». По данным М. Е. Евсевьева, она была заимствована мордвой от тюркоязычных соседей — татар Поволжья²⁸.

Свадебная кибитка, или юрта, по данным исследователей²⁹ представляет древний элемент в культуре тюркоязычных народов. В ней, как и в некоторых других элементах свадьбы (например, в обряде *кияуләп йөрү*), отражаются следы древней формы брака — когда мужчина, женившись, переходил на жительство к жене. Отсюда и термин *үләну* (буквально: обзаводиться домом), который сохранился в лексике мишарей и казанских татар в значении «женитьба». До недавнего времени у большинства тюркских народов существовал обычай устанавливать для жениха специальную кибитку (или юрту), когда он, уплатив калым, приезжал в дом невесты. В этой кибитке новобрачные затем переезжали в дом жениха.

Свадебные кибитки представляли необходимую деталь приданого невесты³⁰. Но у мишарей кибитка — *вэдэк* не входила в состав приданого, ибо она не выполняла роль жилища. Ее здесь заменял полог — чебелдек, которым обычно покрывалась кибитка. Как видно, роль свадебной кибитки у мишарей уже заменял *чебелдек*: в нем находилась невеста со своими подругами во время «никах туй», здесь же происходила встреча ее с женихом, в нем же фактически она переселялась в дом мужа. Этим пологом затем завешивали брачную кровать в доме родителей мужа, создавая подобие их собственного жилья.

Подобные занавеси под различными названиями известны всем тюркоязычным народностям, в том числе казанским татарам, башкирам и чувашам. Небезынтересно отметить, что у многих народов, в частности у ногайцев, подобные занавеси были расшиты фигурными фестонами из разноцветного сукна и шелковых лоскутов³¹. Кстати, вплоть до последнего времени для занавесей (*чаршау, кашага*) татары Поволжья, в том числе и мишари, также подбирали материал с крупными яркими цветами.

По поверьям мишарей постель невесты необходимо везти на той же подводе, на которой едут молодые. Поэтому при переезде в дом жениха молодых чаще сажали на постель (*урин-жир*), разостлав ее внутри кибитки. Вместе с ними в кибитке ехала *төшерүче жиңги*, а гармонист пристраивался впереди, рядом с кучером. В передней повозке везли сундук с приданным невесты. Непосредственно за кибиткой молодых на отдельной подводе ехали *кияу егетләре*, а за ними — несколько повозок с родственниками невесты — *озатучылар*.

Во время переезда невесты *кияу егетләре* распевали специальные на этот случай песни (*мэдэк жыры*). Приведем из них несколько куплетов:

Урамыгыз, юлыгыз,
Ни гажәеп урныгыз.
Кибиткага кемнәр кәргән,
Тышка чыккан нурыгыз.

Ваша улца, ваши дороги,
Как прекрасны ваши места!
Свет исходит от тех,
Кто едет в этой кибитке.

Пөгереп кердем бакчаларга,
Гөл чәчәкләр карарга.
Килчәктә утырыбызмы,
Без дә кибиткаларга?

Вбежал я в сад,
Чтобы посмотреть на цветы.
Суждено ли нам также
Сидеть в кибитке?

Әй, ай батсын, ай батсын,
Айлар баткач, таң атсын.
Тулган ай тик килнегезне,
Порт анагыз яратсын.

Пусть луна зайдет, луна зайдет.
Пусть затем рассвет наступит.
Пусть вашу невесту, подобную луне,
Полюбит ваш домовый (-ая).

При въезде молодых во двор один из товарищей жениха (*килу егете*) производил несколько выстрелов, чтобы разогнать «нечистую силу». Навстречу невесте выходила ее будущая свекровь и родственники жениха. Прежде чем молодая сойдет с подводы, на колени ей сажали мальчика, «чтобы у новобрачной было много детей». Выходя из экипажа, молодые вставали на коврик, посланный на земле. Существовала примета: кто из них первым наступит на коврик, тому и быть главным в семье. Мать жениха подносила им напиток ширбет, осыпала их хмелем, приговаривая: «ширбэт кебек татлы торыгыз, колмак кебек жинел булыгыз», т. е. «живите сладко, как ширбет, будьте легкими, как хмель». Собравшиеся бросали конфеты, орехи, чигелдэк, что символизировало пожелания молодым счастья, богатства, долгой жизни и большого потомства. Остатки ширбета выплескивали на окружающих. Молодые парни при этом толкали друг друга под брызги ширбета, в шутку приговаривая: «ширбэткэ якыррак бар, тизрэк улэнмэссенме» («иди ближе к ширбету, может быть, скорее женишься»). По поверью, существовавшему у мишарей, тот, кто отведал угощения, до которого коснулись новобрачные, скоро найдет себе пару.

По переезде в дом жениха родственницы невесты принимались украшать помещение (клеть или амбар), в котором новобрачные должны находиться в течение всей свадьбы. Одна из жинги, которая считалась в семейном отношении наиболее счастливой, стелила молодым брачное ложе (за это жених ее одаривал). Другие родственницы развешивали часть приданого невесты для всеобщего обозрения. Присутствующие при этом женщины судили о достоинствах и недостатках невесты.

Развешивание приданого невесты напоказ характерно для свадебного обряда многих народов Среднего Поволжья и Приуралья: казанских татар, башкир, чувашей, бесермян, удмуртов, мордвы и др.³²

Порог дома мужа молодая должна была переступить правой ногой. Переступив порог, она должна была, по обычаю (*бусага йоласы*), поднести свекрови в подарок платье или что-нибудь другое.

По окончании церемонии убранства помещения для молодых одна из жинги сопровождала туда жениха и невесту. При этом

необходимо было соблюдать различные меры предосторожности, чтобы молодых «не испортили». По мнению мишарей, в период от первой встречи до брачной ночи испортить молодых было особенно легко. Всякие разлады между молодыми во время брачных обрядов приписывались действию нечистой силы. Поэтому за ними особенно зорко следили.

Проводив молодых в приготовленное для них место, родственники жениха просили всех гостей к столу. Обычно и в доме жениха (как и в доме невесты) накрывали два стола у передней лавки — один для мужчин, другой для женщин. Если в доме невесты церемониалом руководили *жиңги* и другие ее родственники, то в доме жениха эту роль исполняли лица из его родни. Гости гуляли весь вечер и в последующие дни.

На другой день рано утром молодожены шли в баню. Женщину, которая топила для них баню, молодые должны были одарить. В отсутствие молодоженов мать жениха клала на брачное ложе подарок невесте (*урын котлап*). Наличие этого обряда, вероятно, было связано с существованием обычая установления невинности невесты.

В этот же день, после того как соберутся все гости, происходил обряд *килен күрендерү*, т. е. смотрины молодой. Обряд этот заключался в следующем: молодую выводили к гостям, подводили к полатам, где сидел мальчик, который должен был снять с нее покрывало. Родственницы жениха подходили к ней и одаривали ее. Снятие покрывала с новобрачной у мишарей напоминает подобное у других тюркских народов. Так, у чувашей покрывало с молодой стягивал также мальчик, зацепив его палочкой³³. На свадьбе касимовских татар покрывало с невесты также снимал мальчик.

После обряда *килен күрендерү* молодожены совершали другой обряд (*йөгендерү*), становились перед гостями в полупоклоне и в этой позе должны были пить подносимую им бузу. Аналогичный обряд под названием «сәкән» — кланяться, приседать, делать реверанс — бытовал у чувашей³⁴. Подобное приседание с почтением отмечают исследователи в свадебных обрядах башкир, удмуртов и других народов Среднего Поволжья и Приуралья³⁵.

Затем следовал обряд, относящийся, очевидно, к древнему обычаю приобщения молодой к семейному очагу мужа. Молодую подводили к печке и заставляли поцеловать ее или в крайнем случае коснуться ее губами. После этого ее вводили в круг женщин, которые плясали и, стуча над головой новобрачной скалками для раскатывания теста, пели: «килен алдым кинәндем» (мы раду-

емся, взяв в дом невестку). Эти обряды, по всей вероятности, относятся к пережиткам родовых отношений. Скалка играла здесь роль символа новой жизни и новых обязанностей снохи.

Вообще же обряды в доме жениха, в противоположность обрядам в доме невесты, были проникнуты весельем и сопровождались шуточными песенками. Ниже приведем один из вариантов шуточной песни, который называется «балдыкай»:

Бара идек юл белэн, балдыкай,
Очрады кунача, балдыкай.
Куначада эй кодача, балдыкай,
Пешерәдер ювача, балдыкай,
Ювачасы тәмле икән, балдыкай,
Егетләре ямле икән, балдыкай.
Ашыек та ятыек, балдыкай,
Бер тамаша ясыек, балдыкай³⁶.

Когда мы шли по дороге, балдыкай,
Встретился нам насест, балдыкай.
В этом насесте наша сваха, балдыкай,
Жарит сдобу — ювача, балдыкай.
Ее ювача оказывается вкусная, балдыкай,
Их юноша оказывается красивый, балдыкай,
Покушаем и ляжем спать, балдыкай,
Сделаем тамашу, балдыкай.

В этот же день молодую водили к колодцу или к речке (*су юлы курсәтү*), где в дар *су иясе* (хранительнице воды) бросала в реку или колодец крошки пресных лепешек (*кумәч*) и серебряную монету. Затем она черпала воду, но собравшаяся молодежь выливала ее, обливалась ею. Это повторялось до трех раз, четвертую пару ведер невестка несла домой. Обрядовое хождение за водой было присуще свадьбе всех народов Среднего Поволжья и Приуралья (казанских татар, башкир, чувашей, бесермян, мордвы, удмуртов и др.)³⁷ и представляло древний обряд приобщения молодой к новому роду, роду ее мужа.

Заканчивалась свадьба молодежным вечером, устраиваемым в доме жениха. Этот обряд в темниковском варианте назывался «мамык» (буквально: «пух»). На мамык приглашали девушек и юношей, а также несколько пар молодоженов. В играх этого вечера впервые активное участие принимали молодожены.

К послесвадебному циклу обрядов следует отнести обычай (*поклон*), когда молодоженов и родителей жениха приглашали родители невесты как бы для ответного угощения.

Большинство вышеописанных обрядов характерно и для сергачского варианта свадьбы. Но особенностью последнего является то, что свадебный праздник начинался в доме отца ново-брачной до полной выплаты калыма.

Таким образом, невыплаченный калым не являлся препятствием для сближения молодоженов. Имели место досвадебные посещения невесты женихом в доме её отца — *кияу йөрү*. В этой части данный вариант свадьбы содержит элементы древней формы заключения брака, бытовавшей до появления выкупа за право вступить в брак.

Во второй части свадьбы уже встречаются осложнения, связанные с выкупом. Так, переезд молодой в дом мужа происходил лишь после выплаты ее родителям калыма. В результате этого брачный обряд затягивался, и некоторые его акты (привоз приданого, ввод молодой в новую семью и т. п.) совершались много позже фактического начала брачных отношений, что сближает сергачский вариант со свадьбой у казанских татар. Вместе с тем следует отметить, что свадьба мишарей по сравнению со свадьбой казанских татар значительно богаче народными обрядами, многие из которых сопровождались пением специальных песен. Особенно отличало мишарскую свадьбу наличие в ней причитаний³⁸. Своеобразный оттенок мишарской свадьбе придавали и некоторые действующие лица, ответственные за выполнение того или другого обряда. Так, например, в мишарской свадьбе ярче, чем в свадьбе казанских татар, выделялась роль брата матери невесты, в обязанность которого входили встреча и угощение участников свадьбы, подготовка переезда невесты в дом жениха и т. д. Большая ответственность лежала также на жиңиләр. В их обязанность входило проведение обрядов, связанных со встречей и угощением представителей жениха и его товарищей, сопровождение жениха к невесте, подготовка невесты к отъезду из родительского дома. Жиңиләр жениха играли роль распорядительниц в обрядах, связанных со встречей свадебного поезда, приобщения молодой к новому дому и т. д. Во всех брачных церемониях эти действующие лица выступали как представители рода жениха или невесты, защищая интересы своего рода. Роль родителей и самих виновников церемоний в период свадьбы — была незначительна. В целом на свадьбе татар-мишарей, особенно в темниковском варианте, значительно ярче, чем на свадьбе казанских татар, выражены следы родовых отношений. Отчасти, очевидно, поэтому она имеет некоторые прямые параллели в обрядах народов Средней Азии, ногайских татар, башкир. Необходимо также подчеркнуть, что свадь-

ба мишарей, в отличие от свадебной обрядности казанских татар, впитала русские, мордовские, отчасти чувашские заимствования. Как и у всех этих народов, она проходила довольно шумно и имела характер театрализованного действия. Кроме непосредственных участников, на свадьбу приходило много «зрителей». Они заполняли улицу, не стесняясь заходили во двор и в дом, где проходила свадьба.

* * *

Как мы уже отмечали, свадьба татар-мишарей была богата разнообразными магическими обрядами, в том числе призванными обеспечить новобрачных большим потомством. Это и понятно, ибо крестьянская семья была заинтересована в приросте рабочей силы.

Бездетность считалась большим несчастьем. Следует отметить, что в случае бездетности супружеской пары обвиняли прежде всего женщину. Поэтому принимали все меры, чтобы выжить ее из семьи (с нею плохо обращались, заставляли выполнять непосильную работу; дело иногда доходило до того, что муж приводил вторую жену). Иное отношение встречала в семье беременная женщина. Ее окружали в известной мере заботой. Так, на пятом-шестом месяце беременности ей поручали сравнительно легкую работу, на ночь ее не оставляли одну в пустой избе, так как, согласно существовавшим тогда поверьям, злые духи могли подменить или умертвить ребенка даже в утробе матери. Поэтому в отсутствие мужа и других членов семьи к ней на ночь приглашали старуху-соседку.

Роды происходили в доме, при помощи бабки-повитухи (*кендек эбисе*). Как правило, при повторных родах приглашали ту же бабку, которая принимала первенца.

Приняв новорожденного, бабка-повитуха перерезала и перевязывала ему пуповину; затем мыла его теплой водой, заворачивала в старую рубаху отца (будет счастливым) и смазывала ротик ребенка сливочным маслом (*авызландыру*). Если в некоторых семьях дети умирали, то после рождения нового ребенка, с целью «охранения» его совершали обряд «продажи» новорожденного: бабка-повитуха выносила завернутого ребенка на улицу, клала его на кучу мусора, а сама возвращалась домой. Тут же поднимала его другая женщина, подходила к окну и предлагала хозяевам «купить» ребенка. После короткого торга женщина подавала ребенка в окно. Этот широко распространенный у всех народов Среднего Поволжья и Приуралья обряд, очевид-

но, был призван обмануть злых духов, внушить им, что ребенок принадлежит не той женщине, которую они преследуют.

В течение недели, начиная с первого дня рождения ребенка, топили баню, где бабка-повитуха мыла роженицу. Сюда же приносили купать ребенка.

После родов к роженице приходили родственницы и соседки с поздравлениями, приносили с собой *бэбай аши* (буквально: пища ребенку). Примерно через неделю, когда роженица, несколько окрепнув, начинала ходить по дому, всех посетивших ее женщин приглашали на обряд *май ашату* (угощение маслом). Женщины приносили подарки для новорожденного (*маңлай*). Их угощали чаем, разными печеными изделиями и непременно маслом или медом и маслом. В этот же день вечером приглашали девушек на обряд *бэби саклау* (буквально: охранять ребенка). Их также угощали чаем; затем девушки в доме роженицы устраивали игры и веселились. Как показывает само название, цель этого обряда заключалась в охране ребенка от воздействия злых духов. По представлениям мишарей, в первые дни жизни ребенка джины могли подменить его (взять новорожденного себе, а на его место положить своего). До сих пор у татар-мишарей бытует выражение: «пир алмаштырган бала» («подмененный пиром ребенок»). Особенно опасным периодом для жизни ребенка считались первые 40 дней. В это время его старались не оставлять одного без присмотра. В крайнем случае, уходя из дома, рядом с ребенком клали железный предмет (чаще нож) в качестве оберега.

Следующим обрядом, связанным с рождением ребенка, являлось наречение его именем (*ат кушу*). На этот обряд приглашали только мужчин и, в обязательном порядке, муллу. Отец ребенка выносил на подушке новорожденного. Мулла читал специальную молитву («азан» и «камат»), шептал трижды на ухо ребенку: «пусть твое имя будет такое-то». Затем мулла записывал новорожденного в специальную книгу. За все это отец ребенка давал вознаграждение. После официальной части начиналось угощение.

В ранних документах фигурируют тюркские имена (Өрек-меш, Алтынбай, Аюкай, Аюташ, Бахтияр, Бурекай, Майшакар, Гульшакар и т. п.). Во второй половине XIX — начале XX в. более распространенными были мусульманские имена, связанные с именем Аллаха, Мухамеда и других деятелей ислама (Габдулла, Мухамед, Гайса, Йософ, Фатыйма и т. п.). Вытеснение тюркских имен мусульманскими происходило по мере усиления влияния ислама в народе.

Если в семье не выживали дети, то новорожденного называли заклинающими смерть именами: Улмас (Неумирающий), Туктар (Приостановившийся), Тимер (Железо) и др. Подобные имена, связанные с заклинанием, также были распространены среди казанских татар и встречаются на эпитафических памятниках XVI в. и позже³⁹.

В честь первенца, особенно сына, иногда устраивали празднование *бәбәй буткасы* (буквально: детская кашка). В отличие от *исем кушу*, *бәбәй буткасы* представлял собой древний, народный обряд. По этому случаю, как и на свадьбу, гости принесли с собой бузу и пшеничную кашу.

Радостным событием являлось также прорезание первого зуба у ребенка. У темниковских мишарей, например, кто первым замечал появление у ребенка первого зуба, того родители награждали небольшим подарком, а ребенок впоследствии называл его, в зависимости от возраста и пола, *теш анай*, *тещ атай*, *теш тәтәй* или *теш дәдәй*.

На третьем году жизни мальчикам производили обрезание (*соннәт*), в честь которого иногда устраивали угощение. У темниковских мишарей этот обряд назывался *пике келәве*. Гости поздравляли мальчика с обрезанием (*сәннәт котлау*) и вручали ему подарки. Если мальчик был первым внуком, то дедушка дарил ему по этому случаю барана или жеребенка. Родственники и близкие, кроме подарков, приносили и бузу.

Как уже отмечалось, рождение мальчика в семье встречалось с большей радостью, чем рождение девочки. В понимании народа мальчики являлись продолжателями рода. Кроме того, они представляли основную силу в хозяйстве. Что касается девочек, то на них смотрели как на временного члена семьи. Те дома, где проживали семьи, у которых не выживали мальчики, керенские мишари называли *келәүле йортлар* (буквально: усадьбы, которые требуют моления). В таких домах один раз в году (осенью) проводили обряд *келәу*, который состоял в угощении деревенских детишек гусятиной. Следует отметить, что для «келәу» резали специального гуся *келәу казы*, которого кормил только один определенный член семьи, чаще старшая женщина (в течение всего периода содержания этот гусь внушал членам семьи страх). Резали гуся отдельно от других, на специальном, отведенном для этого, месте. Щипать, обрабатывать и варить должен был тот, кто его выкормил. В данном обряде, очевидно, отражался пережиток тотемной принадлежности этого родового подразделения в прошлом. Небезынтересно заметить, что вышеописанный обряд перекликается с поверьем «теләк»,

отмеченным у мишарей Аксубаевского района Татарской АССР. Согласно этому поверью, усадебная земля, принадлежащая родственной семье, называлась «теләк». Она носила название какого-нибудь животного, например, «гусиный теләк», «теләк овцы» и т. д. До конца XIX в. здесь существовал обычай, по которому тот, кто собирался занимать под строительство пустующий участок в деревне, прежде всего должен был узнать, какому «теләк» принадлежал участок в прошлом, и принести в жертву соответствующее животное, мясом которого угощали односельчан⁴⁰. Подобный обычай широко бытовал также у чувашей Аксубаевского района.

В крестьянской семье, где все взрослые члены ее были целиком заняты работой по хозяйству, особого внимания уходу за детьми, их воспитанию не уделялось. В кормлении ребенка режима не соблюдалось, кормили его, когда он начинал плакать. Грудью кормили до 3-х лет и даже дольше. В 3—4-месячном возрасте ребенка уже приучали к пище взрослых. Широкое распространение имели тряпичные соски с разжеванным хлебом. В возрасте 5—6 лет дети уже бывали предоставлены сами себе. С этого возраста они уже начинали выполнять доступные им работы. Можно считать, что в основе воспитания крестьянской семьи прежде всего лежал труд. Мальчикам, например, поручали пригонять вечером корову, поить и кормить скот, ходить за лошадьми, а девочкам — ухаживать за грудными сестренками и братьями, носить воду и т. п.

С 7—8-летнего возраста мальчиков, как правило, отдавали в мектебе, где их обучали основам религии. Поэтому нормы воспитания детей в семье перекликались с канонами мусульманской морали. В сочетании с застывшими патриархальными нормами они отрицательно влияли на воспитание подрастающего поколения. С детства мальчику внушали, что он будет выполнять господствующую роль в семье, а девочке — зависимость от мужа, брата.

На воспитание детей большое воздействие оказывали игры. Они воспитывали в них волю, внимание и товарищеские чувства. Кроме того, подвижные игры на свежем воздухе укрепляли их физически. Большинство подвижных игр детей проводилось в весенне-летний период. Зимние же уличные игры детей сводились главным образом к катанию на санках. Мальчики имели свои игры (в «бабки», в «шар», в «чиж», и другие); девочки играли отдельно от них и имели «девчачьи» игры (в «краски», в «горшки», в «пары» и т. д.). Эти детские игры, бытовавшие у всех народов Среднего Поволжья, представляют результат взаимовлияния культур.

Советская эпоха внесла коренные изменения в семейно-родственные отношения. В результате утверждения социалистических производственных отношений серьезные изменения, в частности, испытала структура и количественный состав семьи, окончательно были устранены причины, задерживающие разделение сельских семей. В результате этого навсегда было покончено с большими, неразделенными семьями. Одновременно наметилась тенденция уменьшения численности состава крестьянских семей. Особенно эта тенденция возросла в годы довоенных пятилеток и в послевоенное время, когда происходил усиленный процесс урбанизации.

Современная колхозная семья у татар-мишарей в среднем состоит из 4—5 человек⁴¹. Преобладают семьи из двух поколений, состоящие из супружеской пары и их детей. Семьи из 3-х поколений, включающие в свой состав и родителей мужа или жены, составляют 23%.

В результате уничтожения частной собственности была подорвана частнособственническая основа семейно-родственных отношений и заложена основа формирования новых социалистических семейных отношений, основанных на равноправии, взаимном уважении, взаимопомощи. Особенно изменилось положение женщины в семье. В этом решающее значение имела победа социалистических производственных отношений в деревне. В современной колхозной деревне женщина-татарка наравне с мужчиной участвует в общественном производстве, и заработок ее является составной частью бюджета семьи. Вполне понятно, что при обсуждении и решении тех или иных семейных вопросов жена или сноха имеет немаловажное значение. Большое влияние на изменение отношения к женщине в семье оказывают почет и уважение со стороны общественности, ее производственные успехи. В послереволюционный период были созданы новые условия для развития семейных обрядов; ликвидированы экономическая, политическая и идеологическая основа реакционных традиций, выражающих интересы отживших сил общества. Вместе с тем лучшие традиции, выработанные народом в процессе многовековой истории, получили возможность ускоренного развития.

Как известно, изменения в быту, особенно в семье и семейно-родственных отношениях происходят значительно медленнее, чем в общественной жизни. Поэтому и в настоящее время еще заметное место занимают унаследованные от прошлой эпохи элементы. Новое здесь очень часто переплетается с традицион-

ным. Например, из обрядов, связанных с рождением ребенка, в современных татаро-мишарских семьях продолжают бытовать *бабай чае* или *бабай буткасы*. На этот обряд приглашаются не только родственники но и товарищи по работе. Гости приносят различные подарки малышу. Кое-где, на территории Мордовии, среди мишарей продолжает бытовать обряд *бабай саклау*. Если в прошлом он был связан, очевидно, с представлением о том, что роженицу и новорожденного надо оберегать от злых духов, то в настоящее время магическое значение его забыто, и он представляет собой лишь форму поздравления супругов по случаю новорожденного.

В быту татар-мишарей уже давно широко распространены и отмечаются советские праздники, утвердились советские принципы оформления брака, прежде всего практика гражданской его регистрации в загсах или сельских Советах. Изменились и обряды в честь бракосочетания.

Процесс изменения семейных обрядов, как и всего семейного быта в целом, происходит в непрерывной борьбе нового, прогрессивного со старым, отживающим. Этот процесс неотделим от общего процесса становления и развития социалистического быта.

¹ Материалы этнографической экспедиции 1952 г.

² Следует отметить, что старшинство снох определялось возрастом их мужей.

³ Даже других людей, носящих имя мужа или свекра, женщины должны были называть не по имени.

⁴ У якутов для обозначения ограничений существовал созвучный мишарскому термин «кинитти» (Н. Горохов. Кинитти. «Известия Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества», т. XIV, № 1—2, Иркутск, 1883, стр. 71—72).

⁵ А. Дарынский. Семья у кавказских горцев. «Записки Общества истории, филологии и права при Варшавском университете», вып. 2. Варшава, 1903, стр. 149.

⁶ Данные взяты из сб.: «Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии», серия III. «Исследование земельных имуществ», ч. II. «Подворная перепись крестьянского хозяйства». Пенза, 1913.

⁷ Подробная таблица терминов родства и свойства у татар, в том числе и у мишарей, этих двух групп нами была уже составлена (см.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 278—292).

⁸ Термины «тудыка» и «тумачи» встречаются и в лексике казанских татар. Но здесь они употребляются не в значении термина родства, а лишь в форме обращения между женщинами, не состоящими в родственных отношениях. Например, близкие подруги договариваются между собой, что они будут называться «тудыкам», «тумачи» или «туганым». В обращении

- друг к другу они вместо имени употребляют один из вышеназванных терминов, подчеркивая этим свои очень близкие, почти родственные отношения.
- ⁹ Таблица терминов, употребляемых как звательная форма у мишарей темниковской группы, приведена в приложении к нашей статье «Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР» (см. сб.: «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 242—281).
- ¹⁰ Иногда и по отношению к йенги применяли такую звательную форму. Так, в с. Сыркыды (Торбеевского района) нам пришлось слышать, как молодая женщина обращается к пожилой: «Исмаил катны йенги». Нам объяснили, что Исмаил, муж пожилой женщины, приходится старшим родственником молодой женщине.
- ¹¹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 283.
- ¹² Этот запрет соблюдался при бракосочетаниях почти у всех тюркских народов, в том числе у казанских татар, чувашей, башкир.
- ¹³ В. Майнов. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885, стр. 81.
- ¹⁴ «Чаваш фольклор». Шупашкар, 1949, стр. 69; «Чуваши». Этнографическое исследование. Чебоксары 1970, стр. 41.
- ¹⁵ П. М. Богаевский. Очерк быта сарapulьских вотяков. «Сборник материалов по этнографии издаваемый при Дашковском этнографическом музее», вып. III. М., 1888, стр. 57.
- ¹⁶ К. Фукс. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1884, стр. 63; С. М. Матвеев. Свадебные обряды и обычаи крещеных татар Уфимской губернии. ИОАИЭ, т. XIII, вып. 5. 1896, стр. 348; В. А. Гордлевский. Элементы культуры у касимовских татар. «Труды Общества исследователей Рязанского края», вып. X. Рязань, 1927, стр. 17; Н. П. Штейнфельд. Бесермяне. «Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г.» Вятка, 1894, стр. 243; М. Е. Евсеев. Мордва Татареспублики. «Материалы по изучению Татарстана», вып. III. Казань, 1925, стр. 195.
- ¹⁷ Г. Ахмаров. Свадебные обряды казанских татар. ИОАИЭ, т. XXIII, вып. 1, 1907, стр. 21, 28; Н. П. Штейнфельд. Бесермяне, стр. 246; С. Багин. Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда. «Этнографическое обозрение», 1897, № 2, стр. 71 и т. д.
- ¹⁸ «Археология и этнография Башкирии». Уфа, 1963, стр. 162.
- ¹⁹ Л. Т. Махмутова. Старинная свадебная песня у касимовских татар. «Известия Казанского филиала АН СССР», серия гуманитарных наук, № 2, 1957, стр. 217—220.
- ²⁰ Н. Б. Бурганова. Свадебные причитания невесты у крещеных татар. Подберезинского района ТАССР. «Известия КФАН АН СССР», серия гуманитарных наук, 1957, № 2, стр. 213—216.
- ²¹ К. Прокопьев. Брак у чуваш. ИОАИЭ, т. 19, вып. 1, стр. 22—23; «Чуваши». Этнографическое исследование, стр. 46.
- ²² Э. Харисов. Башкорт халкынын эзэби мнрасы. Офо, 1965, стр. 137—142.
- ²³ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 263.
- ²⁴ А. Джумагулов. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе 1960 стр. 39.
- ²⁵ Полевые записи автора в д. Сентовка Красноярского района Астраханской области.
- ²⁶ Ф. А. Фиельструп. Свадебные жилища турецких народностей. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 112.
- ²⁷ К. Прокопьев. Указ. соч., стр. 24; «Чуваши». Этнографическое исследование, стр. 51.
- ²⁸ М. Е. Евсеев. Указ. соч., стр. 215.
- ²⁹ Ф. А. Фиельструп. Указ. соч., стр. 105; Г. А. Бонч-Осмоловский. Свадебные жилища турецких народностей. «Материалы по этнографии», стр. 110.
- ³⁰ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 106.
- ³¹ Там же, стр. 108.
- ³² С. М. Михайлов. Чувашская свадьба. «Казанские губ. ведомости», 1852 № 46; А. Ф. Риттик. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870, стр. 109; К. Фукс. Казанские татары..., стр. 28. Н. П. Штейнфельд. Бесермяне, стр. 244; С. Багин. Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда. «Этнографическое обозрение». М., 1897, № 2, стр. 71; В. Майнов. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885, стр. 113; Б. Г. Юлуев. К этнографии башкир. «Этнографическое обозрение». М., 1892, № 2—3, стр. 219.
- ³³ К. Прокопьев. Указ. соч., стр. 28; «Чуваши». Этнографическое исследование, стр. 46.
- ³⁴ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. XIII. Чебоксары, 1937, стр. 8; «Чуваши». Этнографическое исследование, стр. 48.
- ³⁵ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 261; С. Багин. Указ. соч., стр. 90; М. Ильин. Указ. соч., стр. 41.
- ³⁶ Материалы этнографической экспедиции 1961 г. в д. Ст. Мостяк Кулаткинского района Ульяновской области.
- ³⁷ Г. Ахмаров. Свадебные обряды казанских татар, стр. 26; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 264; Н. П. Штейнфельд. Бесермяне, стр. 243; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 308; М. И. Ильин. Свадебные обычаи и обряды вотяков, стр. 59; «Чуваши». Этнографическое исследование, стр. 52.
- ³⁸ Лишь у бундских групп мишарей в рассматриваемое время причитания в свадебном обряде не практиковались.
- ³⁹ Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 107.
- ⁴⁰ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 223.
- ⁴¹ Исследование количественного состава и структуры семьи проводилось методом анкетирования. В 1969 г. нами были изучены татаро-мишарские семьи в Горьковской (в дер. Андреевка Сергачского и дер. Петряксы Пильского районов), Ульяновской (в дер. Дракино Инзенского района) областях и Мордовской АССР (в дер. Черемышево Лямбирского района).

Духовная культура

Верования и их пережитки

Господствовавшей религией мишарей в конце XIX — начале XX в. был ислам. Они, как и казанские татары, считали себя мусульманами суннитского толка. Известно, что проникновение ислама в Среднее Поволжье относится к началу X в. н. э. Однако первоначально он был принят лишь феодальной знатью булгарских племен. Что касается преобладающего большинства тюркского населения Среднего Поволжья, то оно еще по крайней мере до XI в. оставалось язычным¹. Пережитки язычества в идеологии татар-мишарей заметны были вплоть до конца XIX — начала XX в.

В данном небольшом разделе, посвященном верованиям, мы почти не будем касаться религиозных представлений ислама, которые для всего мусульманского мира являются в основном общими и достаточно хорошо известны. Попытаемся рассмотреть главным образом домусульманские представления татар-мишарей, которые прослеживаются на полевом материале и представляют с точки зрения этнографа большой интерес.

Из домусульманских верований у мишарей довольно четко выделяется вера в душу. Как известно, наиболее древним, мифическим доисламским представлением души у татар Среднего Поволжья и Приуралья считается *өрәк*². Термином *өрәк* мишари называли души «нечистых» покойников (самоубийц). Во время экспедиционных выездов нам случалось слышать от верующих стариков такие суждения: душа самоубийц не всегда возвращается вновь к своему хозяину для продолжения загробной жизни, а часто выходит из могилы и бродит на земле в виде *өрәк*, который представляется в образе человека в белом. То же самое, по рассказам мишарей, случалось с душой колдуна, которая пос-

ле его смерти оставалась жить на земле, превратившись в *убыр*. При жизни деятельностью и мышлением колдуна управлял *убыр*. Отсюда и татарское название колдуна — *убырлы карчык*.

Эти души «нечистых» покойников, т. е. *өрәк* и *убыр*, по поверьям татар-мишарей, причиняли людям вред: сбивали с пути запоздавших путников, насылали на людей болезни, пили кровь скота и т. д. Поэтому таких покойников не следовало хоронить вместе с предками. Как правило, их хоронили в дальнем углу кладбища. Нарушение этого правила, по представлениям верующих, грозило жителям этого села стихийным бедствием, в частности засухой.

Вера в превращение душ «нечистых» покойников в злое существо присуща была многим народам Поволжья, Приуралья и Сибири. Так, у чувашей это существо называлось «йерех»³, у якутов — «ер»⁴, у обских угров — «ürt»⁵. По представлению башкир, души *сихырчы* (колдунов) также превращались в *убыр*⁶. Умершие нечистые покойники и колдуны вызывали большой страх также и у восточных славян⁷.

Другим термином домусульманского представления о душе у татар Г. В. Юсупов считал *кот*⁸. Этот термин сохранился и в лексике татар-мишарей и параллельно с термином *кон* в значении выражения испуга: «конным качты», «котым очты», что в переводе на русский язык означает: «кон мой убежал», «кот мой улетел». Как видно, в этом выражении «кот» представляется как нечто материальное, в виде крылатого существа — птицы, бабочки или мухи. Кстати, *жан* (мусульманское представление о душе) также отождествляется с крылатым существом. Очевидно, в это мусульманское понятие о душе было перенесено старое, домусульманское содержание.

«Кот» в этом же значении души имел место и у других тюркских народов, в частности у башкир⁹, у якутов¹⁰. У башкир и у казанских татар существовал магический прием («кот кою») для возвращения «кот» У мишарей применяемое для этой цели магическое действие называлось *куркылык кою*, *курку кою*. Его совершал знахарь (*имче*), если человек чем-то был сильно напуган. Знахарь сажал больного на пол под матицу, разбрасывал вокруг него горящие стебельки конопли, кусочки березовой коры, в какую-либо посуду клал подкову, замок, гребешок, ножницы и зеркало и, звеня этой посудой, выкрикивал при этом имя больного, обходя вокруг него три раза. После этого в блюдо с водой над головой больного лил расплавленный свинец. По отлившейся форме свинца *имче* «узнавал», кого или чего испугался этот человек. Нередко эту отлившуюся фигуру пришивали к

одежде больного, и он должен был сохранять ее до полного выздоровления.

Как видим, домусульманские представления о душе у мишарей и у казанских татар совпадают. Кроме того, они находят параллели в верованиях других народов Поволжья и Приуралья.

Элементы анимистического представления о душе у татар-мишарей, как и у казанских татар, связаны с культом предков. Почитание предков проявлялось прежде всего в погребальном и поминальном ритуалах, в которых переплелись исламские обряды с доисламскими. Покойников обычно хоронят в день смерти или в крайнем случае на следующий. Могилы роют глубиной в рост человека, т. е. около двух метров, длиной 2 м и шириной — 1 м. На глубине 1,6—1,7 м с правой стороны ямы роют нишу (ляхет), длиной 2 м и высотой 30—40 см. Когда могила готова, начинают обрывать покойника. Его обмывают¹² и обортывают в саван (*кафен*)¹³, женщины обортывают в четыре слоя материи, а мужчин — в три. Затем поверх савана покойника заворачивают в одеяло и выносят из дома во двор, где его кладут в сани или на телегу и отвозят на кладбище. Если кладбище расположено недалеко от села, покойника несут на специальных носилках (*табут*), которые хранятся на кладбище и являются предметом общего пользования. У мишарей инсарской группы покойника несут к кладбищу на изготовленных специально для него носилках (*чил*), которые после погребения покойника оставляют на его могиле. Кстати отметим, что у коми покойника везли к кладбищу на специальных санях, которые после погребения его также оставлялись на могиле¹⁴.

В момент выноса тела из ворот на улицу кто-нибудь из членов семьи покойного отнесил мулле или одиноким старикам мильную милостыню (*гур садакасы*), состоящую из каравая хлеба, небольшого количества соли и живой курицы. Следует также отметить, что до погребения покойника сначала земле предавали кровь курицы. Подобный обычай жертвоприношения земле характерен был и для других народов Среднего Поволжья. Бытование его связано было с сохранявшейся традицией почитания культа предков.

Тело покойника в могилу опускали шестеро мужчин (трое из них находились внизу, а трое сверху). При опускании тела женщины его прикрывали от взора присутствующих специальным покрывалом или тем одеялом, в которое оно было завернуто. Покойника укладывали в нише лицом к югу, предварительно развязав концы савана. Затем нишу сбоку закладывали досками. Мишари инсарской группы в промежутки между досками закла-

дывали конопляные стебли, которые по их представлениям обладали оберегающей силой. Затем могилу быстро засыпали землей.

После погребения на 3, 7, 40-й день, через год, а нередко и через полгода устраивали поминки (*атау*) по умершему. В первую неделю устраивались так называемые малые поминки. На поминальный обряд, устраиваемый на 3-й день, кроме муллы, никого не приглашали; в доме пекли блины, часть которых раздавали соседям.

На второй поминальный обряд, устраиваемый на 7 день после смерти, кроме муллы приглашали узкий круг участников похорон, а именно: того, кто обмывал покойника, и тех, которые копали могилу (а у мишарей инсарской группы — и того, который делал носилки). Всем им раздавали оставшиеся вещи умершего.

Самыми большими у мишарей считались поминки, устраиваемые на 40 день и через год. Кроме участников похорон приглашались и другие родичи и знакомые. Мулла (или лицо, его заменяющее) читал отрывок из Корана, затем присутствующие угощались, вспоминали достоинства умершего. Дни поминовения у мишарей в основном совпадают с таковыми у других народов Поволжья и Приуралья, в частности у казанских татар, башкир, чувашей, марийцев и удмуртов.

В основе своей поминальный обряд татар-мишарей, как и у казанских татар, является языческим (у мишарей, а также у кряшен сохранился даже от язычества термин *атау*). В этот языческий поминальный обряд мусульманство внесло лишь небольшую деталь, а именно: чтение отрывка из Корана.

На сохранение языческого элемента в поминках указывает также обычай *өлешен бирү* (раздача доли умершего). В течение года после смерти члена семьи, а иногда и дольше ту часть праздничного блюда, которая бы приходилась на долю умершего, отдавали многодетным соседям или одиноким старикам.

Культе предков у мишарей очень тесно связан с культом могил (*мазар*). В прошлом у них довольно широко практиковалось посещение древних кладбищ (*иске мазар*). Предметом почитания были могилы святых (*изгеләр*).

Почитание предков в конце XIX в. было сильно облечено в мусульманскую оболочку. Приходя к могилам *изгеләр*, верующие рассчитывали на их покровительство и помощь в делах, ожидали исцеления от болезней, избавления от бесплодия и т. д.

Широко распространенное выражение — *изгеләр тотта* (буквально: святые держат или святые хватают) своим происхождением обязано языческим представлениям, ибо, по мусульман-

ским верованиям, покойник бессилен оказывать какое-либо влияние на живых. Следует отметить, что у кряшен также существует подобное по содержанию выражение — «үле тию»¹⁵.

Культ предков проявляется также в некоторых обычаях, связанных с принесением жертв душам умерших предков. Так, очень часто при тяжелых болезнях или во время какой-либо беды давали обещание принести искупительную жертву *назер корбаны*, если наступит выздоровление или благополучно завершится трудное дело.

В комплексе верований мишарей значительное место принадлежало обрядам, предназначенным для умилоствления сил природы. Мишари, будучи земледельцами, находились во власти природы, бессиле перед которой породило у них веру в различных духов, от которых, по их представлениям, зависело благополучие.

Особым почитанием пользовался «дух земли» («жир иясе»), который покровительствовал их полям. Если во время полевых работ семья обедала в поле, то, прежде чем приступить к еде, обращались к духу земли: «Жир иясе, син дә утыр безнең белән ашарга» («дух земли, и ты садись с нами кушать»). После уборки хлебов «духу земли» на поле оставляли пучок цветов.

Для умилоствления *жир иясе* ежегодно после весеннего сева совершали общественное моление с жертвоприношениями (*тавык келәве*). На общественные деньги покупали овцу, готовили *бузу*, варили кашу из пшена. Заколоть овцу поручали самым уважаемым членам общества, старухи варили *шти*. Место, где совершался обряд, называлось *карәмәт*. Перед трапезой мужская половина общества совершала молитву (*намаз*). Кости после пиршества закапывали в землю или бросали в проточную воду¹⁶.

Подобное общественное моление с жертвоприношениями проводилось после сева у многих народов Поволжья: у казанских татар, чувашей, мордвы, удмуртов. У казанских татар-кряшен этот обряд назывался *тавык корманы* или *сабан корманы*.

По представлениям мишарей, *жир иясе* может жестоко наказывать человека. Так, когда у человека болит низ живота, то предполагалось, что он осквернил запретное место (особенно священным считалось то место, где производилось жертвоприношение), за что его наказал земной дух (*жир тоткан*) (буквально: земля держит). Для того чтобы земной дух снял с больного свой гнев, необходимо его умилоствить следующим образом: после полного захода солнца больной выходил во двор и, выбрав самое чистое место, забивал в землю большой гвоздь. Затем

через ворот своей рубахи он лил на этот гвоздь подсоленную теплую воду. По сведениям информаторов кулаткинской группы, при этом необходимо было произнести следующую фразу: «жир атасы; жир анасы! Тоткан булсан жибәр. Мин сиңа аш-су бирәм, син миңа йомшаклык бир» («Отец земли, мать земли! Если ты меня удержишь — отпусти. Я тебе пищу даю, а ты верни моему телу мягкость»).

У сергачской группы мишарей нами записано следующее заклинание:

Ай кайта, көн кайта.
Жир иясе — жирән сакал,
Су иясе — суган сакал,
Күк иясе — күгән сакал.
Ай кайта, көн кайта.
Каян килдең анда кит.
Икмәгем тозым белән сорый килдем,
Үзең ярдәм кыл!
Калдыгы колдыгы шунда булсын.

Луна возвращается, день возвращается.
Хозяин земли — рыжая борода,
Хозяин воды — луковая борода,
Хозяин неба — опаленная борода.
Луна возвращается, день возвращается.
Откуда пришел — иди туда.
С хлебом-солью пришел просить (тебя),
Помоги!
Пусть все здесь останется.

Умилоствление *жир иясе*, как это практиковали мишари кулаткинской группы, имело место тоже у казанских татар-кряшен¹⁷.

Источник плодородия — вода в верованиях мишарей — также обожествлялся. У них, как и у всех народов Поволжья, существовали магические обряды вызывания дождя при засухах.

С древним культом воды, вероятно, было связано представление о мифическом существе *су иясе*, которое обитало в воде и считалось злым духом. За непочтение он мог засушить колодец, водоемы, потопить людей, наслать болезни и т. д.

При заболеваниях, приписываемых влиянию духа воды *су тоту*, приносили искупительную жертву — крошки хлеба, соль и крупу бросали в воду. Обычай «показать новобрачной путь к источнику», имеющий место в свадебном обряде многих народов,

в том числе татар-мишарей, также выполнялся в прошлом с целью одаривания водяного духа, чтобы он не причинил невесте вреда. В верованиях вода представляется не только источником плодородия, но и очистительным и целебным средством. Мишари, так же как и казанские татары, считали, что особым магическим свойством обладает вода, взятая из трех источников до восхода солнца (*таң суы*). В этой воде купали больных, например, при «сглазах».

В верованиях и поверьях мишарей значительное место принадлежит почитанию огня. Прежде всего огонь почитался как очистительное средство, что проявлялось в обряде пропускания скота через костер во время распространения эпизоотии (*тывар чире*). Очистительное значение огня выражено также в обрядах, связанных с лечением больных, прежде всего детей. Так, с целью очищения воды перед купанием ребенка, от «сглаза» в нее опускали семь зажженных лучин. Почитание огня принимало форму различных запретов. Так, нельзя было плевать на огонь — на языке прыщик появится. Между прочим, верующие полагали, что прыщики на теле исчезнут, если их три раза обвести угольком, приговаривая: «кайдан килден, ары кит» («откуда пришел, иди туда обратно»). Этим же способом «лечили» лишай (*ти-мерәу*).

В семейных обрядах достаточно хорошо прослеживается почитание очага. Как уже отмечалось, при взятии в дом невестки ее первым делом подводили к печке и заставляли ее поцеловать. Прежде чем затопить очаг нового дома, на шестке печи резали петуха и выпускали кровь в очаг. Этот обычай назывался *нич ачу* (буквально: «открытие печи»).

Значительное место в древних верованиях мишарей, очевидно, играл также культ солнца. Об этом красноречиво говорит факт широкого распространения в прикладном изобразительном искусстве солнечного знака в виде розетки (см. следующий раздел).

У мишарей, как и у других народов Поволжья и Приуралья, имело место приписывание особых свойств отдельным животным. Так, у мишарей сергачской группы медвежье сало (*аю мае*) считалось целебным при заболеваниях нервной системы. По сведениям информаторов лямбирской группы мишарей, при «лечении» от испуга знахари (*имче, курэзэче*) использовали когти медведя или зайца. Такое суеверное отношение к некоторым животным, возможно, является пережитком тотемизма. В этом отношении интересны псевдонимы (*кушым ат*), распространенные среди них. Почти в каждом мишарском селении какая-нибудь

группа родственников имеет псевдоним *аю халкы* или *аюныкылар*, который можно перевести как «люди из рода медведя». Возможно, в древности для предков этого рода медведь представлял особо почитаемого зверя, т. е. тотем. Небезынтересно заметить, что еще во второй половине XIX в. для сергачской группы мишарей было привычно вождение по селу во время праздников дрессированного (умеющего «плясать») медведя. Когда вождение медведя для показа было запрещено, некоторое время в праздничные дни «медведем наряжали человека и водили по улицам деревни»¹⁸.

В верованиях мишарей отражено также почитание домашних животных, особенно лошадей. Лошадь нередко приравнивалась к человеку; говорили, что лошадь — самое умное животное, верный друг человека, с нею надо обращаться хорошо. Когда, например, крестьянину не «везло» на лошадей, то говорили, что его постигло «проклятие скота» («туар каргышы тоткандыр»), так как он плохо обращался с лошадей. Много поверий и легенд связано с птицами. В частности, интересным, с точки зрения этнографа представляется поверье о существовании птицы счастья (*койгорыш*), которая покровительствовала семье. Эту птицу, по поверьям мишарей инсарской группы, можно обнаружить между только что рожденными телками или жеребятами-двойнями. По мнению языковеда Р. Ахметьянова, название *койгорыш* состоит из двух слов: *кот* (в значении счастье) и *кураз* (петух). Птица счастья — «кóкорош» известна и мифологии чувашей. Небезынтересно заметить, что здесь она представляется в образе небольшой птицы (величиной с воробья), вылупившейся из яйца, которое снес петух¹⁹.

Петух в представлении татар-мишарей является вестником света, счастья. Отсюда, возможно, и исходит название свадебного обряда *таң кучат* (петушиная заря). Пение петуха обещает приятную новость или известие.

В поверьях мишарей обнаруживаются также следы почитания растительности. К ним следует отнести обычай сажать молодую березку на могиле покойного исходя из веры в «душу дерева». Отдельным деревьям и злакам, например рябине, конопле, приписывались магические свойства.

В представлении верующих каждый двор имел своего духа-покровителя — хозяина двора (*йорт иясе*). Этот дух изредка мог показываться человеку, особенно тому, кого он любил, в образе женщины в белом, реже — в образе зайца или белой собачки. Он имел отношение ко всему, что было во дворе, особенно к скоту, и считался помощником в хозяйстве; жил он главным образом

в конюшне, но нередко заходил в дом (греться). Считалось, что время от времени *йорт иясе* надо умиловать. Для этого в небольшом горшке варили пресную кашу или стряпали пресную лепешку (*питрас*) и ставили на подоконник волокового окна конюшни. Когда переселялись в новый дом, то переселяли и *йорт иясе*. Для этого хозяйка варила кашу (несоленую) или *питрас*, приносила в конюшню и обращалась к *йорт иясе* со следующими словами: «йорт иясе, үземнән калма, яңа йортка әйдә» («хозяин двора, не отставай от меня, пойдем в новый двор»). После этого она, никуда не заходя и нигде не останавливаясь, шла в конюшню нового двора и оставляла там горшочек с кашей. С этого момента считалось, что *йорт иясе* переселился. Если малая семья, выделившись из большой, переходила на новое местожительство, то считалось, что для нее *йорт иясе* основной семьи родит молодого (*төп йорт иясе чагалый*).

Данных, свидетельствующих о наличии в верованиях мишарей отдельно домового и конюшенного «хозяев», что свойственно, например, представлениям казанских татар, нам установить не удалось. В этом отношении мифология мишарей близка к мифологии башкир, в которой фигурирует также лишь один общий «хозяин» — «йорт эйһе»²⁰.

К широко распространенным у татар-мишарей фантастическим образам следует отнести *аздяка* — злое и враждебное человеку существо. По поверьям, *аздяка* считается огненным змеем, который может пробраться в дом одинокой женщины и, приняв образ ее мужа, сожительствовать с ней. Об этом женщина не должна никому говорить, иначе *аздяка* ее погубит. Его можно отогнать от женщины лишь выстрелом из ружья. *Аздяка* или *ажқаһа* (у казанских татар) находит аналогии в древнеиранской мифологии и представляет «результат древней этнической связи края со Средней Азией, Кавказом»²¹.

Такие фантастические образы, как шурале, бичура, имеющиеся в мифологии казанских татар, не представлены в четкой форме у татар-мишарей. Эти существа считаются мишарями разновидностью пиров. Пирь, по их представлению, могут повредить человеку — сделать его сумасшедшим (*тиену*). Единственным способом излечения такого больного считалось жертвоприношение пирам. Предметом жертвоприношения являлась черная курица, которую следовало закопать ночью на перекрестке трех дорог. При этом необходимо произнести: «кайдан килден ары кит, имең-томың шул булсын. Мә мин сезгә келәу бирәм, сез миңа саулык бирегез, тагы-тагы сорамагыз» («откуда пришел, иди туда обратно, пусть это лечение принесет пользу; я вам даю

жертвоприношение, а вы верните здоровье, больше ничего не просите»)²².

В верованиях мишарей, так же как и у других народов, олицетворялись и некоторые болезни — оспа, корь, грижа и т. д. В отличие от других, эти болезни назывались *ияле авыру* («болезни, имеющие своих духов»). Они якобы могли быть излечимы лишь жертвоприношением в честь хозяина болезни. Так, оспа олицетворялась в виде особого существа (*чәчәк иясе*). Для умилования *чәчәк иясе* варили жертвенную кашу (*чәчәк буткасы*), приглашали знахаря (*имче*), которому дарили красный ситец. Иногда задаривали *чәчәк иясе* принесением в жертву петуха.

Грыжа (*грыз*) в представлении верующих — злое существо с когтистыми лапами. Болевые ощущения при грыже объясняли тем, что злой дух грызет внутренние органы человека. Для того чтобы вылечить грыжу, на оголенный живот больного сажали живую мышь. При этом кто-либо из присутствующих спрашивал другого:

— Ни чәним? (что грызу?)

А тот отвечал:

— Грыз чәним (грыжу грызу).

После трехкратного повторения вопроса и ответа знахарь произносил: «Ай-көн котыла, син дә котыл» («луна и солнце избавляются (от нечистых сил во время их затмения.— Р. М.) и ты избавься»).

До Октябрьской революции на территории проживания мишарей почти не было медицинских пунктов и медицинских работников. Заболевший человек зачастую был обречен на гибель не только из-за болезни, но и вследствие суеверий и знахарских приемов лечения. Нельзя отрицать того, что были люди, владевшие рациональными способами лечения, например знающие свойства целебных трав и другие. Однако приемы народной медицины и у них нередко переплетались с магическими заговорами.

Огромные достижения в области развития народного просвещения, здравоохранения за годы Советской власти, общий подъем культурного уровня населения не только ликвидировали условия, порождающие веру в религиозные представления и в их проповедников (имче, күрәзәче и др.), но и привели к их окончательной ликвидации.

Народное творчество

Устное народное творчество. Устное народное творчество мишарей, как и других этнографических групп татарского народа, богато и разнообразно. В нем представлены самые различные жанры: сказки и легенды, байты и песни, загадки, пословицы и поговорки.

Сбор произведений устного народного творчества среди мишарей на научной основе начал проводиться лишь в 1950 г. сотрудниками сектора народного творчества Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР. Основным источником при написании настоящего раздела, наряду с полевыми материалами автора, явились фонды этого института.

Мы не будем касаться таких вопросов, как построение стиха, художественных средств, приемов рассказывания и т. д., что является задачей фольклористов. Рассмотрим лишь идейное и социальное содержание фольклора мишарей, взаимосвязь его с устным народным творчеством других соседствующих народов.

Как известно, одним из самых древних видов народного творчества являются сказки. Большинство из них сохранило следы той отдаленной эпохи, когда народ в страхе перед неизведанными силами природы одухотворял все сущее. Например, такие персонажи волшебных сказок, как *акбуз ат* (белая лошадь), *койгорыш* (птица счастья), представляющие верных помощников героя сказки, несомненно, чрезвычайно древнего происхождения.

Звери, действующие в цикле сказок, относятся к фауне Среднего Поволжья. Это, чаще всего, волк, лиса, медведь, заяц. Популярным персонажем большинства сказок является также конь — неизменный друг и помощник положительного героя.

С течением времени, с изменением социально-экономических условий жизни народа произошло и изменение смысловой нагрузки древнего компонента этих сказок. Волшебные сказки, а также сказки о животных утратили характер мифа, качественно изменились. Они обогатились бытовыми деталями, традиционная волшебная обрядность в них сменилась действительными, реальными обрядами. Так, сказка «Еланнар» («Змеи») ²³ настолько насыщена бытовыми деталями, что это превращает ее порой в бытовую рассказ конца XIX в.

Отдельную группу, довольно объемную, составляют бытовые сказки, которые содержат ярко выраженную социальную сатиру. В них обличаются разного рода эксплуататоры — главным образом муллы и баи. Героем таких бытовых сказок является крестьянин-земледелец. В них часто упоминаются сельскохозяй-

ственные культуры (рожь, ячмень и, особенно, просо), орудия труда (соха, грабли, ступа, прялка, веретено), формы укладки снопов (*клад, чумала, купня*) и другие этнографические детали, характерные для народов Среднего Поволжья.

Происхождение большинства этих сказок, а иногда, возможно только бытовых деталей в них, более позднее. Их содержание — оскудение крестьянских хозяйств, разорение и обнищание масс. Так, в сказке «Ярлы Билал» говорится о крайней и безвыходной бедности крестьянина Билала, который трудится не покладая рук, но все же победить нищету не может. В сказке «Жэннэт сакчысы» солдат, вернувшись в родное село, встречает безотрадную картину полного разорения и гибели своей семьи. Изображение расслоения татаро-мишарской деревни характерно и для таких сказок, как «Чыдамады», «Карунбай».

Значительное место в устном народном творчестве мишарей принадлежит легендам, среди которых имеются очень древние по происхождению, например легенда «Зәһрә», которая содержит рассказ о превращении змеи в прекрасного юношу, детей — в соловья и ласточку и женщины — в голубя. Ряд легенд связан с возникновением отдельных селений, названий местности, отражает отношения между жителями отдельных селений. Так, в легенде об образовании деревни Татарская Велязьма Атюрьевского района Мордовской АССР говорится, что основатель ее, татарин, был женат на мордовке. Поэтому жителей этого села считают наполовину мордвой. Подобного содержания легенды нам приходилось слышать и среди мишарей сергачской группы. Только в них чаще прослеживаются смешения в этническом отношении татар-мишарей с чувашами. Конечно, легенды не представляют достоверного исторического источника, но тем не менее они могут быть использованы как подсобный материал в решении вопроса этногенеза народа.

Древним жанром устного народного творчества мишарей являются также загадки, пословицы и поговорки. Однако этот жанр, как и жанр сказок, настолько слился с загадками, пословицами и поговорками казанских татар, что невозможно определить их специфичность. Они имеют лишь некоторые лексические и фонетические отклонения.

Среди жанров устного народного творчества мишарей, как и казанских татар, видное место занимают байты.

Они складывались по случаю какого-либо чрезвычайного, часто трагического события в жизни народа или отдельного человека и точно отражали реальную действительность ²⁴. Среди мишарей наиболее распространены байты ²⁵ о войне, например

о русско-японской («Япон сугышы баете»), о лашманах («Лашман баете»), о трагической смерти («Суга баткан Айша баете», «Аючы Дәүли баете», «Янып үлгән Фатыйма баете» и др.). Такие банты, как «Чынны баете», «Урта эләзэн баете», повествуют об эпизодах первой русской революции. В «Солдат баете» («Баит о солдате»), «Ярлы егет баете» («Баит о бедном джигите») «Сабирулла баете» («Баит о Сабирулле»), создание которых относится к середине или ко второй половине XIX в., отражается возмущение народа социальной несправедливостью, протест против угнетателей.

Для бантов характерна своеобразная мелодия. Но в прошлом они, очевидно, исполнялись способом речитатива (*баит зыту*). Речитатив очень характерен для эпоса кочевников-тюрок. Вероятно, баит у татар Среднего Поволжья и Приуралья представляет измененный сокращенный вариант эпоса, унаследованного ими от кыпчаков или других кочевников.

Баиты характерны также для устного народного творчества башкир. Русским и финно-угорским народам подобный жанр фольклора не свойствен.

Самым распространенным жанром устного народного творчества мишарей, так же как и казанских татар, являются песни: короткие, сюжетные, обрядовые, плясовые. Наиболее популярными являются короткие песни (*кыска жырлар*), представляющие собой четырехстрочные куплеты. В отличие от других разделов народной лирики, они «не связаны с обрядами, играми, не имеют закрепленных напевов и названий, легко переходят от одной мелодии к другой»²⁶. Несмотря на то, что эти песни не содержат развитого сюжета, они отражают различные стороны жизни народа (от интимных до общественно-социальных) и имеют разнообразный характер (от глубоко печальных до веселых). Развитие этого жанра народной лирики у мишарей происходит в тесном контакте с *кыска жырлар* казанских татар, для народного творчества которых они особенно характерны.

Мишарскую поэзию отличает от казанско-татарской большое число сюжетных песен²⁷, которые «состоят из нескольких куплетов, скрепленных единством мысли, эмоционального звучания, с постоянными или меняющимися текстовыми или мелодическими припевами»²⁸. С тематической стороны сюжетные песни разделяются на две группы: 1) песни на общественные темы и 2) песни лирические (любовные или семейно-бытовые).

В первую группу входят песни, посвященные изображению жизни народа в определенный исторический период. Однако в нашем распоряжении нет песен, сюжет которых отражал бы

древнюю эпоху жизни мишарей. С течением времени, по мере изменения условий жизни народа, в результате неоднократных переселений, песни, соответствующие старым социально-экономическим условиям, перестали бытовать. Большинство сюжетных песен мишарей отражает социально-экономические условия пореформенного периода — пролетаризацию татарского крестьянства. В таких песнях, как «Батрак жыры» («Песня батрака»), «Ярлы егет» («Бедный джигит»), «И, дуслар» («Эх, друзья») и др., раскрывается тяжелая участь батраков: один не может жениться на своей любимой, потому что нет денег для уплаты кадыма («безнең кәләшләр тәрәзәдән бага, маллар югыннан ятларга кала»); другой, пока батрачил, не заметил, как прошла его жизнь («Бай каршында хезмәт итә-итә, сизми калдым гөмерем узганын») и т. д.

Много сюжетных песен мишарей посвящено отходникам. В таких песнях, как «Егет йөри мал өчен» («Джигит идет в отход ради заработка»), «Шаулама камыш» («Не шуми, камыш»), «Үзәбез яшьләр» («Сами молодые»), «Тулган аем, йөрәк маем» и др., подчеркивается, что в отход идут не в погоне за «длинным рублем», а в поисках выхода из беспросветной нужды; заработок отходника не легкая нажива — он добывается в поте лица («Мал табуның маңгаеннан тир тама»); на чужбине сердце кровью обливается в тоске по близким («Маллар эзләп читтә йөри торгач, каниар савып бетте йөрәккә»). Отходник с горечью восклицает: «Неужели молодость, пройдет вдалеке от родных мест, в разлуке с любимой!»

Во второй половине XIX в. возник своеобразный вид отходничества — занятие торговлей. Этим увлеклась часть татар-мишарей, которая искала легкого пути обогащения. Одни из них занимались торговлей старьем — это «узельщики». Они, проходя по улицам и дворам городов, покупали старые вещи, а затем перепродавали их на рынке. Другие возили в Сибирь с целью перепродажи, пензенские пуховые платки. Таких в народе называли *шәлчеләр* или *себерчеләр*.

Отходники «узельщики» и «шәлчеләр» в народе не пользовались уважением. В песнях о них говорится, что лучше заниматься хлебопашеством, чем таскать на себе узел или торговать шальми в Сибири («Мактанмасын себерчеләр, игенчегә тиң түгел»).

В ряде сюжетных песен и бантов отражен отход на заработки медвежатников (*аючылар*): группа в 3—4 человека водила прирученного медведя по городам и селам, на улицах которых устранивались своеобразные выступления. Этот вид промысла особенно был развит среди мишарей сергачской группы²⁹.

К группе сюжетных песен относятся также солдатские и рекрутские песни, в которых служба в царской армии отождествляется с тяжким наказанием, с каторгой, а освобождение от солдатской службы в любом случае — величайшее счастье («Бәхет-леләр котыла приемнан, миңа ул бәхетләр тимәде»); солдатская служба отнимает половину человеческой жизни («Башымдагы сары картузым, алды гөмеремнең яртысын»); призыв в царскую службу равносильен смерти («Исән-сау булсак хатлар язарбыз, кайта алмасак, бәхил булыгыз»).

В эту группу следует отнести и песни о разбойниках. Широко распространение среди мишарей имела песня «Хәмидулла качкын», героем которой является удалой разбойник Хамидулла, в прошлом батрак. Доведенный издевательством хозяина до крайности, Хамидулла убил его и поэтому был вынужден бежать из села. Его протест против притеснителей народа выражается в том, что он грабит богатых и оделяет бедных.

Таким образом, среди сюжетных песен большое место занимают песни о народных страданиях, о социальном неравенстве.

Большое количество сюжетных песен посвящено любовной лирике. Глубина чувств хорошо отражена в таких песнях, как «Синең өчен яна йөрәгем» («Из-за тебя болит сердце»), «Кузырлыкай чана» («Сани с кузовом»), «Кызыкма син алтын балдакка» («Не зарься ты на золотое кольцо»), и т. д.

Как известно, с развитием капиталистических отношений имущественный фактор при заключении брака приобрел важное значение, а зачастую стал решающим. В татарской деревне, в частности, зажиточные крестьяне в погоне за большим калымом иногда выдавали дочерей-подростков или едва достигших совершеннолетия за богатых стариков. Во многих лирических песнях богатству предпочитается жизнь с любимым. Приводим одну из таких песен, записанную нами в с. Лямбирь Мордовской АССР.

Аран алдыннан кош уза,

Уң аягында кургашын.

Сокланмагыз дуслар бай кәләшкә,

Яң кунардай булсын юлдашын.

Летит птица над сараем,

К правой лапке подвязан свинец.

Не мечтайте, друзья, о богатой,

А мечтайте о спутнике жизни задушевном.

Эйтә барыгыз сенелләремә,

Сокланмасыннар байда тормышка.

Байда тормышлар, анакай, картайтә,

Кырыс канишләр, анакай, саргайта.

Саргайта, анакай, ақтай, йөзләрне,
Тилмертә, анакай, ике күзләрне.

Скажите вы моим сестрам,

Пусть не завидуют жизни у богатого,

Жизнь у богатых приводит быстро к старости,

От злых свекровей лицо желтеет,

Желтеет мое белое лицо,

Тускнеют мои глаза.

В некоторых песнях выражается протест против брака по расчету. Так, в песне «Тиң түгелгә ник бирәсез» («Зачем выдаете за неравного») девушка заявляет родителям: «Зачем выдаете меня за неравного, умру — не выйду за него» («Тиң түгелгә ник бирәсез, барыбер, бармыйм — үләрмен»).

В фольклоре мишарей довольно богато представлена и обрядовая поэзия. Сюда прежде всего следует отнести календарно-обрядовую поэзию. Интересно проходили обряды в зимний период, связанные с возрождением солнца или с зимним солнцестоянием. Так, широко известным является «нардуган», впоследствии приуроченный к святкам у русских. В нардуганские вечера совершали гаданья на кольцах (*йөзек салыш*), напоминающие гадание на святках у русских. Каждый из участников игры клал на блюдо кольцо или другую вещь. Блюдо накрывали полотенцем. Ведущий — один из участников запевал песню:

Нардуганым нар булсын,

Эче тулы нур булсын.

Нардуган кевен кем күләсә

Шул дәүләтле, бай булсын.

Пусть мой нардуган будет красным,

Пусть он будет лучезарным

(или пусть он будет полон лучами),

Тот, кто поет песню «Нардуган»,

Пусть будет богатым.

Нардуганым нар булсын,

Эче тулы нур булсын

Нардуган кевен кем күләсә

Шул бәхетле яр булсын³¹ и т. д.

Пусть мой нардуган будет красным,

Пусть он будет лучезарным.

Тот, кто поет песню «Нардуган»,

Пусть будет счастливым в любви.

После каждого куплета ведущий доставал из-под полотенца кольцо. По содержанию соответствующего куплета предсказывалось будущее тому, кому принадлежало вынутое кольцо.

Таким образом, гадание сводилось к пожеланию его участникам личного счастья, богатства и благополучия.

Среди этнографических групп татар Поволжья, кроме мишарей, обряд «нардуган» с соответствующей поэзией известен кряшенам. Как и у мишарей, «нардуган» кряшен включал игры с гаданиями на кольцах, и т. п.³² Соответствующий обряд под названием «нартаван» бытовал у чувашей.

Из весенней обрядовой поэзии, бытовавшей среди сергачских мишарей вплоть до конца XIX в., следует отметить «жимчэчэк»³³. Эта хороводно-игровая песня исполнялась молодежью села на берегу реки, во время весеннего паводка. Обряд, как показывает само название (жим — сок или питание, чэчэк — цветок), был связан с пожеланием плодородия растениям.

Наличие песен и заклинаний было свойственно и для весеннего обряда мишарей — «чип-чип» (то же, что и «цып-цып»), который совершался в день весеннего равноденствия, впоследствии приуроченный к пасхе. Этот обряд сопровождался колядованием. Подростки собирались группами и обходили дома. В куплетах, которые они исполняли, содержались пожелания удачи в разведении кур:

Чип-чип чебарук,
Йомыркасы югарук.
Ак тавык, күк тавык,
Ходай бирсен күп тавык».

Чип-чип чибарук,
Яйцо находится высоко.
Белая курица, серая курица.
Пусть бог вам даст много кур.

Хозяева дома подавали им яички и чигелдэк³⁴. Верующие считали, что если они их не подадут, то в хозяйстве на этот год не будет проку (*ел унмый*). Таким образом, совершающие обряд «чип-чип» в верованиях мишарей олицетворяли магическую силу, от которой зависело благополучие семьи в будущем. Нередко в куплетах-заклинаниях, исполняемых участниками этого обряда, звучала угроза:

Кодый-кодый ак тавык,
Мая сала карт тавык.
Әби-бабай үдәме?

Бер йомырка бирәме?
Бер йомырка бирмәсә,
Тимерчегә барырман;
Тимер тукмак алырман,
Сугып башын ярырман³⁵.

Кудахчет, кудахчет белая курица,
Несет подкладыш старая курица.

Дома ли дед с бабкой?
Дадут ли одно яйцо?
Если не дадут яйцо,
Пойду к кузнецу,
Возьму железную колотушку,
Размозжу им головы.

Как известно, календарные обряды во второй половине XIX в. потеряли свое основное значение. В результате этого сократилась календарно-обрядовая поэзия. Заклинания превратились лишь в песни, которые исполнялись для собирания подарков.

По некоторым сведениям, у сергачской группы мишарей бытовало девичье гулянье, напоминающее семик. В этот день девичьи собирались в каком-нибудь доме, пели песни, веселились, а затем уходили в поле, где устраивали пляски³⁶. Однако песни и другие элементы фольклора из этого обряда не сохранились.

Наиболее полно в устном народном творчестве татар-мишарей представлен другой вид обрядового фольклора — свадебная поэзия, лейтмотивом которой является прощание невесты с девичьей волей в доме родителей, горечь разлуки с родными, страх перед бесправным положением в «чужом доме».

Иртә торып тышка чыксам,
Моңлы тавыщ килә кокыдан.
Ятларның кулына ник бирәсен,
Ят уятыр татлы йокыдан.
Рано утром я вышла на улицу,
Грустно куковала кукушка.
Зачем выдаешь меня в чужие люди?
Чужие разбудят от сладкого сна.

Свадебные плачи-притания невесты имели множество вариантов. Такими были куплеты «тудыкайлар»:

Энә генә еп кенәм,
Калды сандыгым төбендә;

Уйнаганым, әй, көлгәнем, тудыкайлар,
Калды атакай үендә.

Лишь иголка с ниткой
Остались на дне моего сундука.
Веселье и шутки мои, тудыкайлар,
Остались в доме отца.

Ардым, анай, арыдым,
Сабанга жиккән тай кебек.
Ата үендә без торабыз, тудыкайлар,
Срокка салган мал кебек.

Устала, матушка, устала я.
Как запряженный в сабан жеребенок.
Живем мы дома у отца, тудыкайлар,
Как вещь, заложенная на срок, и т. д.

В кулаткинской группе мишарей свадебные причитания назывались *этеки* (бабушка). Этот термин, вероятно, возник потому, что большинство куплетов адресуется отцу:

Ишектән кердем атладым,
Атлас кына жәйдем түрәнә.
Этеки, кәбәм, күпсенмә,
Кунак кына булдым уеңә.

Вошла в дверь и шагнула вперед,
Накрыла переднюю лавку атласом.
Не думай, отец, что я зажилась,
Я только гостила у тебя.

Все эти варианты причитаний тематически связаны между собой и представляют поэтический рассказ невесты о своей жизни в родительском доме. Нередко варианты являли собой импровизацию, в которой раскрывались глубокие чувства, душевная красота и богатая поэтическая одаренность девушки.

Свадебная поэзия мишарей содержит также песни величальные (*кодалар мактау, кияү мактау ерлары*), шуточные (*кияү хурлау, кодалар хурлау*) и плясовые (*балдыкай*).

Свадебная поэзия мишарей своими характерными чертами, а именно: наличием причитаний, величальных, шуточных и плясовых песен, близка к свадебной поэзии татар-кряшен. При этом следует отметить, что отдельные куплеты свадебных песен этих двух этнографических групп татар Поволжья почти абсолютно совпадают³⁷.

Мишарская свадебная поэзия имеет много параллелей с чувашской. Она близка также и к башкирской.

Близость устного народного творчества этих народов нельзя объяснить только взаимовлияниями. Она могла возникнуть в силу общности их исторического прошлого, а может быть даже в силу общности этнических процессов на этапе, послужившем общей основой для формирования этих народов.

Приемы орнаментации ткани (узорное ткачество, вышивка и аппликация). Среди татар-мишарей всех групп широкое распространение имело изготовление узорных тканей. В конце XIX — начале XX в. изделия с тканым узором стали ритуальными и были тесно связаны с семейными обрядами. Они составляли значительную часть приданого невесты (*бирнә*). Поэтому узорным ткачеством в основном занимались девушки. Ткать девочка обучалась с 8—10 лет. Просиживая за ткацким станком зимние вечера, к периоду замужества она изготовляла до 30 и более полотенец с орнаментированными концами, много скатертей, головных покрывал — тастаров, узорный холст для рубах и штанов и другие предметы, которые были необходимы для ее приданого. По принятому обряду, во время свадьбы полотенца, скатерти и другие вещи собственного изготовления невесты вывешивались на стенах в избе для всеобщего обозрения.

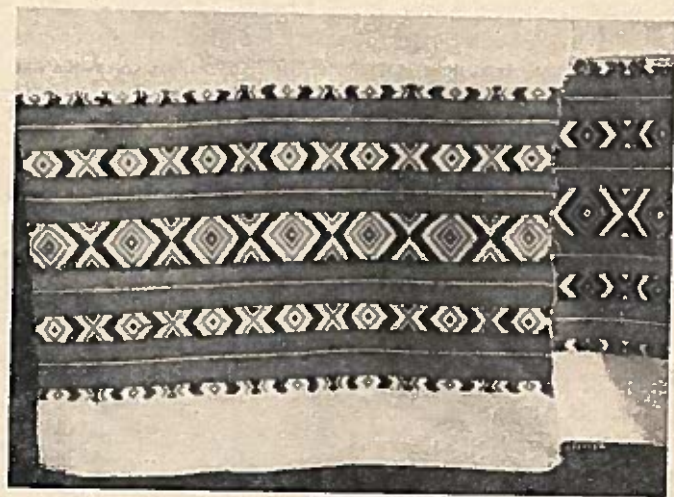
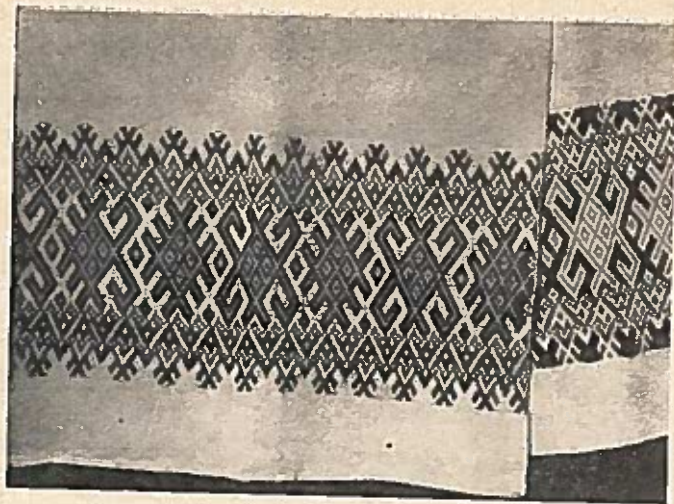
Для узорного тканья использовалась преимущественно конопляная и льняная пряжа. Во второй половине XIX вв. одновременно с нитками домашнего производства в обиход вошли фабричные хлопчатобумажные нитки — *кизе*.

Наиболее простым способом украшения ткани являлось изготовление пестряди — *алача*. Распространена была пестрядь в полосу и клетку. Ткани с клетчатым рисунком употреблялись на изготовление женских рубах, передников, скатертей, занавесей, постельных покрывал. При этом следует отметить, что рубахи шили из пестряди со сравнительно мелкими клетками, а предметы домашнего обихода — покрывала для постели, скатерти — делали из пестряди с крупным рисунком.

Расцветка рубах чаще производилась красно-белая. Предметы из ткани домашнего обихода, в отличие от пестряди для рубах, имели более пеструю расцветку. Одновременно с преобладающими красными, белыми тонами часто встречаются черный, желтый или оранжевый тона.

Наиболее распространенной техникой узорного тканья мишарей была браная с ее двумя разновидностями: выборная (*чүпләү*) и настильная (*күтәрү*)³⁸. Узоры наносились утком двух (двухцветное бранье) или нескольких (многоцветное бранье) расцветок.

Браные узоры особенно широко применялись на полотенцах. Судя по сообщениям информаторов, браной техникой в более

Концы полотенца. Браное тканьье
(дер. Азеево Ермишинского р-на Рязанской обл.)

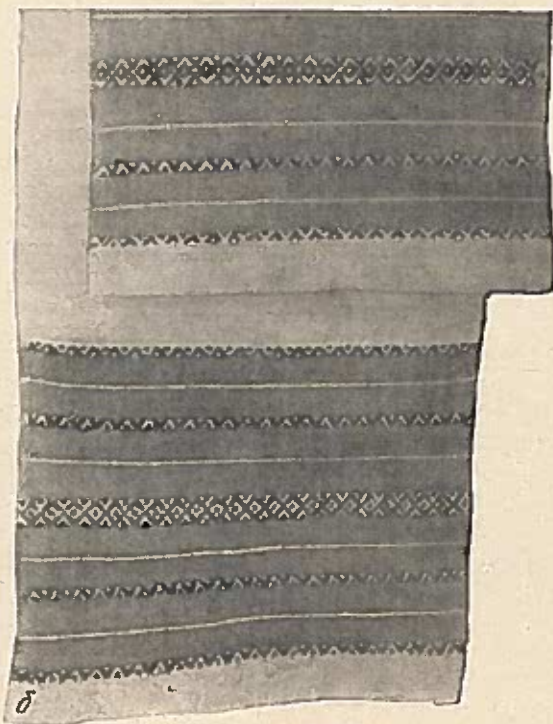
раннее время орнаментировались и женские рубахи, и концы тастаров, и женские передники. Но мы не располагаем подобными образцами. Одежда мишарей из холста с браными узорами ни в музеях, ни тем более у населения почти не сохранилась. Поэтому характеристику узоров можно дать по сохранившимся в музеях и у населения коллекциям полотенец.

Среди имеющихся полотенец, вытканых браной техникой, преобладают полотенца с узорами двух расцветок: белой и красной, т. е. они выполнены по белому фону красными хлопчатобумажными нитками. В многоцветных узорах, выполненных выборной и настильной техникой, преобладают зеленый, желтый, голубой тона. Орнамент художественного тканья в основном геометрический. Он наряду с самыми простыми линиями включает сложные геометрические формы.

Простейшими линейными мотивами орнамента на браных узорах являются: пунктиры (-----), зигзаги или зубчатые линии (ΛΛΛΛΛ), косой крест (×××××), изогнутые в виде стрелочек линии, идущие в одном направлении, образуя как бы плетеный шнурок (>>>>>). Из простых геометрических форм распространены квадрат (□), треугольник (Δ) и ромб (◇). Эти простейшие мотивы в композиции узора выполняли второстепенную роль и, как правило, обрамляли основной узор. Но в простейших образцах они нередко составляли и главную деталь узора. Из комбинации этих простейших ломаных линий, треугольников или квадратов образуются сложные геометрические формы. Так, широко распространенным мотивом браного орнамента является X-образная форма, называемая «козел», составленная из двух углами расположенных ломаных линий (∩), а также >|<-образная форма — «чэчрэткэ». Из комбинации мелких квадратиков составлялись сложные узоры в виде ступенчатых

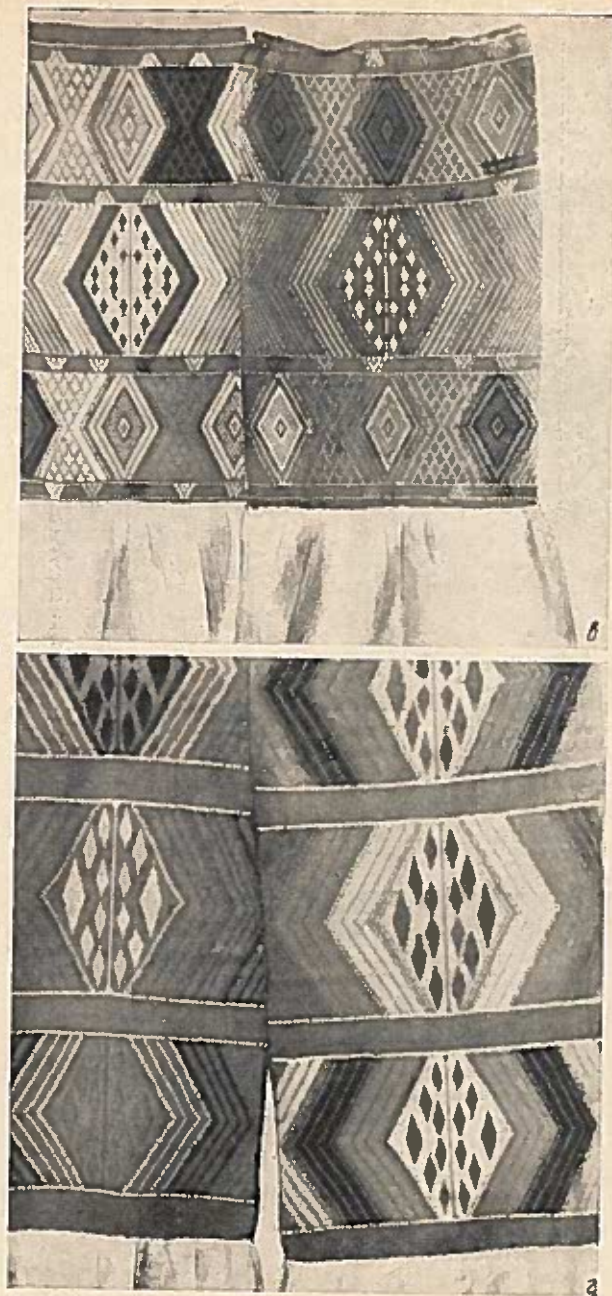
квадратов:

Подобной комбинацией ткачиха изображала круг, вкладывала в него значение небесного светила. Кстати, следует отметить, что ромбы и квадраты в тканых узорах мишарей носят название круга или предметов шаровидной формы (яблоко, орехов и др.). Например, ромб с включенными в него мелкими ромбиками у керенской группы мишарей называется *алмалы круг* (круг с яблоками). В зависимости от количества ромбиков различают: «дурт алмалы круг» или «круг эчендэ дурт алма» («круг, включающий четыре яблока»), «тугыз алмалы круг» или «круг эчендэ тугыз алма» («круг, включающий девять яблок») и т. д. Узор из мелких ромбиков, помещенных между

Концы полотенец. Браное тканье

а — дер. Искл Зубово-Полянского р-на Мордовской АССР;
б — дер. Дашкино Темниковского р-на Мордовской АССР;

в — дер. Петряксы Пильского р-на Горьковской обл.

Концы полотенец. Закладное тканье
(дер. Дракино Инзенского р-на Ульяновской обл.)

двумя X-образными формами
(X X), называется «козел-
лар эчендэ алмалар» (яблоки,
заключенные между козлами).
Два квадрата или шестигуль-
ника, соприкасающиеся углами
(), называются
«куш крендель» (спаренные
крендели). Мотив восьмиконеч-
ной () или шестиконечной

() звезды называется
йолдыз (звезда). Звездчатая
розетка, обрамленная много-
гранником, называется «кру-
кы йолдыз» (звезда с кругом).
Мотивов тканых узоров, как
правило, немного, но различное
их сочетание давало возмож-
ность получить различные
сложные композиции. Разнооб-
разие узора создавалось глав-
ным образом за счет периодич-
ности чередования мотивов и
соразмерности отдельных ча-
стей композиции.

Орнаментированные концы
полотенец различных групп ми-
шарей заметно различаются.
Так, для полотенец темников-
ской группы характерно двух-
цветное бранье (узоры наноси-
лись утком двух расцветок:
красной и белой). Композиция
узора чаще составляется из
трех полос линейного орнамен-
та, расположенных друг от дру-
га на некотором расстоянии.

Концы полотенец. Браное тканье (дер. Андреевка Сергачского
р-на Горьковской области)

Эти полосы, с повторяющимися геометрическими фигурами, чередуются со сплошь затканной красными нитками полосой. На полотенцах керенской группы мишарей чаще встречается многоцветное бранье, выполненное на белом фоне. Композиция узора состоит из пяти горизонтальных полос. Сергачские мишари при ornamentации концов полотенца больше применяли «настильную» технику. Узоры, как правило, наносились по красному фону ткани. В расцветках узора преобладают белый, зеленый, голубой, желтый цвета. Для полотенца кулаткинской группы характерно как двухцветное, так и многоцветное бранье. Иногда полоса с бранями, многоцветными узорами сочетается со сплошь затканными, также разноцветными, полосами. Своеобразный колорит композиции узора создают контрасты в ширине полос.

Кроме браной техники тканья, у татар-мишарей была развита и «закладная». Особенно широкое распространение она имела среди карсунских мишарей при ornamentации полотенца. Эта техника давала возможность ткачихе воспроизвести многоцветный узор. В создании узора нередко участвует до десяти цветов. Особенностью закладного тканья карсунских мишарей является то, что нитки смежных закладок не переплетаются с нитью основы, остаются щели, которые затем сшиваются.

Наиболее часто встречающимися мотивами на полотенцах карсунских мишарей являются зубцы, стрелки и вертикальные извилины. Узоры, состоящие из нескольких цветных извилин и зубцов, очень характерны для палас, безворсовых торб и других тканых изделий туркмен. Очевидно, закладная техника тканья, с ее своеобразными мотивами, компоновкой и расцветкой узора является у татар-мишарей наследием тюркских племен.

Наиболее распространенный вид прикладного искусства татар-мишарей представляет вышивка. Вышивкой украшались как отдельные элементы одежды (грудь, подол, рукава женской рубахи, концы полотенцеобразного головного покрывала — тастара замужней женщины, лопасть накосника, всевозможные калфачки, женские нагрудники и т. д.), так и предметы быта (полотенца, подзоры, намазлыки); узоры чаще выполнялись по бархату, шерстяной, хлопчатобумажной ткани шелковыми, хлопчатобумажными, шерстяными и металлическими нитками.

Для татар-мишарей характерны два вида вышивки: свободная и счетная. Наиболее распространенным свободным швом у мишарей (особенно «ч-окающих» групп) является тамбур. Этим швом украшались: нагрудники, передники, подзоры, полотенца, носовые платки, намазлыки.

Тамбурная вышивка татар-мишарей полихромна — в ней имеют место все основные цвета, но особенно часты зеленый,

Конец полотенца. Закладное тканье
(анварель; дер. Дранино Инзенского р-на Ульяновской обл.)

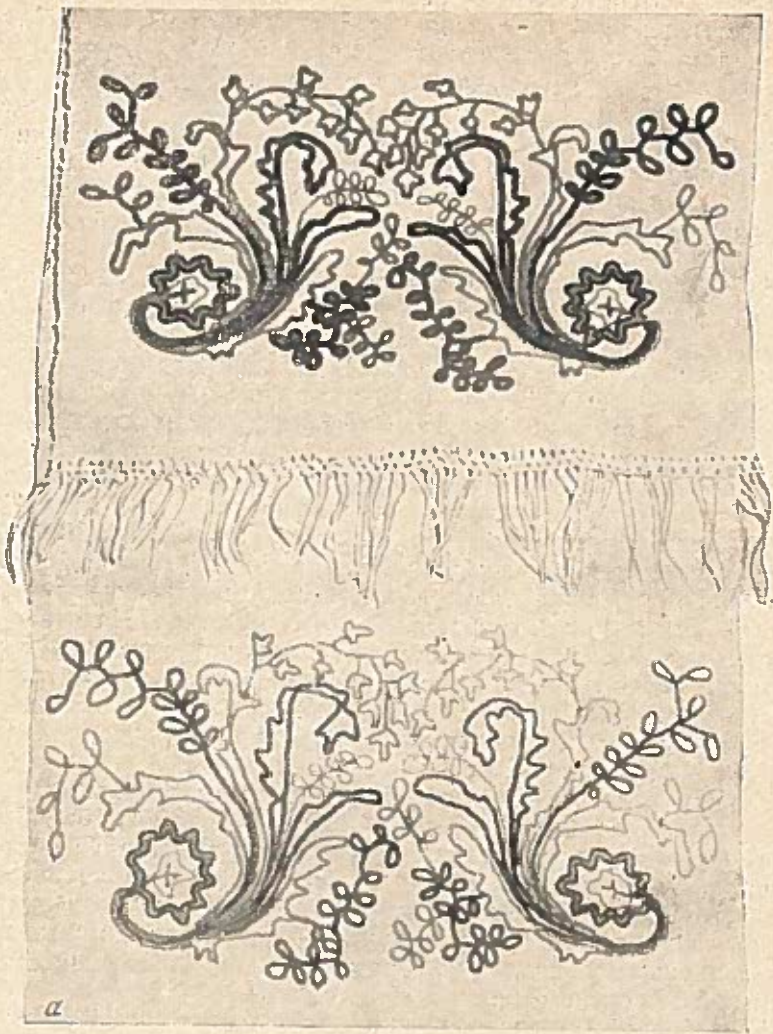
голубой, желтый, белый и красный. Узоры напоминают в какой-то степени тамбурные узоры казанских татар, башкир. Однако в целом образцы тамбурной вышивки мишарей не представляют того богатого разнообразия в орнаменте и красках, как у казанских татар. По-видимому, это объясняется тем, что женщины из татар-мишарей менее были связаны с рынком; они не были профессиональными вышивальщицами. К ним в гораздо меньшей степени проникали новые узоры. Поэтому их вышивки, выполненные тамбурным швом, отличаются упрощенной трактовкой растительного орнамента.

Из наиболее характерных мотивов выделяются спиральный завиток и волнистая ветвь, трех-четырех и многолепестковые цветы и листья, имеющие широкое распространение в тамбурных узорах вышеупомянутых народов. В большинстве образцов они условно обобщены, и установить их сходство с определенным растением невозможно. Иногда мотивы листьев трактуются большими закругленными краями, между собой не связаны и представляют отдельные самостоятельные раппорты. Компановка рисунка зависит от характера орнаментируемого предмета. Так, на нагруднике тамбурный узор, представляющий сложный букет, чаще располагается по всей поверхности орнаментируемой ткани. Для узоров носовых платков характерно построение рисунка по осям симметрии (центральный мотив розетка). На подзорах орнаментальный ряд в виде букета или побега с цветами и листьями располагался по длине ткани. На молитвенных ковриках (*намазлык*) вышивка идет по трем сторонам — по верхнему краю и по бокам. На полотенцах тамбурная вышивка располагается на обоих концах.

Тамбур относится к древнейшим приемам вышивания, распространенным у племен Южной Сибири и Средней Азии. Появление его у народов Среднего Поволжья и Приуралья связано с истоками культуры тюркоязычных народов на территории Среднего Поволжья. Что касается орнаментальных мотивов тамбурного шва, то они также характерны для тюркоязычных племен в прошлом и являются доказательством этнических связей мишарей с тюркским миром.

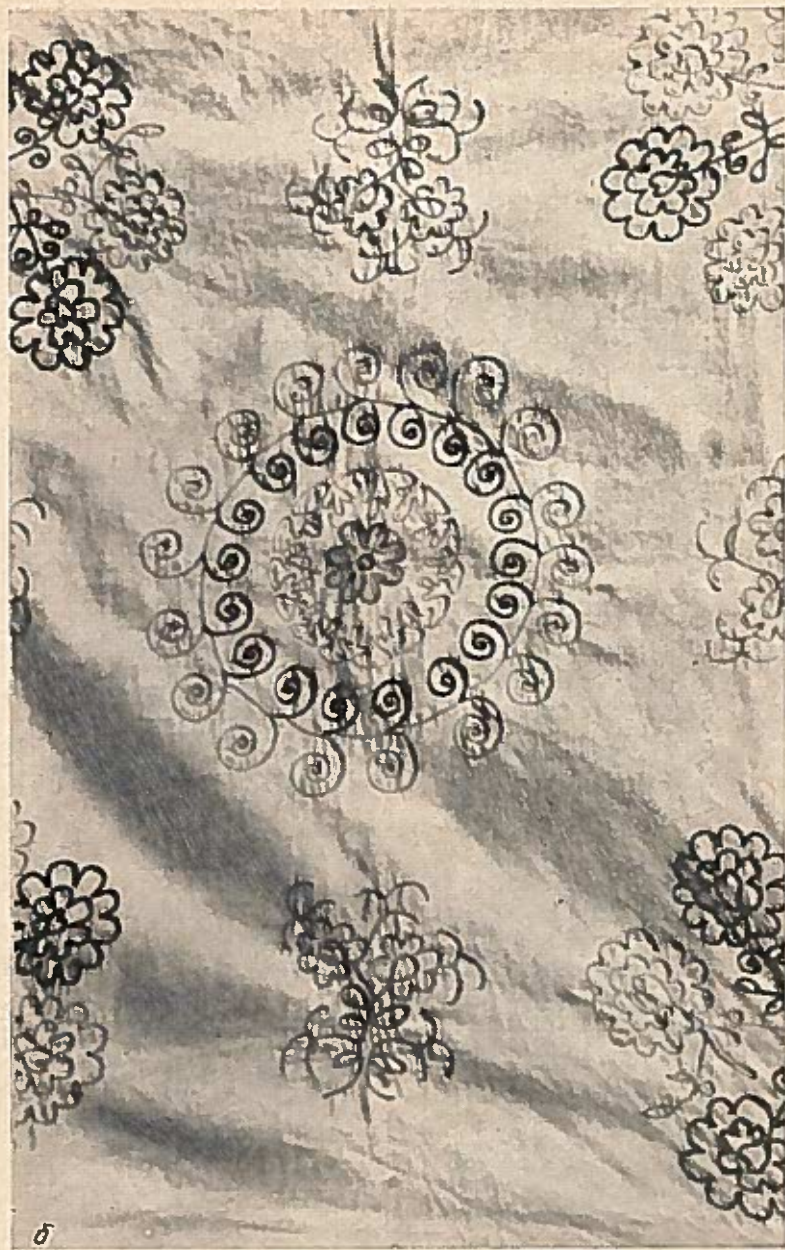
К свободной вышивке относится также золотошвейное шитье (на бархате или шелковой ткани), выполненное в технике прямой глади золотыми, серебряными нитями или канителью. Золотошвейная гладь применялась при расшивке женских тастаров, *цэч-кап*, нагрудников, калфачков, мужских тубетеек и т. д.

На тастаре золотошвейный узор располагается тремя горизонтальными полосами. Эти полосы, состоящие из геометрических

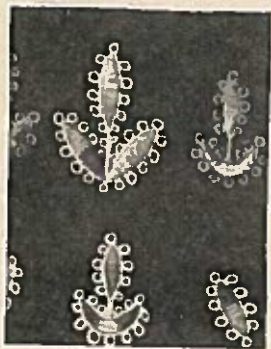
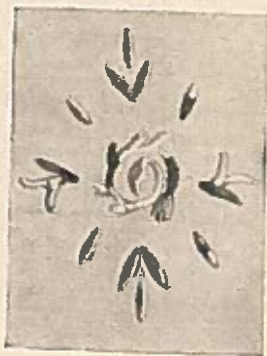
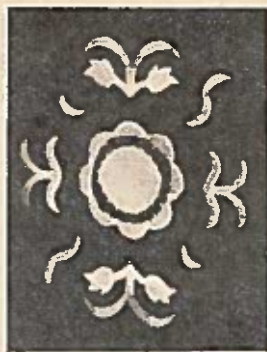

Узоры тамбурной вышивки

а — на концах полотенца (колл. Саранского краеведческого музея).

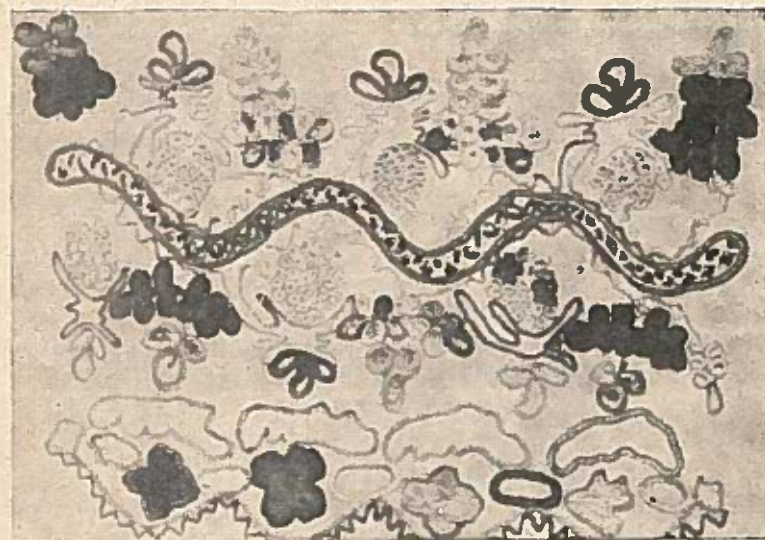
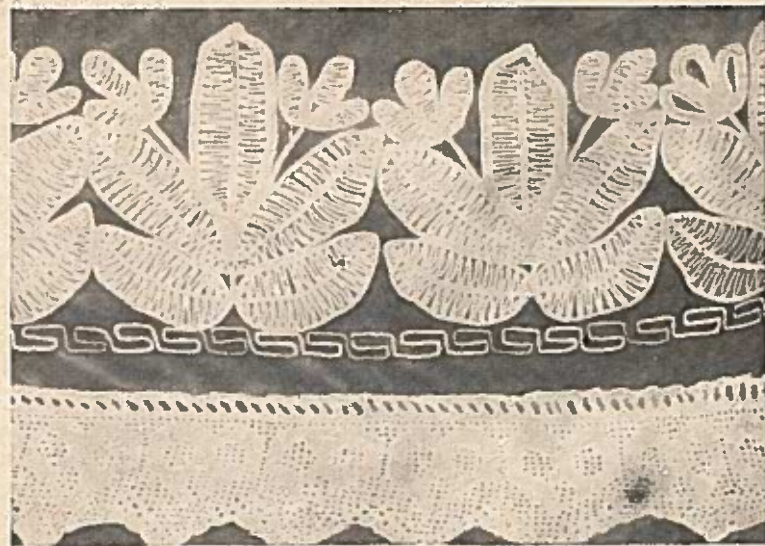
б — на носовом платке жениха — кля лулызы (дер. Дракино Инзенского р-на Ульяновской обл.)

Узоры на нагрудниках (күкрәк). Колл. Саратовского краеведческого музея

Основные элементы узоров на кукрак, выполненных золотшвейной и шелковой гладью

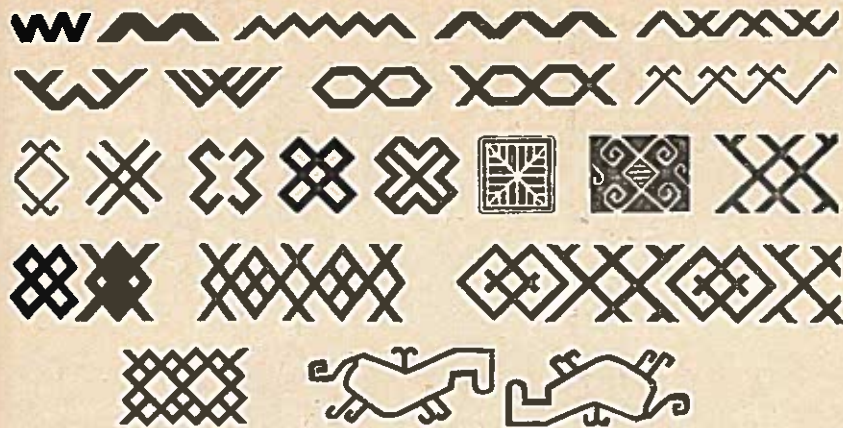
Узоры тамбурной вышивки, на подзорах

или стилизованных растительных мотивов, чередуются с полосой, сплошь расшитой металлической мишурной ниткой. Узор на *чэч-кап* располагается по его свисающей части либо в виде двух-трех горизонтальных полос, либо в виде единого орнамента, покрывающего всю украшаемую поверхность. На нагрудниках рисунок построен по осям симметрии; основной узор сосредоточен в центральной части. В композиции золотошвейного узора на калфачках преобладает бордюрный растительный орнамент. На них вышивка, имеющая форму изогнутой ветки с листьями и цветами, располагается по околышу и части донца головного убора.

Распространенными мотивами золотого шитья у татар-мишарей также являются тюльпаны, трилистники, характерные для орнамента казанских татар. Сходные мотивы особенно преобладают на таком общем для мишарей и казанских татар элементе одежды, как калфак. Что касается золотошвейных вышивок на других предметах, которые не сохранились в комплексе одежды казанских татар, но продолжали бытовать у татар-мишарей (*чэч-кап*, *тастар*), то на них заметно наличие более архаичных мотивов растительного орнамента. Иногда они производят впечатление фантастического дерева (с широкими ветвями и глубокими корнями), напоминают мотив «древа жизни» — вместилища духа предков.

Привлекают внимание своей архаичностью, лаконичностью и золотошвейные узоры нагрудников. Одним из орнаментальных мотивов золотошвейной вышивки на нагрудниках «ч-окающих» (прежде всего кузнецкой и хвалынской) групп мишарей является шестиконечная центрическая розетка. Концы лучей розетки иногда раздвигаются, образуя листовидные отростки. Но чаще всего лучи, проходящие через центр круга, образуют общераспространенный мотив — «вихревую розетку». Как уже отмечалось, этот имитирующий солнце или солнечный свет узор (солярный знак), очевидно, в прошлом играл роль оберега, т. е. считался средством отвращения от женщин злых духов.

Сопутствующими мотивами на нагрудниках, выполненных золотошвейной гладью, являются парные спиральные завитки (Г), S-образные фигуры и листовидные отростки. Они, как правило, располагаются по краям центрального узора, на некотором расстоянии от него, по осям симметрии. Орнамент из роговидных фигур, завитков, центрических розеток был характерен в древности для искусства обитателей азиатских степей. Впоследствии он лег в основу орнаментики тюрко-язычных народов Средней Азии, Казахстана, отчасти Среднего Поволжья и Приуралья.

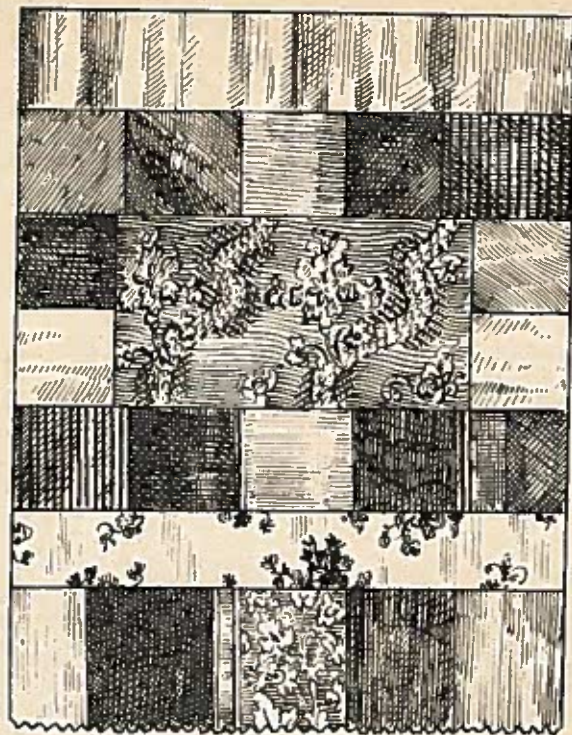

Основные элементы узоров на концах тастаров, выполненных в технике «цветная перевить»

В конце XIX—начале XX в. из свободных швов некоторое распространение получила несчетная односторонняя гладь, выполненная разноцветными шелковыми нитками. Ею пользовались также для орнаментации нагрудников. Иногда несчетная односторонняя гладь применялась лишь для заполнения внутреннего поля узора; контуры же его выполнялись тамбурным швом. Как мотивы, так и композиция вышивки имеют много общего с узорами, выполненными в технике золотошвейной глади. Вместе с тем следует подчеркнуть, что они лишены той архаичности и лаконичной выразительности, которые характерны для золотошвейных вышивок. Но зато они многоцветны. В них, так же как и в тамбурных, преобладают белый, желтый (или оранжевый), голубой, зеленый и красный тона.

Широко распространенной техникой счетной вышивки среди татар-мишарей (особенно «ч-окающих»), являлись строчевые швы: «цветная перевить» и «шов по вырези», которые выполнялись по разреженному холсту обычной иглой на пяльцах.

Строчевые швы получили широкое распространение при орнаментации концов тастара (*тастар баиш*). Концы одного и того же тастара имели разные узоры. Композиция наиболее украшенного конца часто состояла из пяти полос линейного орнамента, в сочетании широкой центральной полосы (*урта нагыш*) с узкими крайними (*колак чигэлэр*). Реже узоры на обоих концах тастара состояли лишь из одной полосы линейного орнамента.

а

в

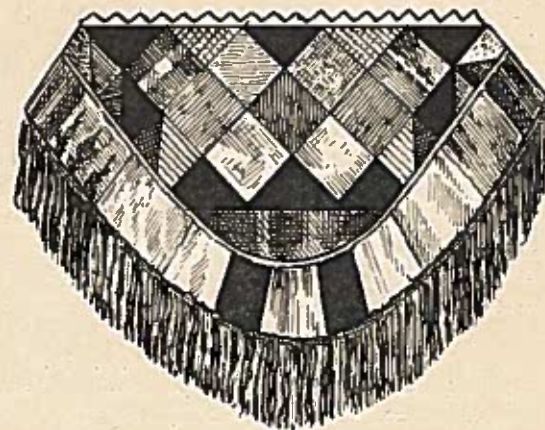
Узоры на женской одежде сергачской группы мишарей

а — конец тастара;

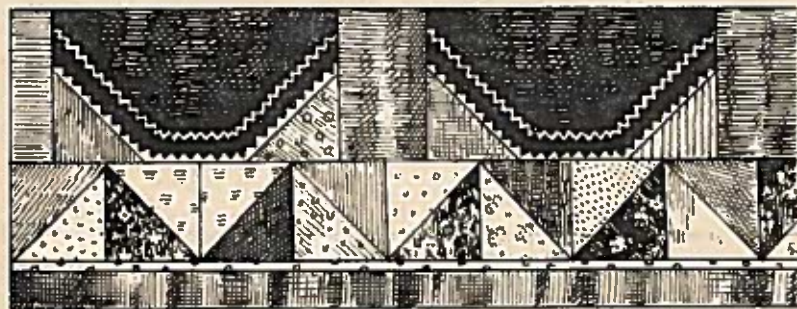
Орнамент на тастарах исключительно геометрический и состоит из простых форм: ломаных линий, квадратов или ромбов. Нередко эти мотивы приобретали форму спаренных квадратов или ромбов (*куш чиклавец*). Широкое распространение на узорах тастара также получили изображения квадратов и ромбов с продолженными сторонами, иногда загнутыми в разные стороны концами. Подобное изображение ромба под названием «узор головками» или «крючок» очень характерно для вышивок русского населения Верхней Оки.

б

в

г

б — оформление грудного разреза рубахи (из у); в — узор на головном уборе башкиец; г, д — фрагменты узора на подоле юле кулмак. Аппликация

Говоря об узорах тастара, выполненных техникой строчевого шва, следует заметить, что по композиции и характеру рисунка они сохранили устойчивость и единство на всей территории их бытования.

Как уже было отмечено, при декорировке одежды татары-мишари (особенно сергачские) широко использовали технику аппликации. Нередко, нашитые на женскую одежду в шахматном порядке разноцветные кусочки ткани (в форме небольших квадратов, прямоугольников, ромбов, треугольников) образуют сложные прямолинейно-геометрические узоры, которые перекликаются с узорами у народов Сибири.

Предлагая данный небольшой раздел, мы имели в виду изложить имеющиеся в нашем распоряжении фактические сведения о видах узорного ткачества, приемах вышивания, аппликации, а также дать зарисовку образцов орнамента, связанных с этими приемами орнаментации ткани. При этом следует заметить, что в результате ограниченности материала мы, возможно, сумели выявить не все бытовавшие у мишарей формы швов, приемы орнаментации тканых изделий и тем более мотивы орнамента (в частности, мы не затрагивали вопросов о многоремезном ткачестве, о вышивках крестом, косым стежком). Однако и то, чем мы располагаем, показывает, что мишари владели большим разнообразием швов и приемов орнаментации ткани, что, вероятно, следует объяснить сложностью формирования их культуры.

Духовная культура татар-мишарей, созданная в определенных исторических условиях, сохранила свою специфику вплоть до наших дней. Эта специфика особенно хорошо проявляется в народном творчестве. В настоящее время происходит процесс обновления духовной культуры народов. Ценнейшие произведения народного творчества, используемые в профессиональном искусстве, служат удовлетворению духовных потребностей всех советских людей.

¹ Отчеты археологических экспедиций КИЯЛИ АН СССР.

² К. Насыров. Поверья и обряды казанских татар. «Записки РГО по отделению этнографии», т. VI. СПб., 1880, стр. 251—252; «Татары Поволжья и Приуралья», стр. 346.

³ П. Денисов. Религиозные верования чувашей. Чебоксары, 1959, стр. 37.

⁴ В. Л. Серошевский. Якуты, т. I. СПб., 1896, стр. 623.

⁵ Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 51, М., стр. 130—131.

⁶ С. Руденко. Башкиры, стр. 321.

⁷ С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX и начала XX в. М., 1957, стр. 27.

⁸ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 345.

⁹ С. Руденко. Башкиры, стр. 325.

¹⁰ В. Ф. Троцанский. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань, 1902, стр. 75.

¹¹ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 366—367.

¹² Омывание мужчин производится мужчинами, женщин — женщинами.

¹³ До обертывания покойника в саван на тело надевали своеобразную рубаху (ахират кулмаге). Женщины-покойной также повязывали бёрканчек (подобие платка) и надевали нагрудник (кукракча).

¹⁴ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, стр. 328.

¹⁵ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 349.

¹⁶ Полевые записи автора в лямбирской группе мишарей в 1952 г.

¹⁷ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 356.

¹⁸ Журнал «Шуро», 1910, № 3, стр. 174.

¹⁹ М. Ильин-Охма. Дорога на Москву. М., 1968, стр. 135—136.

²⁰ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 319.

²¹ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 342.

²² Полевые записи автора у мишарей керенской группы в 1960 г.

²³ В данном случае и в дальнейшем нами использованы сказки, включенные в сборник «Абага чэчэг» (Казань, 1962).

²⁴ Х. Ярми. Татар халкының поэтик иҗаты, бит. 110.

²⁵ Использованы байты из сборника «Бәетләр» (тезүче Х. Х. Ярмухаметов). Казань, 1960.

²⁶ И. Н. Надилов. «Кыска жыр» — короткая песня в устном народном творчестве. «Вопросы татарского языка и литературы». Казань, 1969, стр. 89.

²⁷ В предисловии к сборнику «Татар халык жырлары» (Казань, 1965) И. Н. Надилов вместо «сюжетные песни» вводит термин «лирические протяжные песни».

²⁸ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 427.

²⁹ Здесь и ниже мишарские песни взяты из сборника «Татарские народные песни» (Казань, 1965).

³⁰ П. Альбини. Сергачские медвежатники. «Нижегородские губернские ведомости», 1887, № 1.

³¹ Записано автором в дер. Мочалы Вадинского района Пензенской области.

³² Р. Даудей. Святки у крещеных татар. ИОАИЭ, т. XIX, вып. 3—4, 1903, стр. 196—202; С. Матвеев. Гадание на кольцах у крещеных татар. ИОАИЭ, т. XXIII, вып. 1, 1907, стр. 39.

³³ Сб. «Татар халкының жырлы-биюле уеннары...», стр. 55.

³⁴ Чигелдек и яйцо осмысливались как средство, обеспечивающее благополучие и потомство (в данном случае — приплод скота).

³⁵ Записано нами в дер. Татарское Маклаково Горьковской области.

³⁶ Ученый архив ВГО, разряд XXIII, д. 144. Этнографические записки о татарах в Нижегородской губ. Рукопись 1849 г.

³⁷ См. сб. «Татар халык жырлары».

³⁸ Для узорного ткачества использовался обычный домашний ткацкий стан. У татар-мишарей на правобережье Средней Волги бытовали два типа ткацких станков («киндер урны»): первый, известный в этнографической литературе как «татарский», был в обиходе у мишарей кулаткинской, кузнецкой, буинской, керенской, корсунской групп, а второй — «русский» — широко бытовал у мишарей темниковской, лямбирской и инсарской групп.

Заключение

В данной работе мы дали краткий обзор традиционного быта татар-мишарей правобережья Средней Волги. Путем сравнений элементов быта мишарей с аналогичными элементами в быту других народов мы попытались определить место, которое занимают мишари и их культура среди других народов Среднего Поволжья и Приуралья. Проведенный таким образом анализ показал, что культура и быт татар-мишарей больше всего находят аналогий в культуре и быту казанских татар, башкир и чувашей-анатри. При этом следует отметить, что если культурные параллели с такими тюркоязычными народами, как чувашаи-анатри и башкиры, свидетельствуют главным образом о ранних этнических связях с ними, то с казанскими татарами у мишарей происходили беспрерывные и разнообразные контакты, имеющие характер постоянного этнического взаимодействия.

Следует также учитывать, что благодаря одинаковому уровню развития производительных сил и сходству природных условий у татар-мишарей и других народов Среднего Поволжья сформировался своеобразный комплекс хозяйства, представляющий прочный фундамент культурной общности между ними. Это плужное (пашенное) земледелие, основу которого составляет выращивание зерновых культур, с подсобным животноводческим хозяйством. Сложились также специфические для народов Среднего Поволжья типы пахотных орудий. Так вплоть до XVII в., а местами и позже, основным орудием вспашки был сабан, восходящий к древнебулгарскому плугу. Из других специфических орудий в земледелии следует отметить серп с насечкой, также восходящий к булгарскому типу серпов. К очень древнему периоду следует отнести и возникновение способа сушки хлеба в своеобразных

овинах — шишах, применявшегося татарами-мишарями и другими тюркоязычными народами края, вплоть до конца XIX в.

Сравнение традиционных блюд татар-мишарей и способов их приготовления с таковыми у других народов Среднего Поволжья позволяет считать, что пища мишарей в своей основе идентична с пищей других тюркских народов. Это подтверждает широкое распространение таких пресных изделий, как *чигелдэк*, *жуача*, *катлама*, которые были и ритуальными блюдами при всяких семейных церемониях. То же самое следует сказать о блюдах из пшена, бывших ритуальными не только при семейных, но и общественных обрядах (здесь мы имеем в виду пшеничную кашу и блины из пшенной муки). Традиционной пищей мишарей является и салма, также распространенная у казанских татар, башкир и чувашей-анатри. Сходство в пище распространяется и на молочные изделия. Как известно, такие молочные продукты, как *сөзмә*, *катык* у мишарей, прежде всего характерны для казанских татар, башкир и чувашей. Дополним наш перечень обрядовым напитком буза, который по названию и по способу приготовления аналогичен напиткам тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья.

В жилище, особенно во внутреннем убранстве, также достаточно хорошо обнаруживаются черты этнической общности мишарей с тюрками. Прежде всего имеется в виду наличие в мишарской избе почетного места — *тур* и множество матерчатых декоративных украшений (*чаршау*, *кашага*).

Нары, расположенные на почетном месте, также сближают избу мишарей с жилищем казанских татар и других тюркоязычных народов.

Мы пока затрудняемся сказать, какова роль тюркоязычных народов в выработке древнего типа жилища в крае — землянок и полуземлянок — в одинаковой степени принятого в период средневековья как у финнов (например, мордвы), живущих в лесостепной полосе, так и у тюркоязычных народностей. Но с уверенностью можно сказать, что у тюркских народов Среднего Поволжья, в частности у татар-мишарей, одновременно с полуназемным существовало летнее жилище типа балагана — *алачык*, распространенное у многих тюркских племен в период их полукочевой образа жизни.

Одежда является одним из устойчивых элементов материальной культуры, ибо на ее форме меньше, чем на хозяйстве и жилище, отражено влияние внешней среды. Поэтому естественно, что в одежде больше сохранены древние элементы, определяющие этническую принадлежность мишарей. В этом отноше-

лии особенно интересна женская одежда. Вплоть до конца XIX в. у мишарей был распространен тот же тип туникообразной рубахи, что и у тюркоязычных народов Среднего Поволжья, отличительной особенностью которой является значительная длина, а также ширина за счет скоса боковых полотнищ или вставки дополнительных клиньев.

Древняя этническая общность татар-мишарей с другими тюркоязычными народами достаточно хорошо прослеживается также в головных уборах. Так, аналогии тастара, распространенной головной повязки замужней женщины у татар-мишарей, находим у казанских татар, башкир, чувашей-анатри. Тастарный комплект татар-мишарей, состоящий из двух частей (нижней — чэч-кап или сыловыч, сылапцау, и верхней — полотенеобразный тастар), перекликается также с тюрбаном комплексов женского головного убора тюркоязычных народов Средней Азии.

Распространенным среди тюркских народов Поволжья и Приуралья головным убором замужней женщины является шапочка (кашпау), сохранявшаяся у лямбирских и карсунских мишарей вплоть до конца XIX в. Подобные головные уборы, бытовавшие также у башкир и чувашей-анатри, вероятно, являются наследием от древнетюркских предков.

Культурная общность мишарей и тюркоязычных народов обнаруживается также и в украшениях. Сюда следует отнести урем или тезмэ в виде ленты, женский накосник — чэч-кап, перевязь-бутимар, большие нагрудники, носимые поверх рубахи — күлмэк и др., аналоги которых имеются в украшениях тюркоязычных народов Среднего Поволжья, Приуралья, Алтая и Средней Азии. Ряд подтверждений этнической общности мишарей с тюркоязычными народами Среднего Поволжья и Приуралья мы находим и в области духовной культуры, в частности в вышивках и узорном ткачестве.

Основными видами техники вышивки у татар-мишарей, так же как и у казанских татар, являются тамбур и золотошвейная гладь с преобладанием цветочно-растительных узоров. Рисунки на нижних нагрудниках (*күкрэк*, *чэч-кап* и *кияу яулыгы*), выполненные золотошвейной гладью и тамбуром, включают наряду с растительными также мотивы спиральных завитков, розеток с «вихревым» узором. Они характерны для искусства южносибирских племен, впоследствии легли в основу орнаментации многих тюркоязычных народов, особенно Средней Азии и Казахстана.

В узорном ткачестве самобытностью отличается техника с закладными узорами. Заметим, что тканые узоры, выполненные закладной техникой, как по мотивам, так и по колориту цветов

напоминают рисунки на безворсовых коврах тюркоязычных народов Средней Азии и Северного Кавказа.

Множество параллелей у мишарей и тюркоязычных народов Среднего Поволжья (особенно казанских татар) имеется в системе родства и свойства, и в системе отношений, которые они отражают.

Отдельные черты обрядовой жизни татар-мишарей, например: формы заключения брака, досвадебные посещения невесты женихом в доме ее отца (*кияу йөрү*), обряды, связанные со сватовством, с определением калыма и приданого, с проводами молодой в дом мужа, приобщение ее к новой семье и другие, также находят аналогии в обрядах тюркоязычных народов, прежде всего Среднего Поволжья и Приуралья.

Большой интерес представляют многочисленные пережитки в идеологии мишарей. Эти пережитки, утерявшие непосредственную связь с реальной жизнью, дают возможность, хотя бы ретроспективно, восстановить ряд явлений в их культуре, идеологии и быте в прошлом. Вплоть до конца XIX в. в идеологии мишарей сохранились представления о душе — «өрэк», «кот», поминальные обряды — «атау», следы почитания огня, очага и других, которые находят аналогию в древних верованиях тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья, прежде всего у казанских татар (особенно кряшен), башкир и отчасти чувашей-анатри.

Жанры устного народного творчества мишарей и тюркских народов (особенно казанских татар) также в основном совпадают.

Мы указали лишь на некоторые общие черты, имеющие место в культуре татар-мишарей и других тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья. Но и то, что здесь приведено, показывает, что в культуре мишарей прослеживается мощный пласт, сходный с культурой тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья. Элементы этого пласта по своему происхождению не однородны. Одни из них восходят к культуре ранних тюркских племен, другие — более поздних. Первые нередко несут на себе следы финно-угорской культуры. Сюда следует отнести расширенную книзу туникообразную женскую рубаху с вышивкой или нашивками разноцветной ткани (на груди, на рукавах, а также вдоль продольных швов), головные уборы с отверстиями на макушке (кашпау карсунских мишарей), большие наружные нагрудники и некоторые другие. Эти элементы культуры обнаруживают параллели и в культуре некоторых народов Северного Алтая и Западной Сибири.

На Среднюю Волгу элементы «древнесибирской» культуры, очевидно, были занесены ранними тюркскими племенами. Как известно, смешение древнетюркских и финно-угорских племен начинается очень рано и относится ко времени их пребывания в Сибири на рубеже нашей эры. Смещение особенно усиливается в III в. н. э. в результате переселения этих племенных образований на запад и их перегруппировки¹. По предположению исследователей², гунно-булгарские племена также были сильно угризированными. Поэтому весьма возможно, что некоторые из вышеуказанных элементов были привнесены на Среднюю Волгу именно булгарскими племенами. Но в культуре и быту некоторых групп мишарей, в частности сергачских, угорские элементы выражены более ярко, что, возможно, является результатом включения в их этнос отюреченных угров (мачар). И, наоборот, культура и быт южных мишарей (хвалынских, кузнецких) хорошо сохранили такие элементы культуры, как алачык, орнаментальный комплекс с преобладанием солярного значка — розетки и S-образную, спиралеобразных фигур и т. д., что, очевидно, является результатом включения в их этнос в конце I — начале II тыс. н. э. новых тюркских племен, особенно кипчаков.

Одновременно с этими самобытными элементами, большинство которых относится к раннему этапу этнической истории мишарей, в процессе формирования их быта возникали и другие черты, характеризующие дальнейшее развитие их культуры. Сюда прежде всего относятся те черты, которые сложились в процессе общения мишарей с другими в этническом отношении народами: мордвой и русскими. Как уже было отмечено, в Среднем Поволжье происходило переплетение культур тюркских и мордовских племен, что в значительной степени отразилось как на формировании культуры и быта мишарей, так и мордовского народа. Такие детали в материальной культуре мишарей, как косуля, путмар, лыковая обувь (прежде всего лапти), характерные для мордвы, с глубокой древности, конечно, следует считать мордовскими заимствованиями. Роль культуры мордовского народа заметна и в развитии жилых и хозяйственных построек (особенно в планировке жилища) и некоторых других элементов материального быта татар-мишарей. В семейном быту мишарей и мордвы, в частности в семейных обрядах, в прошлом также заметны некоторые параллели. Так, соседством мордвы, очевидно, объясняется наличие у мишарей фактов женитьбы несовершеннолетних мальчиков на взрослых девушках и формы заключения брака путем умыкания, инициатором которой являлся не сам жених, как у казанских татар, а глава семьи с домокадцами. Значительные

параллели обнаруживаются и в древних верованиях, в народном творчестве (особенно в узорном ткачестве) этих двух народов. Обогатилась мордовскими заимствованиями и лексика мишарского диалекта. К числу мордовских заимствований, по утверждению языковедов, относятся следующие слова: пангы (гриб), мошко (конопля), пизел (рябина), лапама (большой), кәркеш (бечевка), челги (бородавка) и некоторые другие³.

Значительная нивелировка в культуре и быте мишарей и мордвы происходила в результате раннего и сильного воздействия на них русской культуры. Кроме сабана и косули, на исследуемой территории очень рано вошла в употребление соха. Прimitивные хлебосушильни «шиши» развились в срубные овины. Внедрялись такие формы укладывания снопов, как «бабки», «крестцы» и другие. Заметно некоторое расширение ассортимента овощных культур (в частности, появление капусты), давшее возможность увеличить набор блюд в питании народов края. Надо думать, что мишарские «шти» исходят от русских «щей». Выпекающиеся изделия мишарской кухни также пополнились новыми видами под влиянием русской кулинарии, например, внедрялись русские пироги. Особенно сильное влияние оказала русская культура на развитие жилища мишарей, на его архитектурное оформление. Так, у сергачских мишарей некоторое распространение получили дома с мезонином, а у карсунских, инсарских, керенских и у некоторых других — дома с парадными выходами на улицу. Бытование у темниковской группы мишарей домов с подызбьем, хотя и с не очень высоким, возможно, является результатом влияния северновеликорусской культуры. Сюда же следует отнести и появление крытых дворов с двурядной связью. К несколько более поздним заимствованиям относятся: русские хлебопекарные печи с трубами, коники, полати, столы и некоторые другие элементы в жилище. Размещение подвалов на улице, перед домами, некоторые исследователи объясняют южновеликорусским культурным влиянием.

Значительное влияние русской культуры испытали и семейно-родственные отношения народов исследуемой территории. Оно отражается даже на терминологии родства и свойства мишарей. Так, среди терминов родства темниковской группы татар-мишарей имеются следующие русские термины: *брат, племянча, племянник, шурак*. На темниковском варианте свадьбы заметны следы северновеликорусской свадьбы. Сюда, нам кажется, следует отнести обряд прощания невесты с девичеством («тан кучат») и связанный с ним обряд «девушник» (от русского «девичник»). Как уже отмечено, для тюркоязычных народов прежде всего

характерны обряды прощания с родными, родителями и родным домом. Что касается обряда прощания с девичеством, отмеченного у мишарей, то он особенно отличает русскую свадьбу.

В календарных праздниках у мишарей имеются общие с русскими обряды, например колядование — чип-чип и др. То же самое можно было бы говорить относительно русских заимствований в декоративно-прикладном искусстве (в узорном ткачестве, вышивке).

Эти заимствования (как русские, так и мордовские), относящиеся к различным историческим периодам, сыграли существенную роль в ходе развития культуры татар-мишарей. На протяжении длительного времени они перерабатывались в соответствии с национальными особенностями, органически усваивались, закреплялись.

Таким образом, культура татар-мишарей не может быть возведена к какому-либо одному только источнику. В формировании их быта, кроме тюркских племен, однородных в этническом отношении, но разновременных, большую роль сыграли тесные исторические контакты их с мордовским и русским народами. Комплекс элементов, формировавшихся под воздействием этих контактов, наложил своеобразный отпечаток на культуру и быт мишарей, отличая их от культуры и быта казанских татар, у которых не столь явно определяется, по сравнению с мишарями, русское влияние. При этом еще не следует забывать, что в культуре мишарей, особенно сергачской их группы, по сравнению с культурой казанских татар, присутствует культурный слой, несущий на себе следы угорской культуры. Однако возникшие в результате только что изложенных причин различия в культуре мишарей и казанских татар не дают права разделять их в этническом отношении. Процесс этнического развития татар-мишарей с древнейших времен протекал в тесной связи с предками казанских татар. Позже, при наличии единого центра — Казани — происходила консолидация этих двух этнографических групп (мишарей и казанских татар) в единый народ, а затем в татарскую нацию.

¹ В. Ф. Генина. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э. Тезисы докладов III Уральского археологического совещания в г. Уфе. Уфа, 1962, стр. 55—62.

² М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 344.

³ Л. Т. Махмутова. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области, стр. 150.

Приложение

Перечень татаро-мишарских населенных пунктов*

Наименование населенного пункта	Куда входил данный населенный пункт по дореволюционному административному делению		Куда входит данный населенный пункт по современному административному делению (область, автономная республика)
	губерния	уезд	
Азеево	Тамбовская	Елатомский	Рязанская
Сургодь (Сыркыды)	»	Спасский	Мордовская
Атенино	»	Темниковский	»
Татарское Караево	»	»	»
Татарское Тюево	»	»	»
Енгуразово	»	»	»
Идеево	»	»	»
Сухово	»	»	»
Митряля	»	»	»
Верхний Пишляй	»	»	»
Татарская Вялязьма	»	»	»
Нижний Пишляй	»	»	»
Тарханы	Пензенская	Краснослободский	»
Дашкино	»	»	»
Шубино	»	»	»
Кривошеево	»	»	»
Матвеевка	»	»	»
Акашево	»	»	»
Лопуховка	»	»	»
Черный Студенец	»	»	»
Байкеево	»	»	»
Татарское Адаево	»	»	»
Буртасы	»	»	»

* Список неполный.

Продолжение

Наименование населенного пункта	Куда входил данный населенный пункт по дореволюционному административному делению		Куда входит данный населенный пункт по современному административному делению (область, автономная республика)
	губерния	уезд	
Новое Кадышево	Пензенская	Краснослободский	Мордовская
Вачеевка	»	»	»
Лобановка	»	»	»
Акчеево	»	»	»
Чурнино	»	»	»
Ликенье	»	»	»
Большой Шуструй	»	»	»
Малый Шуструй	»	»	»
Верхняя Богдановка	»	»	»
Нагорная Богдановка	»	»	»
Подгорная Богдановка	»	»	»
Нагорный Шуструй	»	»	»
Подгорный Шуструй	»	»	»
Татарские Юнки	»	»	»
Тенишево	»	»	»
Усть-Рахмановка	»	»	»
Аллагулово	»	»	»
Енаево	»	Инсарский	»
Татарский Шебдас	»	»	»
Татарская Пишля	»	»	»
Верхняя Салмовка	»	»	»
Малая Салмовка	»	»	»
Верхний Урледим	»	»	»
Татарский Умыс	»	Саранский	»
Нижний Урледим	»	Инсарский	»
Жегалино	»	»	»
Яндовище	»	»	»
Большая Поляна (Иса)	»	»	»
Нагорная Поляна	»	»	»
Малая Полянка	»	»	»
Накасан Потьма	»	»	»
Латышевка	»	»	»
Аксево	»	Саранский	»
Татарская Тавла	»	»	»

Продолжение

Наименование населенного пункта	Куда входил данный населенный пункт по дореволюционному административному делению		Куда входит данный населенный пункт по современному административному делению (область, автономная республика)
	губерния	уезд	
Иняты	Пензенская	Саранский	Мордовская
Белозерье	»	»	»
Кривозерье	»	»	»
Суркино	»	»	»
Рейтары (Алтары)	»	»	»
Лямбирь	»	»	»
Черемышево	»	»	»
Пензятка	»	»	»
Татарская Свербейка	»	»	»
Щербаковка	»	»	»
Мельцапино	»	»	»
Кочетовка	»	Керенский	»
Татарский Лундан (Искил)	»	»	»
Горенка	»	»	»
Чудовка	»	»	Пензенская
Мочалейка	»	»	»
Березовка	»	»	»
Татарская Лака	»	»	»
Шелданс	»	»	»
Тараканово	»	»	»
Синорово	»	»	»
Татарский Никольск	»	»	»
Решетино	»	Чембарский	»
Мочалей	»	»	»
Кякино	»	»	»
Телятино	»	»	»
Кутеевка	»	»	»
Кочалейка	»	Нижний Ломовский	»
Синорово	»	Мокшанский	»
Усть-Уза	»	Городищенский	»
Татарский Сыромяс	»	»	»
Индерка	Саратовская	Кузнецкий	»
Бестянка	»	»	»

Наименование населенного пункта	Куда входил данный населенный пункт по дореволюционному административному делению		Куда входит данный населенный пункт по современному административному делению (область, автономная республика)
	губерния	уезд	
Татарский Канадей	Саратовская	Кузнецкий	Пензенская
Татарская Пенделка	»	»	»
Б. Труевские Вершины	»	»	»
Нижний Елюзань	»	»	»
Средний Елюзань	»	»	»
Верхний Елюзань	»	»	»
Бигеево	»	»	»
Клявлино	»	»	»
Судачек	»	»	»
Старое Алеево	»	»	»
Бикбулат	»	»	»
Мосеевка	»	»	»
Адельшино	»	»	»
Муратовка	»	»	»
Мансуровка	»	»	»
Ерыклей (Могиловка)	»	»	»
Демино	»	»	»
Кунчереве (Колчура)	»	»	»
Чирчим	»	»	»
Исекеево	»	»	»
Сулеймановка	»	»	»
Усть-Уза	»	Петровский	»
Старый Вершаут	»	»	»
Пакаевка	»	»	»
Карлыган	»	»	»
Суляевка	»	»	»
Яковлевка	»	»	»
Зимницы	»	Хвалынский	Ульяновская
Старая Кулатка	»	»	»
Новая Ендовка	»	»	»
Старая Ендовка	»	»	»
Нижняя Кулатка	»	»	»
Бахтеевка	»	»	»

Наименование населенного пункта	Куда входил данный населенный пункт по дореволюционному административному делению		Куда входит данный населенный пункт по современному административному делению (область, автономная республика)
	губерния	уезд	
Новая Лебежайка	Саратовская	Хвалынский	Ульяновская
Старое Зеленое	»	»	»
Вязовый Гай	»	»	»
Зирклей	»	»	»
Новое Зеленое	»	»	»
Кирюшкино	»	»	»
Бегеево (Новая Терешка)	»	»	»
Мансуровка	»	»	»
Средняя Терешка	»	»	»
Кармалей	»	»	»
Абушахмановка	»	»	»
Верхняя Терешка	»	»	»
Старый Мостяк	»	»	»
Новый Мостяк	»	»	»
Новый Атлаш	»	»	»
Мосеевка	»	»	»
Старый Атлаш	»	»	»
Евлейка	»	»	»
Шемалак	»	»	»
Татарский Сайман	Симбирская	Сызранский	»
Ахметлей	»	»	»
Калда	»	Сенгелевский	»
Старое Тимошкино	»	»	»
Ломаты	»	Ардатовский	Мордовская
Татарская Голышевка	»	Карсунский	Ульяновская
Стрельниково	»	»	»
Дракино	»	»	»
Татарские Горинки	»	»	»
Нагаево	»	»	»
Уразовка	»	»	»
Новые Тимеряны	»	Симбирский	»
Верхние Тимеряны	»	»	»
Средние Тимеряны	»	»	»

Наименование населенного пункта	Куда входил данный населенный пункт по дореволюционному административному делению		Куда входит данный населенный пункт по современному административному делению (область, автономная республика)
	губерния	уезд	
Старое Шаймурзино	Симбирская	Симбирский	Татарская
Большая Цильна	»	»	»
Старый Студенец	»	Бунинский	»
Новый Студенец	»	»	»
Старые Тинчали	»	»	»
Новое Шаймурзино	»	»	»
Новые Какерли	»	»	»
Мочалей	»	»	»
Старые Какерли	»	»	»
Татарские Тюки	»	»	»
Шеланга	»	»	»
Старая Задорова	»	»	»
Нов. Дрожжановый Куст	»	»	»
Татарская Бездна	»	»	»
Нижние Каракитаны	»	»	»
Верхние Каракитаны	»	»	»
Малая Цильна	»	»	»
Ново-Татарские Чукалы	»	»	»
Ново-Чекурское	»	»	»
Татарские Убеи	»	»	»
Старо-Татарские Чукалы	»	»	»
Верхне-Татарские Чукалы	»	»	»
Нижне-Татарские Чукалы	»	»	»
Татарские Шатрашаны	»	»	»
Байбулатово (Мещеряки)	»	»	»
Сорок-Сайдак	»	»	»
Каменный Брод (Нижний Чепкасы)	»	»	»
Ентуганово (Средние Чепкасы)	»	»	»
Ильметьево (Верхние Чепкасы)	»	»	»

Наименование населенного пункта	Куда входил данный населенный пункт по дореволюционному административному делению		Куда входит данный населенный пункт по современному административному делению (область, автономная республика)
	губерния	уезд	
Вольный Стан (Чепкасы)	Симбирская	Бунинский	Татарская
Полевые Бикшики	»	»	Чувашская
Долгий Остров	»	»	»
Татарские Тимяши	»	»	»
Татарские Сугуты	»	»	»
Малые Шыгырдан	»	»	»
Кайнлык	»	»	»
Альбусь-Сурбеево	»	»	»
Урмаево	»	»	»
Чичканы	»	»	»
Татарское Ивашкино	»	»	»
Татарские Шуруты	»	»	»
Токаево	»	»	»
Новый Мочалей	»	Курмышский	Горьковская
Старый Мочалей	»	»	»
Муравлейка	»	»	»
Петряксы	»	»	»
Большая Рыбушкина	»	»	»
Малая Рыбушкина	»	»	»
Красный Остров	»	»	»
Собачий Остров	»	»	»
Новая Медяна	»	»	»
Чимбилей	»	»	»
Ключищи	Нижегородская	Сергачский	»
Кочко-Пожарки	»	»	»
Шубино	»	»	»
Ендовищи	»	»	»
Пица	»	»	»
Актуково	»	»	»
Карга	»	»	»
Пошатово	»	»	»
Семеновское	»	»	»
Овечий Враг (Куй-су)	»	»	»

Наименование населенного пункта	Куда входил данный населенный пункт по дореволюционному административному делению		Куда входит данный населенный пункт по современному административному делению (область, автономная республика)
	губерния	уезд	
Уразовка	Нижегородская	Сергачский	Горьковская
Кадомка	»	»	»
Антяревка	»	»	»
Краснояр	»	»	»
Кузьминка	»	»	»
Трехозерье	»	»	»
Грибаново	»	»	»
Анда	»	»	»
Камкино	»	Княгининский	»
Андреевка (Митрявил)	»	Васильевский	»
Бозлово	»	»	»
Ишеево	»	»	»
Татарское Маклаково	»	»	»
Парша	»	»	»
Урга	»	»	»

Библиография

- Маркс К.* Капитал. т. I. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23.
- Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Восточный вопрос. Соч., т. IX.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21.
- Ленин В. И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX в. Полное собрание сочинений, т. 17.
- Ленин В. И.* Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция. Полное собрание сочинений, т. 17.
- Ленин В. И.* Землеустройство и деревенская беднота. Полное собрание сочинений, т. 19.
- Ленин В. И.* О государстве. Полное собрание сочинений, т. 39.
- Ленин В. И.* О кооперации. Полное собрание сочинений, т. 33.
- Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, т. 3.
- Ленин В. И.* Советская власть и положение женщины. Полное собрание сочинений, т. 30.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. II, III. СПб., 1841—1842.
- Акты Московского государства, т. I. СПб., 1890.
- Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. Предисловие А. Титова. М., 1898.
- Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. II. М.—Л., 1945.
- Акчурина М.* Шафратез ата яки мишэрлар тормышы. «Шуро», Оренбург, 1941, № 23, 24.
- Алексеева Т. А.* и *Васильев Б. А.* К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар-мишарей. КСИЭ, 1959, т. XXXI.
- Альбицкий П.* Корреспонденция из Васильевского уезда. Татары. «Нижегородские губернские ведомости», 1887, № 20.
- Альбицкий П.* Нижегородская губерния под пером академика прошлого века. «Нижегородские губернские ведомости», 1886, № 12—13.
- Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). Собр. и ред. С. Б. Веселовского. М., 1915.
- Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.
- Арнольд М. В.* Из путевых заметок по Буинскому уезду. «Симбирские губернские ведомости», 1866, № 6.
- Архив Симбирского окружного суда, вып. I. Гражданские дела Буинского уезда. Симбирск, 1901; вып. II, 1904.
- Ауновский В. Л.* Краткий этнографический очерк мещеры. «Пензенские губернские ведомости», 1862, № 24, 27, 28.

- Ахмаров Г. Н.** О языке и народности мишарей. ИОАИЭ, т. XIX, вып. 2. Казань, 1903.
- Ахмаров Г. Н.** Свадебные обряды казанских татар. ИОАИЭ, т. XXII, вып. 1, 1906.
- Бакеев М. К.** Очерки по истории развития школьного образования среди татар Горьковской области. Казань, 1941.
- Баранович М.** Рязанская губерния. «Материалы для географии и статистики России». СПб., 1860.
- Барминский Н. В.** Опыт медико-топографического описания Саратовского уезда Саратовской губернии. Саратов, 1868.
- Барсов Н. П.** Очерки русской исторической географии. «География Начальной (Нестеровской) летописи», изд. 2-е. Варшава, 1885.
- Беляев И. Д.** О сторожевой и станичной службе. М., 1846.
- Бонч-Осмаловский Г. А.** Свадебные жилища турецких народностей. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1. Л., 1926.
- Борханова Н. Б.** Татар теленец Мордва АССР териториясендә таралган сөйләшләр турында. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 93—125.
- Бурлицкий А.** Характеристика Пензенской губернии в сельскохозяйственном отношении. Пенза, 1898.
- Валеев Ф. Х.** Орнамент казанских татар. Казань, 1970.
- Валидов Дж.** О диалектах казанского татарского языка. «Вестник научного общества татароведения», № 6. Казань, 1927.
- Васильев Б. А.** Проблема буртасов и мордвы. «Вопросы этнической истории мордовского народа». ТИЭ, новая серия, т. 13. М., 1960.
- Вейнберг Л. и Полторацкая А.** Материалы по истории Пензенской и соседних губерний. Пенза, 1889 (оттиск из «Памятной книжки Пензенской губернии на 1889 г.»).
- Вельяминов-Зернов В. В.** Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 1. СПб., 1863; ч. 2. СПб., 1864; ч. 3. СПб., 1866.
- Веселовский С. Б.** Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М.—Л., 1947.
- Вешняков В.** Лашманы. «Журнал министерства гос. имуществ», ч. 63, 1857, № 4, апрель.
- Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья.** Казань, 1970.
- Воробьев К. И.** Материалы к культуре домового и дворового у мишарей Буинского кантона Татарской Республики. «Труды студенческого кружка любителей природы», вып. III. Казань, 1929.
- Воробьев К. И.** Программа для собирания сведений о духах-хозяевах: домовом, дворовом и усадебном — у казанских татар и мишарей. Там же.
- Воробьев Н. И.** Примитивный тип татарского ткацкого станка. «Материалы Центрального музея ТАССР», № 1. Казань, 1927.
- Воробьев Н. И.** Некоторые данные о технике вышивок казанских татар. «Материалы Центрального музея ТАССР», № 2. Казань, 1928.
- Воробьев Н. И.** Материальная культура казанских татар. Казань, 1930.
- Воробьев Н. И.** К истории сельского жилища народов Среднего Поволжья. КСИЭ, 1956, вып. XXV.
- Воробьев Н. И.** Казанские татары. Казань, 1953.
- Воробьев Н. И.** Украшение и внутреннее убранство жилища народов Среднего Поволжья. «Известия КФАН СССР», 1957, № 2.
- Воробьев Н. И.** Национальные традиции в прикладном искусстве народов Среднего Поволжья. «Художественная самодеятельность», 1960, № 6.
- Воронин И. Д.** Из истории старой Рузаевки. «Ученые записки МНИИЯЛИ» № 11. Саранск, 1949.
- Воронин И. Д.** Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования. «Ученые записки МНИИЯЛИ», № 13. Саранск, 1951.
- Гаген-Торн Н. И.** Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960.
- Гакстгаузен А.** Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, т. 1. М., 1870.
- Гацисский А.** Нижегородские татары — татары ли? «Нижегородские губернские ведомости», 1886, № 39, 41, 42.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х.** Ранние булгары на Волге. М., 1964.
- Георги Н. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедания и других достоимечательностей. Часть 1. О народах финского племени. Мордва. СПб., 1792, стр. 42—47; часть 2. О народах татарского племени. СПб., 1799, стр. 1—48.
- Герасимов А. А.** Материалы по истории мордвы. «Сборник выписок из печатных источников (X—XVIII вв.)». М.—Л., 1931.
- Гимади Х. Г.** Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. «Материалы по истории Татарии», вып. 1. Казань, 1948.
- Глебов Н.** О татарах Пензенской губернии. «Пензенские губернские ведомости», 1860, № 18—20.
- Глотов С. В.** Сергачская деревня. «Производительные силы Нижегородской губернии», вып. 11. Н.-Н., 1929.
- Гмелин С. Г.** Путешествие по России для исследования трех царств естества, т. II. СПб., 1777.
- Горюнова Е. И.** Развитие жилища у мордвы. «Исследования по материальной культуре мордовского народа». ТИЭ, новая серия, т. 86. М., 1963.
- Греков Б. Д.** Крестьяне на Руси, кн. 1. М., 1952; кн. 2. М., 1954.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.
- Данилин А. Г.** Приспособления для сноповой сушки хлеба у восточных славян и их соседей. «Этнография», 1928, № 2.
- Диалектологик сүзлек, I—III китеп.** Казань, 1956—1958.
- Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I—IV.** Саранск, 1940—1948.
- Дорожкин М. В.** Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957.
- Дубасов И. И.** Сообщение о заселении Тамбовского края в XVII в. «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 14, 1887.
- Дубасов И. И.** Тамбовское русское и инородческое землевладение в XVII в. (реферат). «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 26, 1890.
- Дубасов И. И.** Реферат по бытовой истории Тамбовского края в XVII в. «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 35, 1893.
- Европейская Россия в физическом и этнографическом отношениях.** Сост. В. Лядов. СПб., 1861.
- Ерохин Ф.** Село Кунчерово Кузнецкого уезда. «Саратовские губернские ведомости», 1891, № 82, 83.
- Женский вопрос в среде татар.** Справочный листок Моршанско-Сызранской жел. дороги, 1876, № 172.
- Живописная Россия.** Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении, т. VIII, ч. 1. Среднее Поволжье. М., 1901.
- Живописный альбом. Народы России.** СПб., 1880. Изд. картографического заведения А. Ильина.
- Залесский В. К.** Сельскохозяйственная статистика Саратовской губ. СПб., 1859.
- Залесский В. К.** Казанские лашманы. «Русская старина», 1916, август.
- Заметки о костромских татарах.** «Московские ведомости», 1850, № 24.
- Заметки о новокрещеных татарах Саранского уезда.** «Московские церковные ведомости», 1884, № 6.
- Заметки об инородцах Волжско-Камского края.** Симбирск, 1896.

- Зеленин Д. К.* Плетневая обувь у русского народа и его соседей. «Известия Имп. АН», 1916, кн. 5.
- Зерцалов А. Н.* Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходно-расходная книга Симбирской приказной избы 1665—1667 гг.). Симбирск, 1896.
- Зерцалов А. Н.* Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Издание Симбирской губернской ученой архивной комиссии, под ред. В. Э. Красовского. Симбирск, 1900.
- Износков И. А.* О сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений в Казанской и соседних с нею губерниях. «Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани», 1877.
- Исторический очерк Симбирской губ. Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губ. Приложение к «Памятной книжке на 1868 г.». Симбирск, 1868.
- Исанбат Н.* Татар халык макальләре. Казан, 1 т., 1959; 2 т., 1964.
- История СССР, т. 1. М., 1947.
- История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955; т. II, 1960.
- История Татарии в материалах и документах (с древнейших времен до середины XIX в.). М., 1937.
- Исупов А. А.* Национальный состав населения СССР (по итогам переписи 1959 г.). Под ред. П. Г. Подъяичих. М., 1964.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., РСФСР. М., 1963.
- Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губ. под общим руководством В. Г. Громана. Серия III. Исследование земельных имуществ под непосредственным руководством В. Г. Громана совместно с Я. В. Бляхером, ч. 2. Подворная перепись крестьянского хозяйства. Обработана Г. В. Шубом. Отд. 1. Справочные сведения о селениях и пообщинные таблицы по данным сплошной подворной переписи, вып. 5. Инсарский уезд, Пенза, 1913; вып. 8. Саранский уезд. Пенза, 1913.
- Кагаров Е. Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности. Сборник МАЭ, т. VIII. Л., 1929.
- Казаринов В. А.* О мишарах в Чистопольском уезде Казанской губернии. ИОАИЭ, т. IV, 1883.
- Казаринов В. А.* Заметки о селениях Чистопольского уезда: Верхней Никиткиной, Татарской и Багане, Кизляу и Биляр-Озере. ИОАИЭ, т. II, 1879.
- Карамзин Н. М.* История Государства Российского, т. 1—12. Изд. 5. СПб., 1842—1843.
- Карта Пензенской губ. Памятная книжка Пензенской губ. за 1870 г. Пенза, 1871.
- Катанов Н. Ф.* Этнографический обзор турецко-татарских племен. Казань, 1894.
- Катанов Н. Ф.* Восточная библиография. Журн. «Деятель», 1899, № 4.
- Кеппен П. И.* Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1853.
- Кеппен П. И.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.
- Клочков М. К.* Население России при Петре Великом по переписям того времени, т. I. СПб., 1911.
- Книга строельная г. Симбирска (около 1665 г.). Под ред. П. Мартынова. Симбирск, 1897.
- Коблов Н. Д.* Религия, обряды и обычаи татар-магометан. ИОАИЭ, т. XXII, вып. 6, Казань, 1906.
- Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Исследование по мешхедской рукописи. Харьков, 1956.
- Ковалевский М.* Первобытное право, вып. II. Семья. М., 1886.
- Коробкиц А. С.* Очерк г. Княгина и его уезда. «Нижегородский сборник», т. VI, 1877.
- Костюмы инородцев — жителей России. «Иллюстрированная неделя». 1875, № 22.
- Кошкин П. М.* Татарское население Саратовской губ. «Саратовские губернские ведомости», 1889, № 50—52, 60—62.
- Красовский В. Э.* Алатырская старина. Путевые заметки по археологии и истории Алатырского края. Симбирск, 1899.
- Кузнецов С. К.* Русская историческая география. Курс лекций, прочитанный в Московском археологическом институте в 1907—1908 гг. вып. I (мера, мещера, мурома, весь). М., 1910.
- Куник А., Розен В.* Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878.
- Куфтин Б. А.* Материальная культура русской мещеры, ч. I. Женская одежда. М., 1926.
- Куфтин Б. А.* Татары касимовские и татары-мишари ЦПО. «Культура и быт населения ЦПО». М., 1929.
- Лаптев М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861.
- Лейбович.* Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописей, вып. I. «Повесть временных лет». СПб., 1876.
- Леопольдов А.* Татары. «Саратовские губернские ведомости», 1842, № 35.
- Леопольдов А.* Татары. Этнографический очерк. «Самарские губернские ведомости», 1855, № 26.
- Леопольдов А.* Название Аткарска и татары. «Саратовский справочный листок», 1867, № 14.
- Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг., ч. I. СПб., 1771.
- Любимов А. Е.* Исторический обзор. Административно-территориальное устройство Пензенской губ. Самара, 1925.
- Любимов А. Е.* Краткий исторический очерк мордовского народа. «Мордовское население в Пензенской губернии в прошлом и современное состояние». Пенза, 1927.
- Любимов Н.* Татары Керенского уезда. «Пензенские епархиальные ведомости», 1892, № 15.
- Магницкий В. К.* К вопросу о тамбовских и казанских татарах. ИОАИЭ, т. XII, вып. 5. Казань, 1895.
- Магницкий В. К.* Несколько данных о мишарах и селениях их в Казанской и Симбирской губ. ИОАИЭ, т. XIII, вып. 7. Казань, 1896.
- Магницкий В. К.* Новые данные о мишарах. ИОАИЭ, т. XIII, вып. 6. Казань, 1896.
- Магницкий В. К.* Нечто о чувашах, татарах и мишарах (мещера, мещеряки, «можары»). «Действия Нижегородской губернской архивной комиссии», сб. III. Нижний Новгород, 1898.
- Магницкий В. К.* Список селений мишарей в Буинском уезде Симбирской губ. ИОАИЭ, т. XVII, вып. 2-3. Казань, 1901.
- Малов Е. А.* Сведения о мишарах. Этнографический очерк. ИОАИЭ, т. IV, 1883.
- Малов С. Е.* Из поездки к мишарям (о наречии мишарей Чистопольского уезда). Приложение к «Ученым запискам Казанского университета», 1904.
- Масловский В.* Быт, обряды и поверья мещеряков Пензенской губ. Керенского уезда. «Вестник РГО», ч. 27, вып. 2. СПб., 1859.
- Маторин Н.* Религия у народов Волжско-Камского края. М., 1929.
- Махмутова Л. Т.* Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 125—163.
- Мессарош Ю.* Отчет члена Венгерского комитета... о поездке к чувашам и приволжским татарам. «Известия Российского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении», № 9. СПб., 1909.
- Милькович.* Быт и верования татар Симбирской губернии в 1783 г. «Симбирские губернские ведомости», 1851, № 44, 45.

- Мордовцев Д.* Характеристика поволжского населения. «Саратовские губернские ведомости», 1859, № 7—10.
- Мур-ев А.* Татары Петровского уезда. «Саратовский листок», 1885, № 165, 190.
- Мухамедова Р. Г.* Одежда одной из групп темниковских татар. «Труды Казанского филнала АН СССР», серия гуманитарных наук, вып. 2, 1959, стр. 221—233.
- Мухамедова Р. Г.* К вопросу о расселении татар-мишарей. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962.
- Мухамедова Р. Г.* Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР. Там же.
- Мухамедова Р. Г.* Некоторые итоги изучения жилища и поселения татарского колхозного крестьянства Мордовии. «Вопросы истории Татарии». Казань, 1962.
- Мухамедова Р. Г.* Некоторые результаты этнографического изучения мишарей. «Вопросы истории, литературы народов Среднего Поволжья». Казань, 1965.
- Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари (Мордовская АССР). Автореферат канд. дисс. Казань, 1966.
- Народы России (татары). «Нива», 1874, № 22—23.
- Народы России. Живописный альбом. СПб., 1878.
- Народы России. Волжские татары. «Досуг и дело», вып. III. СПб., 1879.
- Нарцов А. Н.* Тамбовская и козловская сторожевая черта. «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1901, вып. 44.
- Обыватель. Город Петровск. Общий очерк. «Саратовские губернские ведомости», 1889, № 84.
- Одежда тамбовских татар и мордвы. «День», 1865, № 31.
- Олеарий (Адам).* Описание путешествия в Московию и через Московию в Пермю и обратно. СПб., 1906.
- Очерки истории Мордовской АССР, т. I. Саранск, 1955.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи (в 1768 г.), ч. I. СПб., 1773.
- Пелль.* Хозяйственные замечания о Казанской и некоторых частях Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Вятской губ. «Журн. Министерства гос. имуществ», XVI, 1845.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, т. 25; Нижегород. губ. СПб., 1901—1904; то же, т. 28; Оренбург. губ. СПб., 1904; то же, т. 30; Пенз. губ. СПб., 1903; то же, т. 36; Самарск. губ. СПб., 1904; то же, т. 38; Саратовск. губ. СПб., 1904; то же, т. 39; Симбирск. губ. СПб., 1904; то же, т. 42; Тамбовск. губ. СПб., 1904.
- Перетяткович Г.* Поволжье в XV—XVI вв. М., 1877.
- Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и нач. XVIII в. (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
- Петров С.* Пугачев в Пензенском крае. Пенза, 1950.
- Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—23 гг.), ч. I. Под ред. А. К. Кабанова. «Документы Нижегородской ученой архивной комиссии», т. 15, вып. VIII, 1915.
- Плотников В.* О башкирах и мещеряках, живущих в Екатеринбургском уезде Пермской губ. «Записки Императорского вольно-экономического общества», 1855, № 2, 3.
- Полесских М. Р.* Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 2, 1959.
- Полесских М. Р.* Тайны земляной крепости. «Пензенская правда», 18 ноября 1960 г.
- Полное собрание законов Российской империи, т. I. СПб., 1830.
- Полное собрание русских летописей, т. IV, VIII, IX.
- Попов Н.* Сведения о нижегородских татарах. «Нижегородские епархиальные ведомости», 1895.
- Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Краснослободский уезд. Пенза, 1917.
- Природа и хозяйство Пензенского края, № 1—5, 1925.
- Прозин Н.* Татары и татарские деревни. «Пензенские губернские ведомости», 1866, № 30—32.
- Прозин Н.* Село Кучерово (Ястребинный промысел у татар). «Саратовские губернские ведомости», 1871, № 46—49.
- Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перев. и комм. под ред. Н. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. Изд. Имп. АН. СПб., 1893—1911.
- Рашии А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.
- Рейтаров И. С.* Город Темников и его уезд. «Памятная книжка Тамбовской губ. на 1876 г.». Тамбов, 1876.
- Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России, ч. 1, 2. Казань, 1870.
- Рычков Н. П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769—70 гг. СПб., 1770—1772.
- Рычков П. И.* Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губ., ч. 1—2. СПб., 1762.
- Саблуков П.* Черты из жизни русских татар. «Саратовские губернские ведомости», 1846, № 25—29; 1849, № 2.
- Самойлович А. Н.* Названия дней недели у турецких народов. Яфетич. сборник, 1923, № 2.
- Самойлович А. Н.* К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае. «Новый Восток», 1927, № 18.
- Сахаров Л.* Заметки о татарах-поселянах. «Нижегородские губернские ведомости», 1860, № 46, 47.
- Сборник Русского исторического общества, т. 41. СПб.; 1884; т. 116. СПб., 1903.
- Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. 4. Темни-
- ковский уезд. Тамбов, 1883; т. 5. Спасский уезд. Тамбов, 1883.
- Свод законов гражданских, т. X, ч. I. СПб., 1887.
- Село Пенделка Кузнецкого уезда Саратовской губ. «Саратовские губернские ведомости», 1894, № 79.
- Сельское жилище. Сборник Наркомзема РСФСР. М., 1925.
- Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.
- Смирнов А. П.* Волжские булгары. «Труды ГИМ», вып. XIX, 1961.
- Соколов Б. М.* По Петровскому уезду Саратовской губ. «Труды Нижегородского обл. общества краеведения», вып. 34, ч. IV. Саратов, 1926.
- Списки населенных мест по сведениям 1859 г.: 1) Саратовская губ. СПб., 1862. Обработ. А. Артемьевым; 2) Нижегородская губ. СПб., 1863. Обработ. Е. Огородниковым; 3) Симбирская губ. СПб., 1863. Обработ. А. Артемьевым; 4) Тамбовская губ. СПб., 1866. Обработ. А. Артемьевым; 5) Пензенская губ. СПб., 1869. Обработ. А. Добровольским.
- Татарская деревня под Костромой. «Переводчик», 1886, № 33.
- Татары Симбирской губернии. «Кругозор», 1871, № 11.
- Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
- Татары Тамбовской губ., по данным 1893 г. ИОАИЭ, т. XII, вып. 3, 1894.
- Ташкин С. Ф.* Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии. Казань, 1822.
- Терехин В. М.* Исторические материалы в отношении инородцев Пензенского края конца XVII в. ИОАИЭ, т. XIV, вып. 2. Казань, 1897.
- Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884.
- Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958.
- Толстов С. П.* Нацмены ЦПО. Путеводитель к выставке. М., 1928.

Толстов С. П. Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губернии. «Культура и быт народов в ЦПО». М., 1929.

Трофимов В. Татары Саратовского края. «Листовка Саратовского гос. обл. музея», № 5, Саратов, 1928.

Трофимова Т. А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии. ТИЭ, новая серия, т. 7. М., 1949.

Труды IV Археологического съезда России, т. 1. Казань, 1884.

Труды Пензенской ученой архивной комиссии, 1903, № 1.

Уйфальви К. Башкиры, мешеряки и тептяри. ИРГО, т. XIII, вып. 2. 1877.

Фиельструп Ф. А. Свадебные жилища турецких народностей. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1. Л., 1926.

Филиппов Г. А. Крещенные мешеряки в Цивильском и Тетюшском уездах Казанской губ. «Православный благовестник», 1915.

Филиппов Г. А. Из истории христианского просвещения крещеных татар-мешеряков Цивильского и Тетюшского уездов Казанской губ. «Известия по Казанской епархии», 1915, № 37, 39—40.

Фирсов Н. А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

Фирстов Г. В. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854.

Харузин Н. Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. «Этнографическое обозрение», XXVIII, 1896, № 1—3; XXIX—XXX, 1896, № 2—3.

Хвольсон Д. А. Известия о казарах, буртасах, болгарях, мадырах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн Даста. СПб., 1869.

Хвощев А. Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922.

Хозяйство крупного феодала крепостника XVII в. (бойрина В. И. Моро-

зова). «Труды Историко-Археологического института». «Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства», вып. 1. Л., 1933.

Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории статистики и археологии г. Темникова и его уезда в XVII и XVIII столетиях (Темниковская десятина). Тамбов, 1890.

Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории колонизации Северо-Восточного края до второй половины XVIII в. «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. III, вып. II. Саратов, 1891.

Хохряков В. О сторожевых чертах в Пензенской губ. (в XVI—XVII вв.). «Труды Пензенской ученой архивной комиссии», кн. 1, отд. 2. Пенза, 1903.

Чекалин Ф. Ф. Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда Саратовской губ., сб. II. Саратов, 1882.

Чекалин Ф. Ф. Мишари и буртасы по сохранившимся о них памятникам. «Труды VIII Археологического съезда», т. 3. М., 1890.

Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892.

Черменский П. Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края (XIII—XVII вв.). «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 54. ч. 1. Тамбов, 1911.

Черменский П. Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губ., вып. 1 (до конца XVIII в.). Тамбов, 1926.

Шамгунова Р. Р. Чистой сөйләшенец морфологик һәм синтаксик үзенчәлекләре. «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 163—202.

Шамгунова Р. Р. О лексических особенностях чистопольского говора татарского языка. Там же, стр. 236—242.

Шамгунова Р. Р. Особенности чистопольского говора татарского языка. Автореферат канд. дисс. Казань, 1963.

Шино П. А. Волжские татары. «Современник», 1860, № 81, 82.

Штернберг Л. Я. Турано-ганиванская система и народы Северо-Восточной Азии. В кн.: Л. Я. Штернберг. Семья и род народов Северо-Восточной Азии. «Материалы по этнографии», т. III. Л., 1933.

Штукенберг А. А. Земледельческие орудия древних болгар. «Ученые записки Казанского университета», № 6—7. Казань, 1896.

«Шуро» (журнал на тат. яз.). Оренбург, 1910, № 1—9; 1911, № 20; 1914, № 23, 24.

Юлиан. Рассказы римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну

приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 г. «Записки Одесского общества истории», т. 5. Одесса, 1863.

Юркин И. Материалы по истории Карсуна. Карсун, 1928.

Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.

Языков М. Г. Очерк быта крестьян Кузнецкого уезда. «Саратовские губернские ведомости», 1880, № 48, 49.

Ямушкин В. П. К истории г. Темникова и его уезда. «Ученые записки МНИИЯЛИ», № 15. Саранск, 1952.

Ярми Х. Татар халкының поэтик ыжаты. Казан, 1967.

Список сокращений

ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ГМЭ	— Государственный музей этнографии народов СССР в Ленинграде.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии.
КФАН СССР	— Казанский филиал АН СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МЭЭ	— Музей антропологии и этнографии.
МНИИЯЛИ	— Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории.
РГО	— Русское географическое общество.
СЭ	— Советская этнография.
ТИЭ	— Труды Института этнографии.
ТИАЭ	— Труды Института археологии и этнографии.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГА МАССР	— Центральный государственный архив Мордовской АССР.
ЦПО	— Центрально-промышленная область.

Указатель имен

- Агеев М. В. 53, 54
 Акчурина М. 8
 Алексеева Т. А. 9, 28
 Алиев А. 18
 Альбинна П. 221
 Арслан мурза Ишиев сын
 Мустафин 20
 Артамонов М. И. 228
 Ахмаров Г. 8, 13, 28, 30,
 48, 49, 54, 97, 139, 180,
 181
 Ахметьянов Р. 189
 Ашмарин Н. И. 181
- Багин С. 180, 181
 Байчурина И. 54
 Баширов З. 8
 Белниер В. Н. 119, 132,
 138, 139, 181, 221
 Бломквист Е. Э. 138
 Богаевский П. М. 180
 Бонч-Осмоловский Г. А.
 181
 Бурганова Н. Б. 15, 30,
 31, 32, 180
 Бусыгин Е. П. 42, 44, 54,
 138
- Валидов Дж. 32
 Васильев Б. А. 9, 12,
 28, 30, 31
 Вельяминов-Зернов В. В.
 7, 9, 12, 20, 28, 30, 31
 Веселовский С. Б. 31
 Вестберг Ф. Ф. 31
 Вильчевский О. Л. 139
 Волинский А. П. 36
- Воробьев Н. И. 7, 25,
 27, 54, 57, 90, 97, 111,
 137—139, 140
 Воронин И. Д. 10, 22,
 23, 29, 31
- Гаген-Торн Н. 94, 139
 Гаджиева С. Ш. 180
 Гайнутдинов Ф. Н. 10
 Генинг В. Ф. 228
 Георги И. Г. 91, 138
 Гераклитов А. А. 10, 24,
 29, 31, 32, 137
 Глотов С. В. 9, 28, 66,
 138
 Гольмстен В. В. 30
 Готье Ю. В. 31
 Гордлевский В. А. 180
 Горохов Н. 179
 Горюнова Е. И. 138
 Губайдуллин К. 135, 140
 Губайдуллина М. 135,
 140
- Данилин А. Г. 54
 Дарьинский А. 143, 179
 Даулей Р. 221
 Денисов П. 220
 Джумагулов А. 167, 180
 Динес Е. И. 140
- Евсеев М. Е. 47, 54,
 168, 180
 Егерев В. В. 137
 Енгиреев Е. 22
- Жиганов М. Ф. 53
- Залесский В. 53
- Захарова И. В. 139
 Заходер Б. А. 31
 Зеленин Д. К. 41, 54
 Зерцалов А. Н. 10, 29,
 31
- Иби-Фадлан 132, 140
 Иванов С. В. 96, 139
 Ильин М. 181
 Ильин-Юхма М. 221
- Казаринов В. А. 8, 28
 Каракашлы К. Т. 98, 139
 Кирьянов А. В. 53
 Клеменц Д. М. 139
 Ковалевский А. П. 140
 Красовский В. Э. 10, 29
 Крюкова Т. А. 137
 Кузнецов Н. Д. 53
 Кутлеяров С. 20
 Куфтин Б. А. 9, 12, 28,
 30
- Левашев С. 22
 Ленин В. И. 41, 52, 54,
 55, 237
 Лепехин И. И. 7, 27, 54,
 109, 110, 139
 Лисициан С. Д. 139
 Любимов А. 10, 29
 Любимов Н. 32
 Львова А. Н. 137
- Магницкий В. К. 8, 28
 Майнов В. 180, 181
 Малов Е. А. 8, 28
 Мангушев Я. И. 36
 Мангушев Ямаш 20
 Марджани Ш. 92

- Маренов Г. 54, 141
 Мареновы 141, 144
 Марк К. Ю. 9, 28
 Маркелов М. Т. 110, 139
 Мартынов П. 10, 21, 29
 Масленицкий Т. Г. 10
 Матвеев С. М. 180
 Махмутова Л. Т. 14, 29,
 30, 31, 32, 99, 180, 228
 Милькович 7, 27
 Мингулова Р. Р. 29
 Михайлов С. М. 181
 Можаровский А. Ф. 12
 Морозов Б. И. 20
 Мухамедова Р. Г. 28, 29
- Надиров И. Н. 29, 221
 Насыров К. 220
- Паасонен Х. 8
 Палкаев А. 26
 Паллас П. С. 139
 Пекарский Н. П. 39
 Петр I 35
 Полесских М. Р. 9, 14,
 15, 28, 30, 31, 53, 54
 Потапов Л. П. 45, 54, 139
 Прокопьев К. 180, 181
- Радлов В. В. 12
 Риттих А. Ф. 181
- Розгильдеев Б. 20
 Романов Н. Р. 137
 Руденко С. И. 139, 140,
 180, 181, 220, 221
 Рудольфи А. Ф. 9, 28, 66,
 138
 Рычков П. 54
- Савельев П. С. 30
 Самерханов Р. 54
 Сафаргалеев М. Г. 30
 Сбоев В. А. 30
 Середонин С. М. 31
 Серошевский В. А. 140,
 220
 Симонова А. Р. 137
 Смирнов А. П. 30, 139
 Смирнов И. Н. 16, 31
 Соловьев К. А. 67, 138
- Такташ Х. 51, 55
 Ташкин С. Ф. 10, 29, 53
 Титов А. 29
 Трофимова Т. А. 9, 12,
 13, 15, 28, 30
 Трошанский В. Ф. 221
 Токарев С. А. 220
 Толстов С. П. 9, 12, 28,
 30, 71, 81, 94, 110, 138,
 139
- Фиельструп Ф. А. 180,
 181
 Фирсов Н. А. 16, 30
 Фукс К. 180, 181
- Халиков А. Х. 15, 30
 Харизоменов С. А. 32
 Харисов Э. 180
 Хвольсон Д. А. 138
 Хвощев А. 10, 22, 23, 25,
 29, 31, 32
 Ходжаева Р. Д. 139
 Холмогоров В. 10, 29, 32
 Холмогоров Г. 10, 29, 32
- Чеглоков С. И. 20
 Чекалин Ф. Ф. 12, 30, 31
 Черемшанский В. М. 7,
 27
- Шредер Р. Р. 53
 Штейнфельд Н. П. 180,
 181
- Юлуев Б. Г. 181
 Юркин И. Н. 109, 138
 Юсупов Г. В. 135, 181
- Ярми Х. 29, 221

Оглавление

	Предисловие	5
	Введение	7
	Обзор литературы и источников	7
	К вопросу об этногенезе татар-мишарей	11
	Расселение и численность	18
	Хозяйство	33
<i>Глава первая.</i>	Краткий исторический очерк развития крестьянских хозяйств	33
	Крестьянское хозяйство во второй половине XIX — начале XX в.	37
	Материальная культура	56
<i>Глава вторая.</i>	Поселения и жилища	56
	Одежда	88
	Пища и утварь	126
<i>Глава третья.</i>	Семья и брак	141
<i>Глава четвертая.</i>	Духовная культура	182
	Верования и их пережитки	182
	Народное творчество	192
	Заключение	222
	Приложение	229
	Библиография	237
	Список сокращений	245
	Указатель имен	246